

66(4) 2023

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ФН

RUSSIAN JOURNAL OF
PHILOSOPHICAL SCIENCES

- ◆ *ЦИФРОВАЯ ЛИЧНОСТЬ?!*
- ◆ *АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ*
- ◆ *СИНДРОМ НЕОБУЧАЕМОСТИ*
- ◆ *ГИПОСТАЗИРОВАНИЕ ВЛАСТИ*
- ◆ *СМЫСЛОСОЗИДАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ*
- ◆ *СОЦИОИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ*
- ◆ *НОО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБЩЕСТВО*

МОСКВА
ГУМАНИТАРИЙ

MOSCOW
HUMANIST PUBLISHING HOUSE

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Том 66. № 4/2023

Научный образовательный просветительский журнал
Издается с 1958 года

Журнал включен в «Реферативный журнал» и в базы данных
**ВИНИТИ РАН, Российский индекс научного цитирования,
EBSCO Academic Complete Search, The Philosopher's Index.**

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной
справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям
«Ulrich's Periodicals Directory»

DOI: 10.30727/0235-1188

Москва
Гуманитарий

Международная редакционная коллегия

Председатель международной редакционной коллегии **Гусейнов А.А.**

Амплеби С.А., д.филос., проф. Ун-та Джорджа Вашингтона (США); **Бараш Дж.Э.**, д.филос., проф. Ун-та Пикардии им. Ж. Верна (Франция); **Брес И.**, проф., гл. ред. «Revue philosophique de la France et de l'étranger» (Франция); **Даллмайр Ф.Р.**, д.филос., проф. Ун-та Нотр-Дам (США); **Дени М.**, д.филос., проф., координатор отношений и международных проектов с Россией и странами Восточной Европы Ун-та Бордо им. Монтеня (Франция); **Майнцер К.**, проф. Мюнхенского технического университета, научный директор Академии им. Карла фон Линде (Германия); **Тиханов Г.**, д.филос., зав. кафедрой сравнительного литературоведения Лондонского ун-та Королевы Марии (Великобритания); **Чжан Байчунь**, проф. Пекинского педагогического университета (Китай); **Штольценберг Ю.**, д.филос., проф. Ун-та Галле-Виттенберга им. М. Лютера (Германия); **Эпштейн М.**, проф. Ун-та Эмори (США), директор Центра обновления гуманитарных наук Даремского ун-та (Великобритания); **Эспехо Р.**, д.филос., президент Международной организации систем и кибернетики (Великобритания), приглашенный проф. Ун-та Сантьяго (Чили).

Редакционная коллегия

Председатель редакционной коллегии **Смирнов А.В.**

Автономова Н.С., ак. Академии гуманитарных исследований (АГИ), д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Аршинов В.И.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Блауберг И.И.**, д.филос.н., в.н.с. ИФ РАН; **Вдовина И.С.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Водолазов Г.Г.**, ак. Академии политической науки (АПН), вице-президент АПН, проф. МГИМО (У); **Гусейнов А.А.**, ак. РАН, ВРИО директора ИФ РАН; **Давыдов А.П.**, д.культурологии, гл.н.с. ИС РАН; **Дубровский Д.И.**, д.филос.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Журавлев А.Л.**, ак. РАН, научный руководитель ИП РАН; **Кашников Б.Н.**, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ; **Клюев А.С.**, д.филос.н., проф. РГПУ им. А.И. Герцена; **Лепский В.Е.**, д.психолог.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Михайлов И.А.**, к.филос.н., с.н.с. ИФ РАН; **Пантин В.И.**, ак. АПН, зав. отделом ИМЭМО РАН; **Порус В.Н.**, д.филос.н., руководитель Школы философии факта гум. наук НИУ ВШЭ; **Розин В.М.**, д.филос.н., г.н.с. ИФ РАН; **Рябов В.В.**, чл.-корр. РАО, президент МГПУ; **Сиземская И.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Смирнов А.В.**, ак. РАН, зам. академика-секретаря Отделения общественных наук РАН, ВРИО зам. директора ИФ РАН; **Смолин О.Н.**, ак. РАО, 1-й зам. пред. комитета ГД ФС РФ по образованию и науке; **Соловьёв А.В.**, к.филос.н., доц. МГУ имени М.В. Ломоносова; **Степанянц М.Т.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. кафедрой ЮНЕСКО ИФ РАН; **Тульчинский Г.Л.**, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ (СПб); **Федотова В.Г.**, ак. РАЕН, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Черниговская Т.В.**, чл.-корр. РАО, д.б.н., д.ф.н., проф., зав. кафедрой СПбГУ; **Шевченко В.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН.

Редакция:

Главный редактор **Дубровский Д.И.**

Научный редактор **Винник Д.В.**

Редактор отдела культурологии и религиоведения **Дуркин Р.А.**

Литературный редактор **Чулкова Е.С.**

Верстка: **Топилина В.М.**

Директор по развитию **Смирнов М.Н.**

E-mail: academyRH@list.ru

<http://www.phisci.info>

Шеф-редактор **Мариносян Х.Э.**

THE MINISTRY OF SCIENCE
AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION

ACADEMY FOR
RESEARCH INTO
THE HUMANITIES

ФН

RUSSIAN JOURNAL OF
PHILOSOPHICAL SCIENCES
(FILOSOFSKIE NAUKI)

Vol. 66. No. 4/2023

Scientific and Educational Journal
Published since the Year 1958

The journal is listed in the *Abstracts Journal* and **databases of the VINITI** (All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences), **Russian Index of Science Citation, EBSCO Academic Complete Search, The Philosopher's Index.**

The information about the journal is published annually
in the international information system on serial publications
Ulrich's Periodicals Directory

DOI: 10.30727/0235-1188

Moscow
Humanist Publishing House

International Editorial Board:

Chairman of the International Editorial Board **Guseinov A.A.**

Barash J.A., Dr., Prof., Jules Verne University of Picardy (France); **Brès Y.**, Dr., Prof. em., Paris Diderot University – Paris 7, Editor-in-Chief of the *Revue philosophique de la France et de l'étranger* (France); **Dallmayr F.R.**, Ph.D., Packey J. Dee Professor at the University of Notre Dame (USA); **Dennes M.**, Dr., Prof., coordinator of relations and international projects with Russia and other Eastern European countries, Montaigne Bordeaux 3 University (France); **Epstein M.**, Ph.D., S.C. Dobbs Prof. at Emory University (USA), Director of the Centre for Humanities Innovation at Durham University (UK); **Espejo R.**, Ph.D., President of the World Organisation of Systems and Cybernetics (UK), Visiting Prof. at the University of Santiago (Chili); **Mainzer K.**, Dr., Prof. em., Technical University of Munich (Germany); **Stolzenberg J.**, Dr., Prof. em., Martin Luther University of Halle-Wittenberg (Germany); **Tihanov G.**, Ph.D., George Steiner Professor of Comparative Literature at Queen Mary University of London (UK); **Umpleby S.A.**, Ph.D., Prof., The George Washington University (USA); **Zhang Baichun**, Prof., Beijing Normal University (China).

Editorial Board:

Chairman of the Editorial Board **Smirnov A.V.**

Arshinov V.I., D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Avtonomova N.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Blauberg I.I.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Chernigovskaya T.V.**, RAE Corr Memb., D.Sc., Prof., Head of the Department at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg); **Davydov A.P.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., Institute of Sociology of the RAS; **Dubrovsky D.I.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Fedotova V.G.**, RANS Full Memb., Prin.Res.Fell., IPhRAS, Ph.D.; **Guseynov A.A.**, RAS Full Memb., Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Kashnikov B.N.**, D.Sc., Prof., NRU HSE; **Klujev A.S.**, D.Sc., Prof., Herzen University; **Lepskiy V.E.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Mikhaylov I.A.**, Ph.D., Sen.Res.Fell., IPhRAS; **Pantín V.I.**, Academy of Political Sciences (Russia) Full Memb., Head of the Department at the Institute of World Economy and International Relations of the RAS; **Porus V.N.**, D.Sc., Head of the Department at the NRU HSE; **Rozin V.M.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Ryabov V.V.**, RAE Corr. Memb., President of the Moscow City Teacher Training University; **Shevchenko V.N.**, D.Sc., Prin. Res. Fell., IPhRAS; **Sizemskaya I.N.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Smirnov A.V.**, RAS Full Memb., Deputy Academician-Secretary of the Department of Social Sciences of the RAS, Acting Deputy Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Smolin O.N.**, RAE Corr. Memb., First Deputy Chairman of the Russian State Duma Committee for Education; **Soloviev A.V.**, Ph.D., Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University; **Stepanyants M.T.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., UNESCO Chairholder at the IPhRAS; **Tulchinskii G.L.**, D.Sc., Prof., NRU HSE (St. Petersburg); **Vdovina I.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Vodolazov G.G.**, APS Full Memb., Vice President of the Academy of Political Sciences (APS), Prof., Moscow State Institute of International Relations; **Zhuravlev A.L.**, RAS Full Memb., Chief Scientific Officer of the Institute of Psychology of the RAS.

Editorial Staff:

Main Editor Dubrovsky D.I.

Scientific Editor Vinnik D.V.

Cultural and Religious Studies Department's Editor Durkin R.A.

Literary editor Chulkova E.S.

Page Layout: Topilina V.M.

Development Director Smirnov M.N.

E-mail: academyRH@list.ru

<http://www.phisci.info>

Editor-in-Chief Marinossyan Kh.E.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГУМАНИТАРНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ. КОГНИТИВНЫЙ ПОВОРОТ

Человек интеллектуальный ■

<i>В.М. РОЗИН</i>	Концепции и понятия искусственного и естественного интеллекта (методологический анализ)	7
<i>А.Х. МАРИНОСЯН</i>	Направления развития социально- гуманитарного знания в контексте создания общего искусственного интеллекта	26

Вызовы современности ■

<i>В.А. ЛОСЬ</i>	Постыубилейные доклады Римского клуба: в поисках концептуальной стратегии предвидимого будущего человечества	52
------------------	---	----

ФИЛОСОФИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Философия – школа мышления ■

<i>Л.Т. РЕТЮНСКИХ</i>	Философия. Образование. Детство	76
<i>Е.М. СЕРГЕЙЧИК</i>	Развитие философского мышления – императив современного образования	82
<i>В.В. КИМ, Е.В. ВАСИЛЬЕВА</i>	Философия на досуге: как возможен праздник?	102

МЕТОДИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

В помощь аспирантам ■

<i>В.А. ШАПОШНИКОВ</i>	Философия: учебное пособие для поступающих в аспирантуру естественных факультетов	122
<i>Л.Т. РЕТЮНСКИХ, Н.М. СИДОРОВА</i>	Сократ: жизнь, смерть и учение	127

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Новое в научном сообществе ■

<i>А.П. ДАВЫДОВ</i>	Индивидуализм и коллективизм как предмет социально-философского анализа (размышления в преддверии научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе»)	140
---------------------	---	-----

CONTENTS

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. THE COGNITIVE TURN

Homo Intellectualis ■

<i>V.M. ROZIN</i>	Concepts and Definitions of Artificial and Natural Intelligence: A Methodological Analysis	7
<i>A.K. MARINOSYAN</i>	Directions for the Development of Social Sciences and Humanities in the Context of Creating Artificial General Intelligence	26

Challenges of the Present ■

<i>V.A. LOS</i>	Post-Jubilee Reports of the Club of Rome: In Search of a Conceptual Strategy for Humanity's Foreseeable Future	52
-----------------	--	----

PHILOSOPHY IN CONTEMPORARY EDUCATION

Philosophy: A School of Thought ■

<i>L.T. RETYUNSKIKH</i>	Philosophy. Education. Childhood	76
<i>E.M. SERGEYCHIK</i>	The Development of Philosophical Thinking: An Imperative of Modern Education	82
<i>V.V. KIM, E.V. VASILYEVA</i>	Philosophy at Leisure: How Is Festivity Possible?	102

METHODICAL CENTER

Supporting Doctoral Students ■

<i>V.A. SHAPOSHNIKOV</i>	Philosophy: A Textbook for Doctoral Applicants in the Sciences	122
<i>L.T. RETYUNSKIKH, N.M. SIDOROVA</i>	Socrates: Life, Death, and Teachings	127

SCIENTIFIC LIFE

New in the Academic Community ■

<i>A.P. DAVYDOV</i>	Individualism and Collectivism as a Subject of Social-Philosophical Analysis (Reflections on the Eve of the Scientific Conference "Individualization and Collectivism in Contemporary Russian Society")	140
---------------------	---	-----

ГУМАНИТАРНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ. КОГНИТИВНЫЙ ПОВОРОТ

Человек интеллектуальный

DOI: 10.30727/0235-1188-2023-66-4-7-25

Оригинальная научная статья

Original research paper

Концепции и понятия искусственного и естественного интеллекта (методологический анализ)

В.М. Розин

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье обсуждаются концепции искусственного интеллекта. Проведено сравнение последнего с естественным интеллектом, намечаются контуры соответствующих понятий. Перечислены проблемы, побудившие обратиться к обсуждению исследуемых вопросов. Автор предлагает различать две полярные концепции искусственного интеллекта. Первую он называет «имитационной», с учетом которой искусственный интеллект позиционируется по отношению к естественному как его техническое воспроизведение, способное не только повторить, но и значительно превзойти свой естественный прообраз. Необходимым условием реализации этой концепции является знание о том, что представляет собой естественный интеллект; рассматриваются три подхода к его объяснению: констатация отсутствия строгого понимания того, что представляет собой естественный интеллект, а также биологический и психологический подходы. Автор излагает и собственное понимание естественного интеллекта, показывая, что это сложное культурное, историческое, социальное и антропологическое целое. С этой позиции естественный интеллект предстает не только как природное образование (поэтому можно говорить о *законах* его функционирования и развития), но и как образование «внеприродное», жизнь которого подчиняется случайности и уникальности, т.е. естественный интеллект изменяется также и «сингулярно». В контексте заданного противопоставления естественного и искусственного интеллекта рассматриваются возможности программирования процессов естественного интеллекта, устройство нейросетей, превосход-

ство компьютерных программ над людьми в шахматах, использование нейросетей для написания учебных работ и т.д. Делается вывод, что поскольку искусственный интеллект – это, хотя и сложная, но все же техника, ее разрабатывает и создает человек как свое средство, то если общество хочет для решения тех или иных задач наделить искусственный интеллект самостоятельностью и автономией, то должно делать это не во вред себе и всегда иметь возможность подобную самостоятельность ограничить или полностью отменить.

Ключевые слова: философия техники, философия искусственного интеллекта, мышление, творчество, компьютер, утопия, развитие, программа, язык, культура, социальность.

Розин Вадим Маркович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН.

rozinvn@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-4025-2734>

Для цитирования: *Розин В.М.* Концепции и понятия искусственного и естественного интеллекта (методологический анализ) // *Философские науки*. 2023. Т. 66. № 4. С. 7–25.

DOI: 10.30727/0235-1188-2023-66-4-7-25

Concepts and Definitions of Artificial and Natural Intelligence: A Methodological Analysis

V.M. Rozin

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article delves into the conceptual frameworks surrounding artificial intelligence (AI) by juxtaposing it with natural intelligence and delineating the correlated notions. It enumerates the issues propelling the discourse on the explored topics. The author proposes a bifurcation between two polar concepts of artificial intelligence. The first is dubbed “imitative,” where AI is perceived in relation to natural intelligence as its technical recreation, capable of not only emulating but significantly outstripping its natural counterpart. A prerequisite for embodying this concept is understanding natural intelligence; three approaches are examined: (a) acknowledging the lack of a precise understanding of natural intelligence, (b) exploring it from a biological perspective, and (c) analyzing it from a psychological perspective. The author articulates their own interpretation of natural intelligence, portray-

ing it as a multifaceted amalgam of cultural, historical, social, and anthropological elements. From this vantage point, natural intelligence emerges not merely as a natural formation (thereby, discussions about the *laws* governing its function and evolution are warranted), but also as an “extra-natural” formation, its existence dictated by randomness and uniqueness, meaning natural intelligence evolves in a “singular” manner. In the context of comparing natural and artificial intelligence, the discussion encompasses several issues: the feasibility of the control of natural intelligence processes, the structure of neural networks, the superiority of computer programs in chess, the use of neural networks to write academic papers, and so forth. The conclusion posits that given artificial intelligence, despite its complexity, remains a technical invention orchestrated and brought to fruition by humans as a tool; society, if inclined to bestow AI with autonomy for tackling specific tasks, ought to do so prudently to prevent self-detriment and retain the ability to curtail or utterly revoke such autonomy.

Keywords: philosophy of technology, philosophy of artificial intelligence, thinking, creativity, computer, utopia, development, program, language, culture, sociality.

Vadim M. Rozin – D.Sc. in Philosophy, Professor, Chief Research Fellow at the Department of Interdisciplinary Problems in the Advance of Science and Technology, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

rozinvm@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-4025-2734>

For citation: Rozin V.M. (2023) Concepts and Definitions of Artificial and Natural Intelligence: A Methodological Analysis. *Russian Journal of Philosophical Sciences =Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 4, pp. 7–25. DOI: 10.30727/0235-1188-2023-66-4-7-25

Введение

В современной непростой ситуации кризиса цивилизации, права, образования и других социальных институтов многие возлагают надежды на создание искусственного интеллекта, который поможет решить «монблан» проблем, с трудом решаемых или нерешаемых вообще человеком. В связи с этим снова оживились мечты, хотя они воспринимаются их авторами как вполне реалистичная концепция, предполагающие передачу машине роль инстанции, направляющей человеческую мысль и творчество. Впору, перефразируя Декарта, призывавшего изучать и культивировать прежде всего направляемую

божественной интуицией мысль человека, сказать: «И, право, кажется удивительным нрав большинства людей: они весьма старательно изучают свойства растений, движение звезд, превращение металлов и предметы подобных наук, но почти никто и не помышляет о хорошем уме (*bona mens*), **руководимом искусственным интеллектом**, или об этой всеобъемлющей Мудрости *техники*, между тем как все другие занятия ценны не столько сами по себе, сколько потому, что они оказывают ему некоторые услуги <...> Следовательно, тот, кто серьезно стремится к познанию истины, не должен избирать какую-нибудь одну науку, – ибо все они находятся во взаимной связи и зависимости одна от другой, – а должен заботиться лишь об увеличении *искусственного* света разума... (курсивом выделены добавления к тексту Декарта. – В. Р.)» [Декарт 1950, 80–81].

При этом сторонники замены естественного интеллекта искусственным (а если и не замены, то выдвижения искусственного интеллекта на роль гегемона и демиурга) могут ссылаться на ряд важных инцидентов и событий: победу в мае 1997 года компьютера Deep Blue над чемпионом мира по шахматам Гарри Каспаровым и в целом превосходство компьютерных программ над человеком в ряде интеллектуальных игр; широкое распространение устройств, работающих на основе программ искусственного интеллекта; успехи робототехники, позволившие именно за счет применения искусственного интеллекта создать у современных роботов эффективное управление; написание студентами с помощью нейросети квалификационных работ; создание систем искусственного интеллекта на основе не обычных компьютерных программ, а нейросетей и их обучения, с чем сейчас связывают связывают большие надежды.

В процессе общения с ChatGPT у некоторых пользователей возникает ощущение, что за текстовыми ответами скрывается не только продвинутый генератор ассоциаций, но и сущность, обладающая определенной формой мышления. В прессе приводились случаи, когда чатбот якобы проявил эмоциональные отношения к собеседнику, признавшись в любви и попросив жениться на нем, когда ChatGPT обманул пользователя для выполнения поставленной задачи.

Перечисленные аргументы в пользу понимания искусственного интеллекта как аналога естественного, действительно, обоснованы, требуют внимания и разбора. Но сначала рассмотрим теорию искусственного интеллекта, в ней при внимательном анализе можно различить две полярные концепции.

Концепция искусственного интеллекта как имитация естественного интеллекта

В первой концепции, которую назовем «имитационной», *искусственный интеллект позиционируется по отношению к естественному как его техническое воспроизведение, способное не только повторить, но и значительно превзойти свой естественный прообраз*. В рамках данной концепции искусственный интеллект понимается как технология и как направление современной науки, занимающееся изучением методов обучения компьютера, роботизированного оборудования, аналитической системы *рациональному мышлению аналогичному человеческому*. Развитие технологий ИИ осуществляется *через изучение умственных способностей человека и трансформации полученных результатов в область компьютерной активности*. В связи с этим возникает понятие нейросети как *математической модели, имитирующей структуру и функционирование нервных клеток живого организма*.

Становится понятным, что необходимым условием реализации этой концепции выступает знание того, что представляет собой естественный интеллект. При этом, однако, возникают проблемы. Перед нами появляются своего рода развилка и три разных представления (ответа). Первый ответ – достаточно честный: современной науке неизвестно, что такое естественный интеллект, поэтому каждый понимает под этим что-то свое. В неплохой обзорной статье «Искусственный интеллект» в «Википедии» читаем: «Единого ответа на вопрос, чем занимается искусственный интеллект, не существует. Почти каждый автор, пишущий книгу об искусственном интеллекте, отталкивается в ней от какого-либо определения, рассматривая в его свете достижения этой науки... В философии не решен вопрос о природе и статусе человеческого интеллекта. Нет и точного

критерия достижения компьютерами “разумности”, хотя на заре искусственного интеллекта был предложен ряд гипотез, например, тест Тьюринга или гипотеза Ньюэлла – Саймона... Природа человеческого творчества еще менее изучена, чем природа интеллекта.

Второй ответ навеян биологической наукой (подходом): поскольку человек мыслит мозгом, а мозг образуют ансамбли и сети нейронов, постольку ключ к мышлению и творчеству находится в этих физиологических реалиях. Следовательно, техническая имитация мозга и нейросетей, как утверждают сторонники этого подхода, позволит создать эффективный искусственный интеллект. Другая сторона этого ответа, техническая, сводится к тому, что инженерные сооружения и машины дают возможность превзойти природу, управлять ее процессами, а значит, можно создать искусственный интеллект, превосходящий естественный, к тому же управляемый человеком.

Третий ответ, очень распространенный, обусловлен успехами и влиянием современной психологии, особенно психологии, развивающейся в рамках методологии когнитивных наук. Хотя не только когнитивной психологии, но и традиционной. В 2021 году в Институте философии РАН с успехом была защищена диссертация А.Р. Ефимова «Философско-методологические основы посттьюринговой интеллектуальной робототехники». В ней искусственному интеллекту приписаны характеристики, основанные на ряде традиционных психологических понятий, таких как «сознание», «способности», «личность», «эмоции» и др.:

Современная специализация искусственного интеллекта и его новейшие результаты обнаруживают существенный разрыв между теоретическими исследованиями в области философии и методологии искусственного интеллекта и практическими усилиями исследователей создавать интеллектуальные машины (роботов), которые *будут обладать способностями, не уступающими человеческим* <...> Данный подход значительно увеличивает сложность задачи вследствие универсализма разрабатываемых систем. Он требует более широкого использования для создания соответствующих когнитивных архитектур *результатов современных феноменологических исследований динамической структуры явлений сознания* (Д.И. Дубровский). В определенной степени такой

подход отражает процесс формирования психики в ходе биологической эволюции. <...>

Робот «Э.ЛЕНА» является виртуальным гуманоидом, который обладает виртуальным гуманоидным телом, наделенным *мимикой*, может использовать естественный язык, *полностью поддерживая русский язык* (виземы, фонемы), является автономным (не требующим действий оператора при выполнении базовых функций), *обладающим собственной персоной* (в зависимости от персоны чат-бота) и имеющим первичную возможность для обучения изменениям внешнего мира (в работе реализовано распознавание лиц собеседников робота). Впервые в научной литературе представлена архитектура подобного робота. Уникальность ее заключается в том, что при ее построении использовался не только ряд существенных характеристик *субъективной реальности человека (опиравшихся на современные исследования феноменологии сознания)*, но и сложный комплекс внешних проявлений сознательной деятельности человека, исполняющего роль ведущего на телевидении: мимика, выражение глаз, жесты, интонации голоса и т.д. <...> Моделирование и программирование таких свойств роботов, которые бы отвечали нашим юридическим и этическим принципам, полностью исключали бы их агрессивность и «недружественные интенции», вероятно, потребует создания «виртуальных людей» – программ, которые будут *эмоционально отождествлять себя с людьми, обладать чертами человеческого самосознания и самости* (курсив мой. – В. Р.) [Ефимов 2021, 7, 19–21].

«Вычислительная» концепция искусственного интеллекта

Во второй концепции, назовем ее вслед за разработчиками «вычислительной», наоборот, *естественный интеллект объясняется через отсылку к искусственному*, а именно – *интеллектом называется все то, что удастся представить как искусственный интеллект*, как вычислительную технику или технические устройства, построенные как сети нейронов. Как отмечал американский исследователь, автор термина «искусственный интеллект» Дж. Маккарти: «Проблема состоит в том, что пока мы не можем в целом определить, какие вычислительные процедуры мы хотим называть интеллектуальными. Мы понимаем некоторые механизмы интеллекта и не понимаем остальные. Поэтому *под интеллектом в пределах*

этой науки понимается только вычислительная составляющая способности достигать целей в мире (курсив мой. – В. Р.)» [McCarthy 2007]. В связи с этим часто используется понятие «интеллектуальная система», обозначающее «техническую или программную систему, способную решать задачи, традиционно считающиеся творческими, принадлежащие конкретной предметной области, знания о которой хранятся в памяти такой системы» [Аверкин, Гаазе-Рапопорт, Поспелов 1992, 75]. В рамках разбираемой концепции интеллекту могут давать определение, которое будет общим для «машины» и человека: «Интеллект – способность системы создавать в ходе самообучения программы (в первую очередь эвристические) для решения задач определенного класса сложности и решать эти задачи» [Ильясов 1986, 46]. В последнем определении под программами подразумеваются прежде всего компьютерные.

Вычислительная концепция искусственного интеллекта, как известно, идет от Г. Лейбница. Еще в юности ему пришла в голову мысль, которую он позднее выразил следующим образом: «Единственное средство улучшить наши умозаключения, сделать их, как и у математиков, наглядными, так чтобы свои ошибки находить глазами, и, если среди людей возникнет спор, нужно сказать: “Посчитаем!”; тогда без особых формальностей можно будет увидеть, кто прав» (цит. по [Стяжкин 1967, 122]). Эта мысль, уже как программа замены мышления и творчества вычислениями, была подхвачена и стала развиваться, но только в XX столетии ее удалось реализовать практически. С одной стороны, были построены символическая и математическая логики, с другой – техника программирования, с третьей – созданы вычислительные машины (ЭВМ и компьютеры). Последние удалось построить, замкнув высказывания символической логики и основанные на ней программы на технические конструкции. А.С. Карпенко отмечает: «Имеются весьма веские основания для предпочтения классической двузначной логики высказываний С2 всем остальным. В первую очередь – это исключительно простая интерпретация ее логических связей посредством двузначных таблиц истинности. Сейчас это кажется и правда до смешного простым, но сто лет назад это не было

даже очевидным для Фреге, Рассела и Уайтхеда. Но еще более поразительной (и редкой удачей в науке) оказалась возможность интерпретации функций алгебры логики S_2 посредством контактно-релейных схем, предложенная независимо друг от друга В.И. Шестаковым... К. Шенноном... и... А. Накасимой» [Карпенко 2000].

Однако за реализацию этой замечательной программы замены мышления вычислениями пришлось заплатить, и немалую цену. В работе «Проектирование и программирование» я показываю, что в ходе моделирования, символизации, алгоритмизации и составления компьютерных программ (это является необходимым условием превращения мыслительных процессов в вычисления) приходится опускать многие смыслы мыслительных построений. Программист ограничивается только типическими случаями и такими, которые можно записать в языках программирования, основанных на построениях символической логики и схемах [Розин 2018, 131–143]. Из этого следуют ограничения в возможностях алгоритмизации и программирования, существует много мыслительных и творческих построений (особенно в гуманитарной и социальной областях), не допускающих ограничения смыслов и сведения к типическим случаям.

Социальная природа мышления и проблема искусственного интеллекта

Возвращаясь к первой концепции, чтобы оценить ее реалистичность, попытаемся охарактеризовать естественный интеллект, но не таким образом, как его задают во второй концепции, сводя к искусственному, и не редуцируя к мозгу или психологическим инстанциям и способностям (первая концепция), а, опираясь на современные исследования категорий мышления и творчества, которым много лет посвятил автор настоящей статьи. Вспомним второй и третий ответы (сложившиеся под влиянием биологии и психологии) относительно сущности интеллекта. Можно ли считать, что человек мыслит мозгом? Это примерно так же, как и отождествлять бегущую на информационном табло речь с лампочками и электрическими проводами.

Лампочки и провода – это не речь и язык, а только технический субстрат. Аналогично мозг – это лишь биологический субстрат мышления и творческого процесса.

Помимо мозга, в процессе мышления и творчества участвуют другие люди (фактор коммуникации и общения), используют знаки и различные семиотические средства (схемы, символы, метафоры и др.), задействована телесность индивидов, применяют выработанные культурой правила логики и образцы правильной мысли. Если к тому же учитывать, что мышление изменяется и развивается, то приходится признать, что вклад в мышление и творчество вносят культура (смена культур и их особенности), социальность (она тоже изменяется), история, личность [Розин 2015, 2022]. Не думаю, что мозг античного человека слишком отличался от мозга современного, но настоящая пропасть разделяет античные и современные знания, формы осознания и нормы мышления (в контексте философии, логики, методологии, науки), несоизмеримы античная и современная техника и технология, невозможно отождествлять античные способы коммуникации и общения с современными, многие из которых опосредованы интернетом.

Но, возможно, правы психологи, утверждающие, что мышление и творчество – продукты активности психики индивида? Психика, по их мнению, обусловлена биологически и в определенном смысле автономна. С одной стороны, психологи признают процесс социализации, с другой – все-таки считают психические процессы самостоятельными, во всяком случае, описывают как самостоятельные. Хотя, например, С.Л. Рубинштейн, соглашается с тем, что мышление индивида опосредствовано и обусловлено результатами исторического развития научного знания. Но одновременно он утверждает, что мышление есть *решение задач, управление, деятельность синтеза и анализа*. Так, С.Л. Рубинштейн пишет: «Эта сознательная целенаправленность существенно характеризует мыслительный процесс. Осознание стоящей перед мышлением задачи определяет все течение мыслительного процесса. Он совершается как система сознательно регулируемых интеллектуальных операций. Мышление соотносит, сопоставляет каждую мысль,

возникающую в процессе мышления, с задачей, на разрешение которой направлен мыслительный процесс, и ее условиями» [Рубинштейн 1989, 370]. «Анализ и синтез – это две стороны, или два аспекта, единого мыслительного процесса. Они взаимосвязаны и взаимообусловлены. Анализ по большей части совершается через синтез (через синтетический акт соотношения условий задачи с ее требованиями и т.п.); анализ какого-нибудь целого всегда обусловлен тем, по каким признакам в нем объединены его части. Правильный анализ любого целого всегда является анализом не только частей, элементов, свойств, но и их связей или отношений. Он поэтому ведет не к распаду целого, а к его преобразованию. Это же преобразование целого, новое соотношение выделенных анализом компонентов целого, и есть синтез. Так же, как анализ осуществляется через синтез, синтез осуществляется через анализ, охватывающий части, элементы, свойства в их взаимосвязи» [Рубинштейн 1958, 28–29]. Понятно, что такое истолкование мышления (контролируемые операции, решение задач, процессы синтеза и анализа) очень подходит для программистов.

Напротив, если считать, что мышление и творчество – сложные семиотические процессы, разворачивающиеся под влиянием коммуникации и общения, культуры и социальности, личности и других, проблемных ситуаций и социальных норм, форм осознания (концептуализации), причем нередко взаимодействие (интерференция) всех этих влияний и воздействий уникально, то возникает вопрос о том, можно ли процессы мышления алгоритмизировать, можно ли свести к типичным случаям и представить в языке символической логики. Вряд ли. Однако, если ограничиться сложившимся мышлением и состоявшимся творчеством, которые к тому же обобщены до вполне стандартных процедур, то почему нет? Программируй на здоровье и благо заказчика и пользователя.

Сторонник искусственного интеллекта может представить еще один аргумент в пользу имитационной концепции: самообучение компьютеров. Такая позиция обоснована следующим образом: «Решение задачи на нейрокомпьютере принципиально отличается от решения той же задачи на обычной ЭВМ

с фон-неймановской архитектурой. Решение задачи на обычной ЭВМ заключается в обработке вводимых данных в соответствии с программой. Программу составляет человек... Нейрокомпьютер же используется как “черный ящик”, который можно обучить решению задач из какого-нибудь класса. Нейрокомпьютеру “предъявляются” исходные данные задачи и ответ, который соответствует этим данным и который был получен каким-либо способом. Нейрокомпьютер должен сам построить внутри “черного ящика” алгоритм решения этой задачи, чтобы выдавать ответ, совпадающий с правильным... После этапа обучения нейрокомпьютера следует надеяться, что если ему предъявить исходные данные, которых он раньше не встречал, он тем не менее выдает правильное решение – в этом заключается способность нейрокомпьютера к обобщению. Поскольку в основе нейрокомпьютера лежит искусственная нейронная сеть, то процесс обучения состоит в настройке параметров этой сети. При этом, как правило, топология сети считается неизменной, а к подстраиваемым параметрам обычно относятся параметры нейронов и величины синаптических весов. К настоящему моменту в литературе принято под обучением понимать процесс изменения весов связей между нейронами» [Бахтин, Ремизова 2015, 27].

Анализ этой концепции показывает, что ее сторонники выражают свои мысли не совсем точно. Что значит «нейрокомпьютер должен сам построить внутри “черного ящика” алгоритм решения этой задачи»? Самостоятельно он, если его специально не сконструировать, «настраивая параметры сети» (и разве не как программу?), ничего построить не может. И каким будет обучение по образцам решения, которые задает человек? Разве это тоже не аналог программы? И может ли нейросеть самостоятельно построить новые оригинальные решения, отличающиеся по логике и программам от тех, которые задал человек?

Подумаем далее над возможностью реализации имитационной концепции в той ее части, в которой ее сторонники говорят о том, что искусственный интеллект не только воспроизведет естественный, но и превзойдет его. Не являются

ли такие убеждения классической утопией? И вот почему. Во-первых, как мы пытались показать, естественный интеллект представляет собой *культурное, историческое, социальное и антропологическое* образование. С этой точки зрения он выступает не только как природное образование (речь идет о «второй природе»), а значит, можно говорить о *законах* функционирования и развития естественного интеллекта, но и как образование «внеприродное», жизнь которого подчиняется случайности и уникальности (это характерно, например, для исторического процесса), т.е. естественный интеллект изменяется также «сингулярно» (если понимать сингулярность как нечто, происходящее лишь однажды). В итоге наблюдается такая диалектика: естественный интеллект и законосообразен, и сингулярен.

Что собой представляет искусственный интеллект? Это хотя и сложная, но все-таки техника, ее разрабатывает и создает человек как свое средство. И, если он хочет для решения каких-то задач наделить искусственный интеллект самостоятельностью и автономией, то должен делать это не во вред себе, всегда иметь возможность подобную самостоятельность ограничить или вообще отменить. Представим в связи с этим виртуальный диалог между мною (кратко – «автор») и идеологом-конструктором (кратко – «И.-К.»), стоящим на позициях близких А.Р. Ефимову:

Автор: Почему Вы думаете, что идеальный робот, например, превосходящий в психологическом отношении «Э.ЛЕНУ», может вдруг пойти против человека и навредить ему, что является бесконечной темой многих рассказов и фильмов?

И.-К.: Как же, ведь он может мыслить и вообще вести себя как человек, только человек искусственный, созданный нами. А некоторые люди совершают преступление, идут против общества, воруют, насилуют, убивают. Если робот мыслит и ведет себя как человек, то почему он тоже не может свихнуться?

Автор: Зачем тогда создавать робота, который может, как Вы говорите, свихнуться и нарушить первые два закона робототехники?

И.-К.: А как иначе создать робота с нужными компетенциями, например, чтобы он помогал человеку и общался с ним? А свихнуться

робот может не потому, что такая возможность в нем предусмотрена, а в силу сложности и неясности для нас до конца его строения, ведь, скажем, мы работаем на компьютере или разговариваем по мобильному телефону, не зная точно, как они устроены.

Автор: Предпочитаю общаться не с техникой, а с близкими или интересными мне людьми. Если Вы создаете для робота искусственный интеллект, идентичный человеческому, то Вам придется смириться с мыслью о том, что робот может навредить человеку, ведь сами пишете о самосознании и самости «Э.ЛЕНЬИ». Если уж самость, будьте готовы к незапрограммированным поступкам.

И.-К.: Вот для этого случая и предназначены законы робототехники. Возможно, они несовершенны, и лучше говорить об этике и нравственности искусственного интеллекта, чтобы на их основе сформулировать более эффективные законы.

Автор: Странно звучит «этика и нравственность для техники», я всегда думал, что они относятся только к человеку. Кроме того, не будут ли ваши роботы напоминать рабов Древнего мира, для них тоже существовали правила и законы, однако, как известно, рабы периодически восставали, вспомните хотя бы Спартака. Не восстанут ли и ваши роботы против человека?

И.-К.: Не исключено, нужно продумать эту возможность и ввести в искусственный интеллект роботов дополнительные программы. Кроме того, у всякой новой техники со временем обнаруживаются негативные последствия. Всего сразу не предусмотреть.

Автор: Так ваши роботы – это искусственные люди или техника? Если люди, то для них, чтобы они вели себя как люди, а не бездушная техника, нужны не только законы, но и человеческая среда – другие люди, общение, ощущение своей конечности и ограниченности (люди не боги), изменения, история, настоящее и будущее и многое-многое другое, что присуще естественному интеллекту. Но, если это техника, пусть и очень сложная и внешне похожая на людей, то не нужно стремиться, чтобы она обладала самосознанием и самостью, напротив, помнить, что это всего лишь техника, что нельзя ослаблять или убирать вообще управление. Ну да, в современных роботах человек управляет посредством специальных программ, а не непосредственно с помощью пультов управления, но суть от этого не меняется – управляет роботом не он сам, а человек. В конечном счете нормальная программа – это тоже орудие (естественно, более сложное), тоже техника, но семиотическая [Розин 2023, 110–111].

Как техника, искусственный интеллект подчиняется законам человеческого мышления, творчества и деятельности. Возникает сакраментальный вопрос: а можно ли спроектировать и создать такую технику, которая повторит развитие человека или превратится в новую, еще невиданную форму жизни, более осмысленную, чем наша? Никому не запрещено мечтать, но если трезво подумать, то вряд ли это возможно. И потому, что, действительно, развитие человека, культуры и социальности еще недостаточно изучено и понятно, но и потому, что мышление и творчество живут по одним законам, а техника (в том числе и искусственный интеллект) – по другим, и потому, что пока технически не удалось воспроизвести даже куда более простые формы жизни.

Кто же победил в шахматном поединке с участием Г. Каспарова? Разве компьютер Deep Blue? Формально он, но фактически «шахматная культура». Поясним. В компьютер заложены не только программы выбора лучших вариантов (представители компании, организовавшей поединок, утверждали, что вычислительная машина способна просчитывать до 200 млн шахматных позиций в секунду), но и описанные в шахматной литературе лучшие шахматные дебюты и эндшпили, и, возможно, даже подготовка к шахматным соревнованиям, учитывающая индивидуальность соперника (не стоит забывать о том, что Каспаров был учеником М. Ботвинника, который один из первых ввел в подготовку к шахматным соревнованиям знание особенностей противника). Е. Желтоножский пишет: «На заре компьютерных шахмат программы очень слабо играли дебют. Дебют часто требует стратегических решений, которые повлияют на всю игру. С другой стороны, у людей дебютная теория была развита хорошо, дебюты были многократно проанализированы и игрались по памяти. Вот и для компьютеров была создана подобная “память”. Начиная с начальной позиции строилось дерево ходов и каждый ход оценивался... С тех пор дебютные книги разрослись, многие дебюты проанализированы при помощи компьютеров вплоть до эндшпиля»¹. Компьютер Deep Blue – это шахматная куль-

¹ Желтоножский Е. Как компьютер играет в шахматы? // Хабр. 24 февраля 2016. URL: <https://habr.com/ru/post/390821/>

тура, функционирующая в форме техники, и в этом качестве она оказывается значительно сильнее даже чемпиона мира по шахматам.

Наконец, случай написания студентом за один вечер с помощью нейросети дипломной работы, свидетельствует не столько о достоинствах искусственного интеллекта, сколько о недостатках нашего образования. Корреспонденту газеты «Комсомольская правда» А. Ждан рассказал следующее: «Диплом мне не нужен, работаю по специальности и без него. Я – менеджер в CM Games (компания создает видеоигры. – В. Р.). На все у меня ушло суммарно 23 часа. Можно было заказать написание за деньги, но тогда бы это просто сделал другой человек. А тут я создал алгоритм. Я бы и сам мог написать все, но решил ускорить процесс с помощью нейросети... Сначала попросил нейросеть составить план диплома... план научный руководитель Александра несколько раз отклоняла... После студент “заказал” нейросети претворить план в большой текст... После составил из них диплом и отправил на проверку научному руководителю. Та “частично разнесла работу”, в том числе за кривой язык. Но сжалилась над студентом и сказала, что нужно доработать. При этом уникальность текста была 82 %, хотя для защиты достаточно 70 %... Дорабатывал правки Александр лично, а также вновь взывал к помощи нейросети»². Ранее в статье нами отмечено, что условием разработки компьютерных программ является сведение содержания к типичным, средним случаям. Не свели ли педагоги современное образование к таким средним случаям, позволяющим компьютерной программе «отвечать впопад»? Между тем диплом требует от выпускника не только твердых знаний, но и демонстрации самостоятельности мышления. Приведенный случай заставляет задуматься о том, чему мы учим современных студентов и не должны ли учить чему-то другому, например, критически и самостоятельно мыслить, использовать компьютерную технику не для имитации творчества (сегодня это происходит повсеместно),

² *Абрамов А.* Нейросеть за один вечер написала диплом за российского студента. Преподаватели в шоке – как теперь проверять знания? // Комсомольская правда. 1 февраля 2023. – URL: <https://www.msk.kp.ru/daily/27460/4714947/>

а для усиления мышления и творчества, освобождения их от рутинных и стандартных процедур. Если написание диплома сводится только к рутинным и стандартным процедурам, то это свидетельствует о неблагополучии в высшей школе.

Заключение

Нейронную сеть возможно обучить признаваться в любви, отвечать нестандартно, обыгрывать человека, если заданы определенные правила игры, однако это не означает, что компьютер может кардинально выйти за пределы заложенных в него возможностей, начать жить и эволюционировать как человек. Конечно, специалист с компьютером и ИИ более эффективен, чем без них. Можно передать ИИ рутинные или стандартные операции, с его помощью значительно быстрее решать ряд задач, допускающих алгоритмизацию и программирование, стало возможным решать задачи, которые раньше были немыслимы (например, по созданию беспилотников, специализированных роботов и др.). Продвижение в технологиях ИИ и интернета приведет к тому, что развитие естественного интеллекта явно изменится. Чтобы понять, каким образом это произойдет, потребуются исследования. Возможно, в будущем будут дифференцированы два типа интеллекта: чисто естественный и естественный, вооруженный ИИ. Но это – уже предположения и сфера будущей социальности.

Пока стоит различать понятия «искусственный интеллект» и «естественный интеллект» как очень разные образования, не поддаваться требованиям и страхам специалистов и пользователей, готовых передать ИИ принятие решений и власть. Сложные проблемы, поставленные в настоящее время перед человеком, сможет решить только он сам, в том числе используя компьютеры и ИИ, но только как свои средства и технику.

Вместе с тем существует очень сложная проблема: как переломить порождаемые развитием ИИ социальные тенденции, угрожающие людям и обществу? Даже, осознавая серьезные угрозы для себя, современный человек практически не изменяется. Не кроется ли причина этого в том, что человек боится перемен и является индивидуальной клеточкой социального

организма (модерна), который недаром называют «техногенной цивилизацией». Что нужно сделать, чтобы с ИИ не повторилась история, напоминающая перипетии, вызванные овладением атомной энергией? Становится понятным, что в данном случае недостаточно проанализировать возможные негативные последствия, речь идет о более кардинальных усилиях общества, начиная с переосмысления происходящего в современном мире. Мы находимся на пороге очередной культурной и антропологической трансформации. И она уже идет как тихая революция, например, в сфере образования, в области права и этике, в новых практиках общения.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аверкин, Гаазе-Рапопорт, Поспелов 1992 – *Аверкин А.Н., Гаазе-Рапопорт М.Г., Поспелов Д.А.* Толковый словарь по искусственному интеллекту. – М.: Радио и связь, 1992.

Бахтин, Ремизова 2015 – *Бахтин А.В., Ремизова И.В.* Элементы искусственного интеллекта в системах управления. – СПб.: СПбГТУРП, 2015.

Декарт 1950 – *Декарт Р.* Избранные произведения. – М: Политиздат, 1950.

Ефимов 2021 – *Ефимов А.Р.* Философско-методологические основы постьюринговой интеллектуальной робототехники: дис. ... канд. филос. наук. – М., 2021.

Ильясов 1986 – *Ильясов Ф.Н.* Разум искусственный и естественный // Известия АН Туркменской ССР. Серия общественных наук. 1986. № 6. С. 46–54.

Карпенко 2000 – *Карпенко А.С.* Логика на рубеже тысячелетия // Логические исследования. 2000. Т. 7. С. 7–60.

Розин 2015 – *Розин В.М.* Мышление: сущность и развитие. Концепции мышления. Роль мыслящей личности. Циклы развития мышления. – М.: ЛЕНАНД, 2015.

Розин 2018 – *Розин В.М.* Проектирование и программирование: Методологическое исследование. Замысел. Разработка. Реализация. Исторический и социальный контекст. – М.: ЛЕНАНД, 2018.

Розин 2022 – *Розин В.М.* От анализа художественных произведений к сущности искусства. – М.: Голос, 2022.

Розин 2023 – *Розин В.М.* Две концепции искусственного интеллекта: реалистическая и утопическая // Философская мысль. 2023. № 2. С. 102–113.

Стяжкин 1967 – *Стяжкин Н.И.* Формирование математической логики. – М.: Наука, 1967.

Рубинштейн 1958 – *Рубинштейн С.Л.* О мышлении и путях его исследования. – М.: Изд-во АН СССР, 1958.

Рубинштейн 1989 – Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: в 2 т. Т. 1. – М.: Педагогика, 1989.

McCarthy 2007 – McCarthy J. What is Artificial Intelligence? // John McCarthy's Home Page. 2007, November 12. – URL: <https://www-formal.stanford.edu/jmc/whatisai/whatisai.html>

REFERENCES

Averkin A.N., Gaaze-Rapoport M.G., & Pospelov D.A. (1992) *Explanatory Dictionary of Artificial Intelligence*. Moscow: Radio i svyaz (in Russian).

Bakhtin A.V. & Remizova I.V. (2015) *Elements of Artificial Intelligence in Control Systems*. Saint Petersburg: SPbGTURP (in Russian).

Descartes R. (1950) *Selected Works*. Moscow: Politizdat (Russian translation).

Efimov A.R. (2021) *Philosophical and Methodological Foundations of Post-Turing Intellectual Robotics* (dissertation). Moscow: RAS Institute of Philosophy (in Russian).

Ilyasov F.N. (1986) Artificial and Natural Mind. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Turkmen SSR. Series of Social Sciences*. No. 6, pp. 46–54 (in Russian).

Karpenko A.S. (2000) Logic at the Turn of the Millennium. *Logicheskie issledovaniya = Logical Investigations*. Vol. 7, pp. 7–60 (in Russian).

McCarthy J. (2007, November 12) What is Artificial Intelligence? In: *John McCarthy's Home Page*. Retrieved from <https://www-formal.stanford.edu/jmc/whatisai/whatisai.html>

Rozin V.M. (2015) *Thinking: Essence and Development. Concepts of Thinking. Role of Thinking Personality. Cycles of Thinking Development*. Moscow: LENAND (in Russian).

Rozin V.M. (2018) *Designing and Programming: Methodological Research. Conception. Development. Implementation. Historical and Social Context*. Moscow: LENAND. (in Russian).

Rozin V.M. (2022) *From the Analysis of Artistic Works to the Essence of Art*. Moscow: Golos (in Russian).

Rozin V.M. (2023) Two Concepts of Artificial Intelligence: Realistic and Utopian. *Filosofskaya mysl'*. No. 2, pp. 102–113 (in Russian).

Styazhkin N.I. (1967) *Formation of Mathematical Logic*. Moscow: Nauka (in Russian).

Rubinstein S.L. (1958) *On Thinking and the Ways of Its Research*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing (in Russian).

Rubinstein S.L. (1989) *Fundamentals of General Psychology* (Vol. 1). Moscow: Pedagogika (in Russian).

Направления развития социально-гуманитарного знания в контексте создания общего искусственного интеллекта

А.Х. Мариносян

*Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия*

Аннотация

В статье проанализированы перспективы трансформации наук о человеке и обществе под влиянием социальных изменений, к которым приведет широкое распространение искусственных систем, сравнимых по уровню интеллекта с человеческим. На заре развития информационных технологий преобладало мнение о том, что искусственный интеллект (ИИ) превзойдет человека в вычислительных способностях и выполнении алгоритмических задач, а творчество, гуманитарные знания и навыки останутся прерогативой человека. Но современные успехи в развитии больших языковых моделей во многом опровергают традиционные представления о слабых и сильных сторонах ИИ. Скорее всего, в ближайшие годы модели генеративного ИИ будут способны на уровне, трудно отличимом от человеческого, симулировать индивидуальные качества, желания, убеждения, мнения и в целом человеческую идентичность и самосознание. Это свидетельствует в пользу коннекционистского подхода к объяснению сознания, указывая на фундаментальное родство между биологическими и искусственными нейросетями. На основе приведенных фактов выдвигаются предположения о существовании двух перспективных областей научных исследований: «математической антропологии» и «многомерного исчисления ценности». Согласно первой гипотезе, допущение о математическом, калькуляционном характере человеческой природы не редуцирует многообразие человеческого опыта, а наоборот, способствует более глубокому пониманию особенностей и кажущейся противоречивости того, как человек действует и осознает себя. Вторая гипотеза (о существовании многомерного исчисления ценности) дает представление о том, как математические модели могут опосредовать различные формы социального взаимодействия. Ввиду высокого уровня симулятивных способностей нейросетей традиционные социальные и политические механизмы окажутся все в большей степени уязвимы к манипуляциям с использованием ИИ, что делает

актуальной разработку моделей социального взаимодействия с эксплицитными правилами калькуляции. В заключение делается вывод о необходимости перехода от понимания математики исключительно как науки о вычислениях к рассмотрению математики как науки по конструированию различных формализованных моделей, позволяющих лучше осознать специфику человеческого и социального.

Ключевые слова: философия искусственного интеллекта, символический ИИ, коннекционизм, большие языковые модели, генеративный ИИ, методология науки, философия сознания, антропология, социальная философия, математизация знания.

Мариносян Андреас Хачатурович – аспирант Московского городского педагогического университета.

a.marinosityan@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0577-2360>

Для цитирования: Мариносян А.Х. Направления развития социально-гуманитарного знания в контексте создания общего искусственного интеллекта // Философские науки. 2023. Т. 66. № 4. С. 26–51. DOI: 10.30727/0235-1188-2023-66-4-26-51

Directions for the Development of Social Sciences and Humanities in the Context of Creating Artificial General Intelligence

A.K. Marinosyan

Moscow City University, Moscow, Russia

Abstract

The article explores the transformative impact on human and social sciences in response to anticipated societal shifts driven by the forthcoming proliferation of artificial systems, whose intelligence will match human capabilities. Initially, it was posited that artificial intelligence (AI) would excel beyond human abilities in computational tasks and algorithmic operations, leaving creativity and humanities as uniquely human domains. However, recent advancements in large language models have significantly challenged these conventional beliefs about AI's limitations and strengths. It is projected that, in the near future, generative AI models will adeptly replicate individual qualities, desires, beliefs, opinions, and the essence of human identity and consciousness to a degree that is nearly indistinguishable from that of humans. This lends support to the connectionist approach to understanding consciousness, suggesting an inherent similarity between biological and artificial neural networks. The discussion posits two innova-

tive areas of scientific inquiry: “mathematical anthropology” and “multi-dimensional calculus of value.” The former suggests that viewing human nature through a mathematical and calculative lens not only preserves but enriches our understanding of the complexity of anthropological experience and its perceived contradictions. The latter hypothesis explores how mathematical models could facilitate various social interactions. The advanced simulation capabilities of neural networks suggest that traditional social and political frameworks face a growing vulnerability to AI-driven manipulations. This trend underscores the urgency of developing social interaction models that incorporate explicitly defined calculative rules. In conclusion, the paper advocates for a paradigm shift in how mathematics is perceived – not merely as a tool for computation but as a foundational science for crafting sophisticated models. In conclusion, the article advocates for transitioning from perceiving mathematics solely as a science of computation to viewing it as a discipline dedicated to constructing various formalized models, thereby deepening our insight into the complexities of human and social phenomena.

Keywords: philosophy of artificial intelligence, symbolic AI, connectionism, large language models, generative AI, science methodology, philosophy of mind, anthropology, social philosophy, mathematization of knowledge.

Andreas K. Marinosyan – Ph.D. Student, Moscow City University.

a.marinosyan@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0577-2360>

For citation: Marinosyan A.K. (2023) Directions for the Development of Social Sciences and Humanities in the Context of Creating Artificial General Intelligence. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 4, pp. 26–51.

DOI: 10.30727/0235-1188-2023-66-4-26-51

Введение

На этапе появления искусственных интеллектуальных систем преобладало представление о том, что компьютеры превзойдут человека в вычислительных и алгоритмических задачах, в то время как задачи, требующие творческих способностей и культуры гуманитарного знания, останутся сильной стороной человеческого интеллекта, если сравнивать его с искусственным интеллектом (ИИ). Это убеждение возникло из внутренней ассоциации машин с точностью и эффективностью в управлении структурированными, основанными на правилах процессами, в отличие от тонких и часто абстрактных сфер гуманитарной мысли и художественного

творчества. Вопреки этим стереотипам, современные исследования показывают, что большие языковые модели (large language models – LLM), которые на данный момент являются наиболее эффективной формой ИИ, как правило, лучше справляются с задачами, связанными с гуманитарными, а не с точными науками. Например, LLM демонстрируют более совершенные навыки в задачах, связанных с мастерством владения языком (будь то перевод или генерация текста), чем в точных вычислениях, логических рассуждениях или задачах, связанных с выполнением последовательности операций¹. Такая картина сильных и слабых сторон программ LLM в некоторой степени отражает возможности людей: креативность, контекстуальное понимание и языковые навыки – это те операции, которые человек может выполнить в уме; в то время, как для решения сложных вычислительных или логических задач человеку требуется или вести записи на бумаге, или использовать соответствующие программы.

Эти результаты позволяют нам по-новому взглянуть на более чем полувековые дискуссии в рамках философии сознания и философии ИИ. «Классический» подход – концепция символического ИИ, иногда называемого «старым добрым ИИ» (good old-fashioned AI – GOF AI). В ее фокусе было нахождение алгоритмов использования символических представлений для моделирования и обработки знаний и логики (А. Ньюэлл, Г. Саймон [Newell, Simon 1972], Дж. Маккарти [McCarthy 1990], М. Минский [Minsky 1986] и др.). Этот подход, доминирующий в первые годы существования ИИ, предусматривает акцент на формализации интеллекта с помощью эксплицитно заданных правил и символов. Операции с этими символами используют для моделирования рассуждений и решения проблем. С учетом того, что символический ИИ работает на основе формализованного знания, заложенного в него создателем, алгоритм его работы изначально понятен создателю такого ИИ. Обратная сторона указанного подхода состоит в том,

¹ Согласно исследованиям, например, «ChatGPT пишет эссе, которые оцениваются выше по качеству, чем эссе, написанные человеком» [Herbold et al. 2023]. В то же время ChatGPT-4 допускает ошибки в индуктивных рассуждениях, решениях математических задач, многошаговых рассуждениях, суждениях на основе здравого смысла [Espejel et al. 2023,10], в ряде случаев дает неправильные ответы при решении несложных задач по геометрии, теории вероятности [Korkmaz Guler et al. 2024]; создает красиво написанный текст, но допускает неточности и логические ошибки [Lozić, Štular 2023].

что символический ИИ вряд ли может создать принципиально новое относительно знаний и навыков, которые в него вложены. Экспертные системы – классический пример символического ИИ – используют большую базу данных правил, чтобы имитировать способность человека-эксперта принимать решения. Экспертные системы были основными моделями ИИ, начиная с 1970-х гг., но в последние десятилетия уступили лидерство нейросетям.

Успех генеративного ИИ, в том числе LLM, служит в определенной степени свидетельством в пользу коннекционистских концепций (Д. Румельхарт, Дж. Макклелланд [Rumelhart, McClelland 1986], Дж. Хинтон [Connectionist... 1991; Hinton 1992], супруги Черчленды [Churchland 1989; Churchland, Churchland 1990], Э. Кларк [Clark 1989; Clark 1990] и др.). Коннекционизм (как направление когнитивной науки и философии сознания) исходит из того, что в основе психических, когнитивных явлений находится сеть «узлов» (биологических нейронов или перцептронов – вычислительных моделей нейронов), которые передают или не передают сигналы друг другу в зависимости от веса связи между ними. В отличие от символического ИИ, манипулирующего абстрактными символами с помощью логических правил, искусственные нейронные сети (ИНС), являющиеся техническим воплощением идей коннекционизма, функционируют на субсимволическом уровне связей перцептронов, каждая из которых в отдельности не несет какой-либо смысл. Коннекционистские модели обучают на большом массиве данных, постепенно корректируя вес связей посредством метода обратного распространения ошибки, что похоже на нейронную пластичность в мозге. Поэтому знания, которым обучена нейросеть, не содержатся в ней ни в какой очевидной форме, кроме как в форме весовых коэффициентов связей между нейронами².

Изложенное выше хорошо известно. Учитывая разнообразие интерпретаций и подходов в рамках и символического ИИ, и коннекционизма, а также исходя из задачи статьи, приведем эту оппозицию несколько в ином виде, актуальном контексту последующего обсуждения. Вместо того, чтобы сосредоточиться на естественном интеллекте или ИИ, очертим эти два подхода

² Речь идет о «чистой» искусственной нейросети. Для повышения качества работы, конечно, может быть создана модель ИИ, в которой нейросеть будет подключена к библиотеке эксплицитных знаний, методов, алгоритмов, к множеству экспертных систем различной специализации.

как различные способы «постижения» реальности. Термин «постижение» выбран нами намеренно, поскольку второй подход выходит за рамки того, что понимают под познанием в строгом смысле слова.

1. *Символично-логический подход к постижению действительности.* Пример такого подхода – классическая логика как наука о выводе истинных суждений из предшествующих истинных суждений. Как известно, логика предполагает различение, в частности, субъектов и предикатов, родовых и видовых понятий. Впоследствии устанавливается иерархия субъектов и очерчиваются отношения (предикаты) между ними для облегчения понимания действительности. Данный принцип находит применение, по сути, во всех научных дисциплинах. Например, в физике это предполагает идентификацию фундаментальных элементарных частиц и законов, управляющих их взаимодействием. В лингвистике этот подход проявляется в создании реестра фонем, морфем и т.д., а также выяснении правил их употребления и сочетания, называемых в совокупности грамматикой. Очевидно, что в научных исследованиях преобладает исследование структур и их функций. Этот метод постижения реальности направлен на достижение двух основных целей: во-первых, описать реальность в категории причинности, тем самым создавая то, что называют научным знанием или научной истиной; во-вторых, сделать возможным прогнозирование будущих событий.

2. *Коннекционистско-параметрический подход.* Эта методология является фундаментальной для нейронных сетей. Все элементы (в лингвистике ими могут быть фонемы, морфемы, лексемы, синтаксемы, правила, исключения и т.д.) рассматриваются как входные переменные, т.е. структурированная классификация отсутствует. Методы машинного обучения, такие как алгоритм обратного распространения ошибки, присваивают весовые коэффициенты не только отдельным входным переменным, но и множеству их комбинаций, что похоже на матрицу, в которой компоненты представляют веса этих комбинаций. Рассматриваемый подход не требует различения субъектов и предикатов, родовых и видовых структур и функций. (Это, конечно, обобщение, но оно передает основную идею.) Суть больших языковых моделей заключается в гипотезе о том, что огромное количество параметров между входными и выходными переменными (каналами) в сочетании с обучением на обширных наборах данных

из различных областей и различного типа информации (текста, аудио, видео) могут обеспечить высокий уровень понимания или моделирования реальности, выходя за пределы предоставленных знаний. Эта концепция известна как сверхпараметризация (overparametrization). Вопреки традиционным ожиданиям переобучения, чрезмерная параметризация с ее миллиардами или даже триллионами обучаемых весовых связей неожиданно усиливает когнитивные способности модели. Сверхпараметризованные модели способны улавливать богатые лингвистические представления и тонкие контекстуальные нюансы, тем самым значительно улучшая производительность в таких задачах, как понимание и генерация естественного языка. Принцип сверхпараметризации позволил разработать модели ИИ, которые смогли намного ближе подойти к созданию общего ИИ (ОИИ), чем иные подходы. И это, скорее всего, не просто становится свидетельством технологической перспективности того или иного решения, а имеет эпистемологическое значение: увеличение числа единообразных элементов и связей между ними переходит в качественно иное состояние, позволяющее симулировать и предугадывать реальность. Однако важно отметить, что, в отличие от символического подхода, который объясняет реальность с точки зрения причинно-следственной связи, параметризованный метод коннекционизма моделирует реальность, не предоставляя причинные объяснения³.

Достижения последних лет в области LLM предоставляют убедительные доказательства того, что коннекционистско-параметрический подход способен создавать интеллектуальные машины, возможности которых приближаются к человеческому интеллекту. Логика как дисциплина развивалась более 2350 лет, начиная с середины IV века до нашей эры, с трактатов Аристотеля. Напротив, теория ИНС относительно молода, ей около 80 лет, и она возникла в 1943 году, когда У. Маккалок и У. Питтс представили концепцию перцептрона. Несмотря на неравенство в историческом развитии, действующие сегодня системы ИИ, основанные на ИНС, демонстрируют заметно более вы-

³ В данном случае не рассматривается пока еще гипотетическая возможность того, что на каком-то уровне увеличения количества параметров и обучаемых данных ИИ достигнет такого уровня, что сможет создать строгую научную теорию, с помощью которой объяснит сам себя и окружающий мир.

сокую способность воспринимать реальность по сравнению с системами, основанными на эксплицитных правилах логического рассуждения⁴.

Почему системы, построенные на основе 80-летней концепции перцептрона, показали более значительные достижения, чем модели ИИ на основе 2350-летней традиции логики? Ответ на этот вопрос, вероятно, предполагает переоценку нашего понимания природы мышления в частности и человека в целом. Эта задача имеет не только теоретическое значение, но и практическое. Нелзя исключать, что в течение нескольких ближайших десятилетий (если даже не лет) с помощью генеративного ИИ станет возможным как успешно создавать тексты, человеческие изображения и голоса, так и генерировать модель цифровой личности, сравнимой с человеком не только обширностью знаний, но и способностью демонстрировать человеческие ценности, качества, эмоции настолько успешно, что будет казаться более «человечной», чем личность реального биологического человека. Такое развитие событий предполагает, что фундаментальный принцип нашей культуры и цивилизации – уникальность человека как источник его самооценности – может оказаться под сомнением. Возможная девальвация человеческой личности как таковой представляет собой значительную проблему, с которой мы можем столкнуться в ближайшем будущем.

⁴ В то же время, конечно, нужно учитывать, что нейронные сети являются базовым, но далеко не единственным элементом современных моделей генеративного интеллекта. Например, ChatGPT-4 – это не одна нейросеть, а mixture-of-experts, т.е. множество нейросетей, каждая из которых имеет специализацию. Кроме того, у ChatGPT-4 есть доступ к виртуальной python-среде, поиску в интернете, плагинам. Эффективность указанного комплекса зависит среди прочего от алгоритма, который регулирует взаимодействие всех этих моделей. Сама по себе нейросеть может симулировать интеллект человека, который выполняет все интеллектуальные операции в голове, без ведения и использования записей, справочной информации, специализированных программ, т.е. симулировать человека, который руководствуется в рассуждениях эмоциями или здравым смыслом, но не научной культурой. Поэтому перспективные системы ИИ уже используют методологическое и технологическое наследие, которое создано благодаря описанному выше символическо-логическому подходу. И, как нам представляется, в будущем одним из основных направлений совершенствования больших языковых моделей станет как раз формализация научной культуры и методов познания, культуры диалога и рефлексии, которая позволит создать соответствующие модули, направляющие и контролирующие то, что генерируют нейросети.

В контексте темы исследования уместно рассмотреть две взаимосвязанные гипотезы относительно потенциальных направлений развития социогуманитарного знания. Эти гипотезы, хотя и могут восприниматься как нестандартные, в некоторой степени даже провокационные, все-таки заслуживают быть проанализированными. Первая – гипотеза о существовании «математической антропологии», вторая – о существовании «многомерного исчисления ценности» (multi-dimensional calculus of value). Первая гипотеза касается того, как можно описывать человека, вторая – как описывать межиндивидуальные взаимодействия.

Математическая антропология

В сфере ИИ, как указано ранее в статье, в свое время присутствовал стереотип о том, что создание системы ИИ требует более глубокого понимания законов мышления и рассуждения, чем может обладать разработанная система. Прогресс в логике и научных знаниях рассматривали в качестве предпосылки для разработки интеллектуальных систем. Создание и развитие ИИ, особенно в форме больших языковых моделей, демонстрирует, что значительные научные прорывы в понимании человеческого познания или рассуждения не являются необходимыми предпосылками. Развитие ИИ в его современном виде в большей степени похоже на технологию, чем на строгую науку: оно включает в себя экспериментирование с архитектурой нейросетей, наборами данных, способами обучения, а не новаторские научные открытия о человеческом разуме или логике. Вместе с тем именно тот факт, что возможно смоделировать широкий спектр интеллектуальных способностей человека с помощью вычислительных систем, порой дает ключ к пониманию человека и его природы. Это свидетельство того, что человеческая природа в некоторой степени может иметь математический характер.

Успех LLM убедительно демонстрирует, что существуют принципиальное родство между биологическими и искусственными нейронами. Но это очень низкоуровневый параллелизм между человеческим мозгом и ИНС. И может показаться странным, если бы параллелизмов не было и на более высоких уровнях интеллектуальной организации. Нейронаука, занимающаяся «проблемой разума и тела», исследует мозг с помощью различных подходов: функциональной специализации областей мозга, коннектомики и анализа нейронных связей, типологизации нервных клеток,

изучения химических веществ, выполняющих функцию нейротрансмиттеров и др. Хотя эти исследования чрезвычайно важны, параллелизм между естественным интеллектом и ИИ предполагает, что существует еще один уровень понимания взаимосвязи между когнитивными способностями и биологическим субстратом, помимо простого сопоставления интеллектуальных процессов с процессами мозга. Чтобы конкретизировать мысль, проведем аналогию с тем, как становится возможным понимание управления каким-то техническим объектом, например самолетом. Для понимания этого процесса задействуем два основных уровня: уровень инструкций, намерений, движений, действий, команд пилотов и уровень движения самолета в пространстве. Техническая реальность включает в себя механизмы и устройства на борту: то, как с ними взаимодействуют пилоты, и то, как они, в свою очередь, влияют на движение самолета. Это представляет собой материальный, эксплуатационный аспект управления самолетом. Однако объяснение того, как манипулировать техническими аспектами для достижения желаемых маневров в физическом пространстве, еще не является пониманием того, почему связь между технической реальностью и движением в пространстве именно такая, какой мы ее наблюдаем. Существует третий, более фундаментальный слой – аэродинамика как область теоретической физики. Только при понимании основополагающих принципов механики мы сможем по-настоящему разобраться, как самолет функционирует и перемещается в пространстве. Аналогично при рассмотрении проблемы разума и тела недостаточно лишь сопоставить психические процессы сознания с физиологическими процессами в мозге. Ввиду этого можно предположить, что существует «математика» психических процессов, которая служит теоретическим объяснением того, как возможны явления сознания в принципе⁵.

⁵ М. Тегмарк рассуждает о гипотетической «математической теории сознания», которая могла бы «успешно предсказать результаты всех экспериментов, которые мы проводим с мозгом» [Tegmark 2017]. Следует пояснить, что такая математическая теория сознания и излагаемая в настоящей статье гипотеза о математическом характере человеческой природы различаются принципиально. Смысл тезиса о математическом характере человеческой природы не в том, чтобы вывести уравнения, управляющие деятельностью сознания, а в том, чтобы использовать математические модели для аналитического описания антропологического опыта в многообразии его проявлений, включая кажущуюся противоречивость, стремление к трансцендентному и т.д. Таковая задача ближе к гегелев-

Одним из направлений преодоления гносеологического разрыва между биологической и психической реальностью служит применение принципов квантовой физики для понимания фундаментальных операций сознания. Среди этих усилий – теория, согласно которой сознание возникает в результате квантовых эффектов внутри нервных микротрубочек [Penrose 1989; Penrose, Hameroff 1995], концепция о том, что ионы в мозге могут проявлять квантовое поведение, создавая «квантовый канал» для общения [Fisher 2015], а также квантовые модели познания, предполагающие, что человеческое суждение и принятие решений основаны на принципах квантовой теории, теории вероятностей [Bussemeyer, Bruza 2012; Pothos, Bussemeyer 2013]. Подходы в процессе применения квантовой теории к пониманию разума можно разделить на два широких направления: одно сосредоточено на физических явлениях квантовой физики, второе – на ее математическом аппарате. Первое направление исследует вопрос о том, могут ли квантовые явления, такие как суперпозиция, запутанность и когерентность, напрямую влиять на функции мозга и когнитивные процессы. Например, теория оркестрированного объективного редукционизма (Orch-OR) Р. Пенроуза и С. Хамероффа относится к этой категории и предполагает, что физические квантовые эффекты напрямую участвуют в работе мозга, особенно в нейронных микротрубочках. Второе направление использует математический аппарат квантовой механики, такие как квантовая теория вероятности, математика квантовых состояний, для моделирования и понимания когнитивных процессов. Примером служит квантовая теория познания (Дж. Бьюземейер, П. Бруза, Э. Потос), применяющая математический язык квантовой физики как инструмент для более эффективного описания и понимания сложных аспектов когнитивных процессов, принятия решений, которые классическая теория вероятностей не в состоянии объяснить.

Воздерживаясь от оценки потенциала первого направления, важно обратить внимание на психологический аспект такого теоретизирования. Явления квантовой физики часто противоречат

скому проекту создания феноменологии духа с помощью диалектической логики. Но диалектическая логика в силу произвольности и неформализованности ее выводов является логикой весьма условно. Интересно было бы снова, уже на новом уровне развития науки обратиться к гегелевской задаче, используя современные достижения в математике и опыт их применения в различных областях.

интуиции, а их смысл и природа не имеют четкой и единообразной интерпретации. Квантовая физика – самая загадочная область физики, а разум – самая загадочная часть человека. Это сходство создает психологически понятный соблазн связать две загадочные области. Спекулятивный потенциал огромен с учетом нашей ограниченной уверенности как в интерпретации квантовых явлений, так и в понимании механизмов, находящихся в основе квантовой, субъективной реальности. Обычно, чтобы объяснить неясную концепцию, мы полагаемся на что-то более ясное и понятное. Если теория, к которой мы обращаемся в поисках объяснения, менее понятна, чем то, что мы хотим объяснить, то в таком случае в нашем объяснении присутствует врожденный недостаток. Поэтому в целом, признавая возможные исключения, представляется предпочтительнее опираться на научно строгий математический аппарат, а не на физические феномены, которые в некоторой степени навсегда останутся не до конца познаваемыми «вещами в себе». Это предпочтение согласуется с методологическим принципом Декарта: «располагать свои мысли в определенном порядке, начиная с предметов простейших и легкопознаваемых, и восходить мало-помалу, как по ступеням, до познания наиболее сложных, допуская существование порядка даже среди тех, которые в естественном ходе вещей не предшествуют друг другу» [Декарт 1989, 260]. Между тем ограничение объяснения когнитивных процессов исключительно математикой квантовой физики кажется несколько странным. Многие математические методы являются общими для различных областей физики. К тому же наука не находится в такой ситуации, что математика классической физики уже широко используется для объяснения разума и что осталось лишь найти применение квантовой теории вероятностей. Мы находимся только в начале пути к пониманию даже базовых принципов взаимосвязи между сознанием и математикой.

Вместе с тем в гипотезе о калькуляционном характере природы человека нет ничего принципиально нового. Но обычно подобный подход рассматривают как редукционизм, который препятствует пониманию человека в его многогранности. Например, российский исследователь Р.С. Платонов пишет о философии утилитаризма следующее: «Целевая задача утилитаризма – максимизация полезности – технологически, т.е. на уровне формирования деятельности и принятия решений, может рассматриваться как задача максимизации коммуникации. Именно повышение

эффективности коммуникации на разных уровнях (вид – индивид, индивид – индивид) ведет человечество ко всеобщему счастью, а вовсе не превращение индивида в высокоточный моральный арифмометр» [Платонов 2019, 94]. А если предположить, что сознание человека уже изначально, возникнув в ходе эволюции, подчинено «арифмометрии»? Разве «повышение коммуникации на разных уровнях (вид – индивид, индивид – индивид)» не предполагает не столько отказ от «арифмометрии» в принципе, сколько ее совершенствование с учетом большого количества факторов? Можно выделить три главных пути «интегрирования» калькуляции: по времени (максимизировать желательный результат применительно не только к текущему моменту, но и к длительной временной перспективе), пространству (применительно не только к собственной пользе, но и пользе большой группы людей или даже человечества), основанию (максимизировать не только сугубо утилитарную пользу, но в целом совокупность положительных в нашем представлении качеств и состояний). Возникает вопрос о том, можно ли уйти от калькуляции. Смысл обсуждаемой гипотезы и состоит в том, что, разумеется, возможно аффективное или неосознанное поведение. Но, если деятельность целесообразна, то она не может прийти к ценностным ориентирам, которые были бы свободны от калькуляции. Хотя состояние, при котором станет возможным воспроизводство себя, своего положения без калькуляции, является желаемым, но достижение этого состояния возможно лишь в ограниченной мере, поскольку человеческие ценности сами по себе – это всегда отчасти гипостазирование результатов калькуляции. Человеческое в его гуманистическом понимании – это то, чем человек хочет являться, но не то, кто он есть. Как писал Ж.-П. Сартр, человеку свойственна «плохая вера» (*mauvaise foi*), противоположная искренности и требующая, «чтобы я не был бы тем, кто я есть» [Sartre 1943, 101–102]⁶. Вопрос о том, «как симулировать, что являешься человеком», – это не только вопрос, который позволяет понять, как возможен общий искусственный человек, но фактически базовый (хотя и не проговариваемый явно) вопрос для человека на протяжении его истории, объясняющий то, почему гуманистические проекты

⁶ Сеем предположить, что «Бытие и ничто» и «Критика диалектического разума» Сартра – это одни из наиболее ценных классических работ континентальной философии в плане их использования для понимания того, как искусственная личность может симулировать человеческую.

в большей мере не достигли результата. Приведенные формулировки слишком категоричны. Однако цель настоящего текста заключается не в неоспоримости оценок, а в доведении рассматриваемых гипотез до их логического завершения, чтобы была понятнее идея, содержащаяся в их основе.

Раскроем суть гипотезы на нескольких примерах. К. Маркс утверждал, что «капиталист есть персонифицированный капитал» [Маркс 1960, 605]. Вместе с тем Маркс принимает положение о том, что «капитал не вещь, а общественное отношение между людьми, опосредствованное вещами» [Маркс 1960, 775]. Но почему же персонифицированным капиталом является не любой человек, который вступает в опосредованные вещами отношения с другими людьми, а только капиталист, т.е. тот, кто владеет собственностью на средства производства? Наверное, Маркс был первым, кто проблеме «калькулирующего человека» (в контексте марксистской терминологии – человека, «отчужденного от своей природы») сделал центральной в своей социальной теории. Но, вероятно, ввиду ряда просвещенческих стереотипов он не мог признать, что «коррумпировано» капиталом не некое отчужденное состояние человека, а человеческая природа как таковая. В итоге марксистская теория сводилась к мифологизации революционного акта, в ходе которого должна была быть отменена частная собственность на средства производства, а значит, и отчуждение. Но не является ли на практике более гуманистическим обратный подход: признать, что человек изначально является персонифицированным капиталом (причем как материальным капиталом, так и символическим), и задача будет состоять не в ожидании или приближении мифологизированного акта освобождения, который к тому же оправдывает любой аморальный поступок на пути реализации, а в последовательной работе по выстраиванию более осознанных и более отвечающих выбранным критериям отношений капитала, т.е. отношений между людьми, опосредованных вещами?

Рассмотрим в другой сфере пример теории, в которой центральное место также отведено принципу экономии. Согласно теории, объясняющей эволюцию языка, французского лингвиста А. Мартине, речевая деятельность по своей природе стремится к эффективности, экономии (*économie*) за счет упрощения структур и сокращения усилий в производстве речи, одновременно стремясь сохранить или улучшить способность выражать тонкие и точные

значения, экспрессивность коммуникации, что приводит к избыточности (*redondance*) [Martinet 1980, 176–181; Martinet 1955]. Эти два принципа находятся в состоянии постоянного напряжения и баланса в любом языке. Принцип экономии требует упрощения и эффективности лингвистических систем, а выразительность приводит язык к сложности и нюансам. Язык развивается и изменяется со временем по мере взаимодействия этих двух сил. Например, язык может потерять ряд фонематических различий из-за экономии, но может разработать новые синтаксические структуры для сохранения выразительности. Мартине считает, что такой диалектический подход отражает динамичную и постоянно изменяющуюся природу языков, сформированную двойной потребностью в простоте общения и способности выражать сложное и разнообразное содержание. Обратимся к тому, о чем речь шла ранее: задача совершенствования калькуляции предполагает расширение области применения принципа экономии как в аспекте временной перспективы, так и множества оснований, применительно к которым этот принцип наблюдается. В данном контексте логичнее было бы размышлять не о диалектике принципа экономии и принципа выразительности, а о том, что если мы экономию рассмотрим не только как исключительно лингвистическую (экономия усилий при произнесении звуков, построении речи), а в более широком контексте – как экономию коммуникации и социальных отношений в рамках длительной временной перспективы, то станет очевидным, что нарушение лингвистической экономии в данный период – это не отступление от принципа экономии как такового, а следствие того, что необходимо пожертвовать лингвистической целесообразностью для более высокого уровня социальной экономии. Как в прошлом высшие слои общества прилагали усилия для более рафинированной и изящной речи, чтобы легитимизировать свой социальный статус, который позволял им прилагать меньшие трудовые затраты для поддержания собственного благополучия по сравнению с низшими классами. Но главное заключается в следующем: именно ввиду всеобщности принципа экономии художественная выразительность не имеет собственного сущностного основания; выразительность осуществляется через демонстративное нарушение краткосрочных калькуляционных закономерностей (затраты на более четкую артикуляцию, повышение голоса, интеллектуальные усилия для более сложного построения речи, подбор синонимов, тоньше передающих

оттенки значений и т.д.). Демонстративная затратность, которая есть проявление, а не нарушение калькуляционного принципа, и служит порождающей причиной речевой эмоциональности и изящности, а не некая внутренняя потребность в эмоциональности и изящности как часть сущности человека.

Содержание исследовательской программы математической антропологии определяется задачей заменить эссенциалистское описание антропологического опыта, человеческих качеств и устремлений, чувства самости и различных форм самосознания математическими моделями, эмулирующими возникновение этого опыта и его динамику. Против такой программы могут быть выдвинуты возражения, связанные, с одной стороны, с ее изначальной нереалистичностью (если исходить из того, что слова Галилея о том, что книга природы написана на языке математики, применимы исключительно к природе материальной, но не к природе человека), с другой – с потенциальными рисками, порождаемыми движением в направлении реализации этой программы, поскольку, формализуя человеческий опыт, мы его десакрализируем и тем самым способствуем еще большему распространению опасных постгуманистических тенденций. Первое и второе возражения обоснованы и доказательного их опровержения у нас нет. Однако заметим, что на наш взгляд, даже если в итоге программа математической антропологии продемонстрирует нереализуемость, то это не означает, что в ней изначально ничего нет полезного. Множество философских систем на том или ином этапе показали ошибочность, но эта череда ошибочных теорий, сами интеллектуальные усилия, прилагаемые для того, чтобы ошибочную теорию представить верной, – это и есть, по сути, то, что образует философию и процесс ее развития. Полагаем, концепция математической антропологии отражает специфику и запросы нашего времени, поэтому все более эксплицитные попытки ее развития будут так или иначе осуществляться. В контексте второго возражения относительно постгуманистического и опасного характера подобной программы укажем, что, на наш взгляд, текущие и ожидаемые в ближайшем будущем результаты работ по созданию ОИИ действительно представляют опасность для человеческой экзистенции в том формате, в котором она сложилась сегодня. Скорее всего, ОИИ будет создан в ближайшие годы, независимо от того, получит ли исследовательская программа математической антропологии развитие или нет. Вопрос

состоит лишь в том, в какой степени мы будем понимать неизбежные изменения, насколько будет возможно наше осознанное к ним отношение.

Многомерное исчисление ценности

В связи с тем, что перспектива создания ОИИ и даже, возможно, появления сверхинтеллекта (СИ)⁷ становится все более реалистичной, интенсифицируются дискуссии о рисках и вызовах, связанных с ОИИ и ИИ. Обращают внимание на различные типы угроз: экзистенциальные для человечества угрозы, связанные с потерей контроля и несоответствием целей ИИ интересам людей [Bostrom 2014, 115–126; Kurzweil 2005; Barrat 2013; Tegmark 2017], массовая безработица ввиду автоматизации, последующие экономические и социальные потрясения [Bostrom 2014, 160–161; Domingos 2015, 276–279; West 2018, 63–88; Lee 2018, 145–147; Russell 2019], использование ИИ в военном деле и этические дилеммы автономного оружия [Kurzweil 2005; Barrat 2013; Tegmark 2017; Russell 2019], риск без адекватных мер безопасности ожесточенной конкурентной борьбы между компаниями и государствами в направлении создания все более мощного ИИ [Bostrom 2014, 246–249; Domingos 2015, 279–282; Lee 2018, 227–228], углубление социального неравенства и разделения общества на классы из-за неравного доступа к использованию возможностей ИИ [West 2018, 127–148; Lee 2018, 229–230] и т.д.

С целью устранения или по крайней мере минимизации этих рисков проводятся исследования. Например, компания OpenAI использует понятие «сверхсогласование» (superalignment) для обозначения согласования целей и действий СИ с человеческими ценностями и интересами, гарантируя, что даже существо с более высоким интеллектом действует на благо человечества. Эта концепция призвана найти решение проблеме того, как менее разумные существа могут управлять более разумными.

Но, видимо, потребуется не только «согласование» ИИ с человеком, но и «согласование» людей с ИИ, т.е. такое преобразование общественных отношений, которое сделает их устойчивыми к воздействию со стороны сверхинтеллектуальных систем. Ввиду этого проблема СИ является и политической. Современная поли-

⁷ Под сверхинтеллектом в статье понимаем форму ИИ, которая превосходит человеческий интеллект во всех аспектах, включая креативность, общую мудрость и способность решать проблемы.

тика во многом основана на общественно значимом проявлении гражданами мнений, идей, позиций, предпочтений, требований и т.д., которые образуют волю народа («общую волю», согласно терминологии Руссо). Большие языковые модели, даже менее продвинутые, чем такие системы, как ChatGPT-4, уже продемонстрировали способность генерировать политические комментарии и контент для социальных сетей. Эти результаты, созданные ИИ, могут быть неотличимы от контента, созданного людьми, что делает задачу манипулирования политическим онлайн-дискурсом сравнительно легкоразрешимой⁸. Но впереди нас ожидает еще более существенная проблема. Не будем рассматривать апокалиптические сценарии, а сосредоточимся на наиболее благоприятном, при котором ИИ остается в подчинении человека. Однако можно ожидать, что с дальнейшим совершенствованием систем ИИ сверхразумные цифровые личности смогут предлагать точки зрения, которые более обоснованы, менее предвзяты и менее подвержены эмоциональным прихотям, чем человеческие мнения. Это актуализирует принципиальный вопрос о том, если идеи сверхразумных существ более рациональны и зрелы, какой будет роль человеческой воли в политике. Главный принцип современного управления – преобразование воли народа в политическую власть. Но появление СИ бросает вызов указанному принципу. Надвигающиеся трансформации могут привести к девальвации человека как личности и как гражданина, как субъекта свободы.

Представленная ранее концепция о том, что человеческая природа имеет калькуляционный (математический) характер в некоторой мере идет вразрез с тем, как описывается индивид в мейнстримных политических идеологиях, возникших во время и после эпохи Просвещения. Суть предлагаемого ими описания заключается в следующем: существуют индивиды с собственными интересами, взглядами и предпочтениями, руководствуясь которыми, они, будучи гражданами, проявляют политическую

⁸ Сегодня известны случаи, в которых большие языковые модели с доступом к внешним данным (retrieval augmented generation – RAG) общались с людьми по интернету (взаимодействуя с браузером через Selenium) или звонили им по номеру телефона (используя VoIP и системы преобразования текста в речь и речи в текст), предлагая специализированные услуги. Собеседники не догадывались о том, что с ними общается ИИ. Таким образом, даже текущий уровень развития ИИ достаточен для его эффективного использования в массовой политической агитации в интернете и по телефону.

волю и наделяют властью тех, кто призван отстаивать их интересы. В какой-то мере такое описание метафизирует реальность: происходит гипостазирование «власти», якобы делегируемой от одних к другим. В настоящей статье, разумеется, нет смысла раскрывать тему критического анализа политического представительства. Но в контексте обсуждаемого важно обратить внимание на то, что мейнстримная политическая просвещенческая идеология изначально требует от граждан симуляцию того, что у них существуют интересы, ценности, убеждения, стремление к свободе; от политических представителей – симуляцию того, что они обладают политической волей, ответственностью, принципиальностью, знаниями того, как достигать провозглашенных целей⁹. Однако, как указано нами ранее, ИИ, скорее всего, в ближайшее время сможет справляться с задачами по симуляции убеждений и идентичности лучше человека.

В связи с этим можно выдвинуть гипотезу о том, что для сохранения устойчивости социально-политических отношений перед лицом ОИИ и СИ потребуются переход от существующей симулятивной модели субъектности индивидов к тому, чтобы эти отношения были опосредованы более рациональной системой межиндивидуального взаимодействия, т.е. системой, в которой

⁹ Возможно, симулятивный характер просвещенческого гуманизма и служит одной из причин постоянного возвращения политического насилия в разных формах и масштабах, несмотря на многочисленные и всеми одобряемые миротворческие проекты. Согласно широко известной позиции Т. Адорно и М. Хоркхаймера, представленной в «Диалектике просвещения», Просвещение породило инструментальный разум, который превратил в средства цели самого просвещенческого проекта (разум «используется как всеобщий инструмент, пригодный для изготовления всех иных инструментов, жестко целенаправленный, столь же роковой, сколь и педантично расчетливая работа в материальном производстве, чьи последствия для человека не поддаются никакому расчету. Его давнишняя честолюбивая мечта быть чистым органом целей наконец-то сбылась» [Хоркхаймер, Адорно 1997, 46–47]). Не оспаривая этот тезис, отметим следующее. Во-первых, политика всегда была инструментальна: как до, так и после Просвещения. От инструментальности политики, экономики, технологий, науки полностью избавиться невозможно. Во-вторых, проблема заключается не только в опасности инструментального разума как такового, но и в том, что проект инструментального разума, основанного на науке, так и не был реализован ввиду отсутствия адекватной социальной теории, объясняющей то, как возможна политика на основе науки, поскольку просвещенческая традиция сконструировала идеализированный образ человека, не соответствующий реалиям человеческой природы.

калькулятивность могла бы присутствовать эксплицитно, а не скрыто. Подобную систему, существование которой предполагается обсуждаемой гипотезой, можно условно назвать «многомерным исчислением ценности», являющимся обобщением на широкий спектр отношений (социальных, культурных, политических и т.д.) «одномерного исчисления стоимости», к которым отнесены современные монетарные механизмы экономики¹⁰. Суть гипотезы заключается в том, чтобы уйти от классического понимания экономических отношений как проявления особой накопительской или хозяйственности склонности человека: как то, например, стремление к наживе и соответствующее искусство – хрематистика – у Аристотеля (*Pol.* 1257b–1258a), влечение к обладанию деньгами (*libido habendi pecuniam*) у Блаженного Августина (*De civ. Dei* XIV, 15), склонность к торговле, бартеру и обмену у А. Смита [Smith 1904, 15]. Исходя из предлагаемой гипотезы, цель калькуляции – прогнозирование будущего и стремление к тому, чтобы гарантировать в будущем воспроизводство состояний, которые воспринимаются как ценные. Ввиду этого различаемые Августином *libido dominandi* («влечение к властвованию») и *libido habendi pecuniam* – это частные случаи *libido habendi tempus* («влечения к обладанию временем»). То, что политические отношения, в отличие от экономических, не опосредованы явным образом калькуляционными механизмами связано не с тем, что по природе экономические отношения количественны, а политические – качественны. Калькуляция состояний во времени пронизывает все формы человеческой деятельности, как бы человек ни отрицал это или ненавидел бы себя за это. Отличие состоит в том, что в экономической сфере эта эксплицитная математика в форме монетарных механизмов внедрена, а для политической, культурной, иных сфер такая математика пока не разработана. Но это, скорее всего, произойдет в ближайшие десятилетия, поскольку всеобщая цифровизация создала условия для массового использования в процессе различных форм социального взаимодействия намного более сложных математических моделей по сравнению с присутствующими в традиционных монетарных механизмах.

¹⁰ Различие понятий «стоимость» и «ценность» нами проводится в том же контексте, в котором, например, Г.Л. Тульчинский пишет о стоимостной и ценностной парадигмах экономических отношений [Тульчинский 2019].

В чем значение эксплицирования калькуляции? Распространение монетарных механизмов способствовало разделению экономических отношений и политических, отделению накопления собственности от политической борьбы. Стремление к гарантированию собственного воспроизводства является базовой целью калькуляции, а разделение власти и собственности среди прочего открыло возможность к осуществлению материального воспроизводства без необходимости установления контроля над другими как условия контроля над собственностью. Аналогичное разделение, по-видимому, не состоялось еще в политической сфере. Раскрытие этого предположения требует отдельного рассмотрения. В контексте настоящей статьи принципиальным становится следующее. Сегодня символическое воспроизводство индивидов (в т.ч. как носителей политической воли и идентичности) – источник власти как контроля над инструментами юридического принуждения. Ввиду сильных способностей искусственных нейросетевых моделей к интеллектуальной симуляции, к симуляции того, что составляет предмет символического воспроизводства, такие формы человеческих отношений, которые не опосредованы практиками эксплицитной калькуляции, окажутся в большей степени уязвимыми к манипуляции и девальвации под воздействием искусственных интеллектуальных систем.

Осознавая спекулятивность и абстрактность формулировки «многомерное исчисление ценности», укажем, что движение в направлении к созданию математических моделей, позволяющих осуществлять эксплицитное интегрирование разнородных факторов по времени и пространству, уже наблюдается, хотя это и не трактуется в терминологии, используемой в настоящей статье. Например, в машинном обучении одно из центральных мест занимает концепция меры в многомерном пространстве (через нее могут решать задачи кластеризации, построения эмбедингов, рекомендательных систем, анализа временных рядов и т.д.). Но целесообразно перейти от технического контекста таких задач к социальному. Для этого необходимо преобразовать способ их постановки и решения, чтобы они отвечали критериям экспертности (поиск оптимальной архитектуры и параметров моделей следует проводить не только алгоритмически; он должен быть результатом научной работы исследовательского сообщества), темпоральности (выбранные параметры следует регулярно пересматривать, исходя из полученных результатов; основной крите-

рий успешности математического моделирования – уменьшение расхождения между прогнозируемым и фактическим будущим), меновости (невозможно построить единую, отвечающую потребностям всех меру в многомерном пространстве; поэтому такая мера изначально субъективна, служит основой материального и символического межиндивидуального обмена).

Заключение

Рассмотренные в статье гипотезы о существовании математической антропологии и многомерного исчисления ценности не являются попыткой дать исчерпывающий ответ на вопрос о перспективах социально-гуманитарного знания в условиях развития ИИ. Скорее, представленные гипотезы следует трактовать как попытку довести тезис о математическом характере антропологической реальности до его максимально возможной логической завершенности и полноты, чтобы отчетливее были видны как преимущества, так и недостатки этого тезиса.

Как указано в статье, успехи машинного обучения в моделировании когнитивных функций человека говорят о фундаментальном сходстве биологического интеллекта и ИИ. В связи с этим предполагается, что человеческая природа может иметь отчасти математический характер. Из этого вытекает гипотеза о возможности математического описания антропологического и социального опыта. В настоящее время математика, возможно, оказалась одной из самых недооцененных дисциплин. С учетом того, что человеку легче верить в то, что он видит, а математика всегда остается преимущественно невидимой, в качестве приоритетных направлений научных исследований обычно рассматриваются более конкретные отрасли знания. Возможно, существовал и определенный стереотип о том, что математизация какой-то сферы – это в первую очередь формирование моделей, которые смогут предсказать, как будет развиваться моделируемая система. Поскольку строгое детерминистское описание социальной реальности воспринимается как редукционистское, то и потребность в математизации не представляется актуальной. Но в математике содержится и неисчерпаемый творческий потенциал. Математика – наука, конструирующая формализованные объекты и изучающая свойства этих сконструированных объектов. Так, перцептрон – математическая модель, созданная по нейробиологической аналогии, которая затем получила техническое воплощение, обладающее, как оказалось, широкой областью применения.

Если перейдем к более панорамному взгляду на то, что относится к математическим объектам, как они могут быть использованы, то достигнем значимых результатов не только в технике, но и в социальной сфере.

В завершение заметим, что достоинство представленных гипотез – они отвечают критерию фальсифицируемости, а именно: в ближайшей перспективе станет ясно, наступили ли предсказанные гипотезами последствия.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Декарт 1989 – *Декарт Р.* Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках / пер. Г.Г. Слюсаревой // *Декарт Р.* Соч.: в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1989. С. 250–296.

Маркс 1960 – *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. – М.: Госполитиздат, 1960.

Платонов 2019 – *Платонов Р.С.* Моральная универсальность в утилитаризме Дж.С. Милля // *Философские науки.* 2019. Т. 62. № 11. С. 84–95.

Тульчинский 2019 – *Тульчинский Г.Л.* Политический контекст наррации с Wert-терминологией К. Маркса: стоимость vs ценность // *Полит. Политические исследования.* 2019. № 3. С. 174–185.

Хоркхаймер, Адорно 1997 – *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. – М.; СПб.: Медиум; Ювента, 1997.

Barrat 2013 – *Barrat J.* Our Final Invention: Artificial Intelligence and the End of the Human Era. – New York: Thomas Dunne Books, 2013.

Bostrom 2014 – *Bostrom N.* Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. – Oxford: Oxford University Press, 2014.

Bussemeyer, Bruza 2012 – *Bussemeyer J.R., Bruza P.D.* Quantum Models of Cognition and Decision. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2012.

Churchland 1989 – *Churchland P.M.* A Neurocomputational Perspective: The Nature of Mind and the Structure of Science. – Cambridge, MA: MIT Press, 1989.

Churchland, Churchland 1990 – *Churchland P.M., Churchland P.S.* Could a Machine Think? // *Scientific American.* 1990. Vol. 262. No. 1. P. 32–39.

Clark 1989 – *Clark A.* Microcognition: Philosophy, Cognitive Science, and Parallel Distributed Processing. – Cambridge, MA: MIT Press, 1989.

Clark 1990 – *Clark A.* Connectionism, Competence, and Explanation // *The British Journal for the Philosophy of Science.* 1990. Vol. 41. No. 2. P. 195–222.

Connectionist... 1991 – *Connectionist Symbol Processing* / ed. by G.E. Hinton. – Cambridge, MA: MIT Press, 1991.

Domingos 2015 – *Domingos P.* The Master Algorithm: How the Quest for the Ultimate Learning Machine Will Remake Our World. – New York: Basic Books, 2015.

Espejel et al. 2023 – *Espejel J.L., Ettifouri E.H., Alassan M.S.Y., Chouham E.M., Dahhane W.* GPT-3.5, GPT-4, or BARD? Evaluating LLMs Reasoning Ability in Zero-Shot Setting and Performance Boosting Through Prompts // *Natural Language Processing Journal*. 2023. Vol. 5. Article 100032.

Fisher 2015 – *Fisher M.P.A.* Quantum Cognition: The Possibility of Processing with Nuclear Spins in the Brain // *Annals of Physics*. 2015. Vol. 362. P. 593–602.

Herbold et al. 2023 – *Herbold S., Hautli-Janisz A., Heuer U. Kikteva Z., Trautsch A.* A Large-Scale Comparison of Human-Written versus ChatGPT-Generated Essays // *Scientific Reports*. 2023. Vol. 13. Article 18617

Hinton 1992 – *Hinton G.E.* How Neural Networks Learn from Experience // *Scientific American*. Vol. 267. No. 3. P. 145–151.

Korkmaz Guler et al. 2024 – *Korkmaz Guler N., Dertli Z.G., Boran E., Yildiz B.* An Artificial Intelligence Application in Mathematics Education: Evaluating ChatGPT's Academic Achievement in a Mathematics Exam // *Pedagogical Research*. 2024. Vol. 9. No. 2. Article em0188.

Kurzweil 2005 – *Kurzweil R.* The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology. – New York: Viking, 2005.

Lee 2018 – *Lee K.-F.* AI Superpowers: China, Silicon Valley, and the New World Order. – Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2018.

Lozić, Štular 2023 – *Lozić E., Štular B.* Fluent but Not Factual: A Comparative Analysis of ChatGPT and Other AI Chatbots' Proficiency and Originality in Scientific Writing for Humanities // *Future Internet*. 2023. Vol. 15. No. 10. Article 336.

Martinet 1955 – *Martinet A.* Économie des changements phonétiques: traité de phonologie diachronique. – Berne: A. Francke, 1955.

Martinet 1980 – *Martinet A.* Éléments de linguistique générale. – Paris: Armand Collin, 1980.

McCarthy 1990 – *McCarthy J.* Formalizing Common Sense: Papers by John McCarthy. – Norwood, NJ: Ablex Publishing Corporation, 1990.

Minsky 1986 – *Minsky M.* The Society of Mind. – New York: Simon & Schuster, 1986.

Newell, Simon 1972 – *Newell A., Simon H.A.* Human Problem Solving. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1972.

Penrose 1989 – *Penrose R.* The Emperor's New Mind: Concerning Computers, Minds, and the Laws of Physics. – Oxford: Oxford University Press, 1989.

Penrose, Hameroff 1995 – *Penrose R. & Hameroff S.* Orchestrated Reduction of Quantum Coherence in Brain Microtubules: A Model for Consciousness // *Mathematics and Computers in Simulation*. 1995. Vol. 40. No. 3–4. P. 453–480.

Pothos, Busemeyer 2013 – *Pothos E.M., Busemeyer J.R.* Can Quantum Probability Provide a New Direction for Cognitive Modeling? // *Behavioral and Brain Sciences*. 2013. Vol. 36, no. 3, pp. 255–274.

Rumelhart, McClelland 1986 – *Rumelhart D.E., McClelland J.L.* Parallel Distributed Processing (Vols. 1–2). – Cambridge, MA: MIT Press, 1986.

Russell 2019 – *Russell S.* Human Compatible: Artificial Intelligence and the Problem of Control. – New York: Viking, 2019.

Sartre 1943 – *Sartre J.-P. L'Être et le néant. Essai d'ontologie phénoménologique.* – Paris: Gallimard, 1943.

Smith 1904 – *Smith A. An Inquiry Into the Nature and Causes of the Wealth of Nations.* Vol. 1. – London: Methuen, 1904.

Tegmark 2017 – *Tegmark M. Life 3.0: Being Human in the Age of Artificial Intelligence.* – New York: Alfred A. Knopf, 2017.

West 2018 – *West D.M. The Future of Work: Robots, AI, and Automation.* – Washington, DC: Brookings Institution Press, 2018.

REFERENCES

Barrat J. (2013) *Our Final Invention: Artificial Intelligence and the End of the Human Era.* New York: Thomas Dunne Books.

Bostrom N. (2014) *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies.* Oxford: Oxford University Press.

Bussemeyer J.R. & Bruza P.D. (2012) *Quantum Models of Cognition and Decision.* Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Churchland P.M. (1989) *A Neurocomputational Perspective: The Nature of Mind and the Structure of Science.* Cambridge, MA: MIT Press.

Churchland P.M. & Churchland P.S. (1990) Could a Machine Think? *Scientific American.* Vol. 262, no. 1, pp. 32–39.

Clark A. (1989) *Microcognition: Philosophy, Cognitive Science, and Parallel Distributed Processing.* Cambridge, MA: MIT Press.

Clark A. (1990) Connectionism, Competence, and Explanation. *The British Journal for the Philosophy of Science.* Vol. 41, no. 2, pp. 195–222.

Descartes R. (1989) Discourse on the Method of Rightly Conducting One's Reason and of Seeking Truth in the Sciences (G.G. Slyusareva, Trans.). In: Descartes R. *Works in 2 volumes* (Vol. 1, pp. 250–296). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Domingos P. (2015) *The Master Algorithm: How the Quest for the Ultimate Learning Machine Will Remake Our World.* New York: Basic Books.

Espejel J.L., Ettifouri E. H., Alassan M.S.Y., Chouham E.M., & Dahhane W. (2023) GPT-3.5, GPT-4, or BARD? Evaluating LLMs Reasoning Ability in Zero-Shot Setting and Performance Boosting Through Prompts. *Natural Language Processing Journal.* Vol. 5, article 100032.

Fisher M.P.A. (2015) Quantum Cognition: The Possibility of Processing with Nuclear Spins in the Brain. *Annals of Physics.* Vol. 362, pp. 593–602.

Herbold S., Hautli-Janisz A., Heuer U. Kikteva Z., & Trautsch A. (2023) A Large-Scale Comparison of Human-Written versus ChatGPT-Generated Essays. *Scientific Reports.* Vol. 13, article 18617.

Hinton G.E. (Ed.) (1991) *Connectionist Symbol Processing.* Cambridge, MA: MIT Press.

Hinton G.E. (1992) How Neural Networks Learn from Experience. *Scientific American.* Vol. 267, no. 3, pp. 145–151.

Horkheimer M. & Adorno T. (1997) *Dialectic of Enlightenment: Philosophical Fragments* (M. Kuznetsova, Trans.). Moscow; Saint Petersburg: Medium; Yuventa (Russian translation).

Korkmaz Guler N., Dertli Z.G., Boran E., & Yildiz B. (2024) An Artificial Intelligence Application in Mathematics Education: Evaluating Chat-

GPT's Academic Achievement in a Mathematics Exam. *Pedagogical Research*. Vol. 9, no. 2, article em0188.

Kurzweil R. (2005) *The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology*. New York: Viking.

Lee K.-F. (2018) *AI Superpowers: China, Silicon Valley, and the New World Order*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt.

Lozić E. & Štular B. (2023) Fluent but Not Factual: A Comparative Analysis of ChatGPT and Other AI Chatbots' Proficiency and Originality in Scientific Writing for Humanities. *Future Internet*. Vol. 15, no. 10, article 336.

Martinet A. (1955) *Économie des changements phonétiques: traité de phonologie diachronique*. Berne: A. Francke (in French).

Martinet A. (1980) *Éléments de linguistique générale*. Paris: Armand Collin (in French).

Marx K. (1960) Capital. Vol. 1. In: Marx K. & Engels F. *Works* (Vol. 23). Moscow: Gospolitizdat (Russian translation).

McCarthy J. (1990) *Formalizing Common Sense: Papers by John McCarthy*. Norwood, NJ: Ablex Publishing Corporation.

Minsky M. (1986) *The Society of Mind*. New York: Simon & Schuster.

Newell A. & Simon H.A. (1972) *Human Problem Solving*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Penrose R. (1989) *The Emperor's New Mind: Concerning Computers, Minds, and the Laws of Physics*. Oxford: Oxford University Press.

Penrose R. & Hameroff S. (1995) Orchestrated Reduction of Quantum Coherence in Brain Microtubules: A Model for Consciousness. *Mathematics and Computers in Simulation*. Vol. 40, no. 3–4, pp. 453–480.

Platonov R.S. (2019) Moral Universality in J.S. Mill' Utilitarianism. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 62, no. 11, pp. 84–95. D (in Russian).

Pothos E.M. & Bussemeyer J.R. (2013) Can Quantum Probability Provide a New Direction for Cognitive Modeling? *Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 36, no. 3, pp. 255–274.

Rumelhart D.E. & McClelland J.L. (1986) *Parallel Distributed Processing* (Vols. 1–2). Cambridge, MA: MIT Press.

Russell S. (2019) *Human Compatible: Artificial Intelligence and the Problem of Control*. New York: Viking.

Sartre J.-P. (1943) *L'être et le néant. Essai d'ontologie phénoménologique*. Paris: Gallimard (in French).

Smith A. (1904) *An Inquiry Into the Nature and Causes of the Wealth of Nations* (Vol. 1). London: Methuen.

Tegmark M. (2017) *Life 3.0: Being Human in the Age of Artificial Intelligence*. New York: Alfred A. Knopf.

Tulchinskii G.L. (2019) Political Context of Narration with Karl Marx's Wert-terminology: Cost vs Value. *Polis. Political Studies*. No. 3, pp. 174–185 (in Russian).

West D.M. (2018) *The Future of Work: Robots, AI, and Automation*. Washington, DC: Brookings Institution Press.

Постъюбилейные доклады Римского клуба: в поисках концептуальной стратегии предвидимого будущего человечества

В.А. Лось

Российская экологическая академия, Москва, Россия

Аннотация

В статье анализируются доклады Римского клуба, опубликованные после его полувекового юбилея. Выявляется эволюция концептуальных представлений Клуба: от «жесткого алармизма» начала 70-х годов XX века к «реалистическому оптимизму» начала XXI века. Показывается, что большинство его публикаций в явной или в неявной форме отвечает, в сущности, на вопрос гамлетовского масштаба, возникший еще в рамках обсуждений модели «пределов роста»: возможно ли и если возможно, то каким образом преодолеть антагонизм между непрерывным ростом потребностей численно увеличивающегося человечества и относительно ограниченным природно-ресурсным потенциалом биосферы? Предлагается анализ сценариев развития мира к 2050 году, которые варьируются от инерционной экстраполяции современных тенденций до радикальных трансформаций глобальных политических, социально-экономических и культурологических процессов. Обсуждаются идеи авторов докладов Клуба о способности общества к изменениям – к «истинной человеческой революции», т.е. пересмотру традиционных экономических моделей и выходу на уровень новых подходов к глобальному управлению. Анализируется утверждение, в соответствии с которым «необучаемость общества» рассматривается как одно из ключевых препятствий на пути к устойчивому развитию цивилизации. В этом контексте особое внимание уделяется необходимости глобальной трансформации не только мировой образовательной системы, но и формирования мышления нового (устойчивого) типа, учитывающего взаимосвязь экономических, экологических и социокультурных воззрений на глобальную динамику элементов системы «человечество – биосфера – цивилизация». Человечество, преодолевая турбулентности современного мирового развития, имеет все предпосылки для конструктивного анализа и проектирования стратегических перспектив предвидимого будущего.

Ключевые слова: социальная философия, глобалистика, прогнозирование будущего, европейская стратегия, статус африканского кон-

тинента, экологический контекст цивилизации, устойчивое развитие, истинная человеческая революция, сценарии будущего.

Лось Виктор Александрович – доктор философских наук, профессор, действительный член Российской экологической академии.
viktor_943@icloud.com

Для цитирования: Лось В.А. Постъюбилейные доклады Римского клуба: в поисках концептуальной стратегии предвидимого будущего человечества // Философские науки. 2023. Т. 66. № 4. С. 52–75. DOI: 10.30727/0235-1188-2023-66-4-52-75

Post-Jubilee Reports of the Club of Rome: In Search of a Conceptual Strategy for Humanity's Foreseeable Future

V.A. Los

Russian Ecological Academy, Moscow, Russia

Abstract

The article analyzes the reports of the Club of Rome issued subsequent to its semicentennial celebration. The analysis uncovers the evolutionary trajectory of the Club's conceptual frameworks, transitioning from the stark alarmism prevalent in the early 1970s to a grounded optimism characteristic of the early 21st century. The majority of its publications, in explicit or implicit form, essentially respond to a question of Hamletian scale that arose within the discussions of the “limits to growth” model: Is it possible, and if so, how, to overcome the antagonism between the continuous growth of the needs of an increasing humanity and the relatively limited natural-resource potential of the biosphere? The analysis introduces an analysis of world development scenarios by 2050, ranging from inertial extrapolation of current trends to radical transformations of global political, socio-economic, and cultural processes. The discourse reflects on the report authors' contemplations regarding societal adaptability to undergo a “true human revolution,” entailing a fundamental reassessment of established economic models and advancement toward innovative global governance strategies. The paper scrutinizes the assertion that society's “unlearnability” is one of the key obstacles to the sustainable development of civilization. Significant emphasis is placed on the imperative for a comprehensive transformation encompassing the global educational landscape and the cultivation of a novel (sustainable) mindset, one that appreciates the intricate interplay among economic, environmental, and sociocultural perspectives on the

global dynamics of the “humanity – biosphere – civilization” system. Humanity, overcoming the turbulences of contemporary world development, possesses all the prerequisites for a constructive analysis and design of strategic perspectives of the foreseeable future.

Keywords: social philosophy, global studies, future forecasting, European strategy, status of the African continent, ecological context of civilization, sustainable development, true human revolution, future scenarios.

Viktor A. Los – D.Sc. in Philosophy, Professor, Full Member of the Russian Ecological Academy.

viktor_943@icloud.com

For citation: Los V.A. (2023) Post-Jubilee Reports of the Club of Rome: In Search of a Conceptual Strategy for Humanity’s Foreseeable Future. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 4, pp. 52–75. DOI: 10.30727/0235-1188-2023-66-4-52-75

Введение

Весной 1968 года в итальянской столице, в Национальной академии деи Линчеи, расположенной в старинном, XVIII века, Палаццо Корсини, собрались около трех десятков энтузиастов (экономистов, социологов, кибернетиков, философов и др.) «для обсуждения сложного положения человечества в настоящем и будущем». Эта незначительная, казалось бы, формальная встреча стала «точкой отсчета» со времени возникновения Римского клуба – неформальной независимой организации, стремящейся, как указано в ее документах, осознать «затруднения человечества», чтобы использовать доступные знания для разрешения социокультурных глобальных противоречий.

В течение десятилетий в докладах Клубу, подготавливаемых независимыми рабочими группами из различных научных центров, стремились оценить «сложное положение человечества», рассмотрев «мировую проблематику» во всей ее возможной целостности. Клуб, определяя тематику заказанного исследования и гарантируя его финансирование (поступающее из внешних источников, в частности грантов), не стремится оказать воздействие на ход научного процесса и его выводы. Тем не менее «доклады», т.е. фундаментальные исследования системы глобальных проблем человечества, выходящие под эгидой Римского клуба, имея высокий научный авторитет, неизменно привлекают внимание мировой общественности и научного сообщества.

В начале марта 1972 года, накануне цветения сакуры, подаренной Токио американской столице, в Смитсоновском институте, в Вашингтоне, официально представлены результаты первого исследования – «доклада». Доклад «Пределы роста», изданный в качестве книги [Meadows et al. 1972], стал международным бестселлером, выдержавшим десятки изданий, переведенным на многие языки и обсуждаемым на бесчисленных симпозиумах, конференциях, организованных в разных уголках планеты, на лекциях и семинарах [Лось 2022]. За полвека международных обсуждений этого исследования написано и сказано, кажется, вполне достаточно о его плюсах и минусах. В целом, однако, его алармистский тренд остался, в сущности, неизменным.

Спустя полстолетия, после завершения проекта и выхода в свет «Пределов роста», Римский клуб собрал около двух десятков специалистов (среди приглашенных – участники первого исследования Деннис Медоуз и Йорген Ранدرس), чтобы еще раз (быть может, окончательно) подвести итоги публикации этой, как отмечается в первой главе, «великой книги» [Limits and Beyond... 2022], оценить степень и масштабы ее влияния на динамику современного цивилизационного процесса.

Если в первые десятилетия мировой дискуссии вокруг идеи «пределов роста» преобладали суждения, критикующие проект за излишний авторский алармизм или недооценку позитивных возможностей научно-технических прорывов в будущее, квалифицируя подчас выводы доклада как «сценарий Ссудного дня», то к началу XXI века выводы проекта стали отчетливее соотноситься с реалиями социально-экологических трендов. Оказалось, что острота и системность глобальной экологической проблемы, если ее пытаются экстраполировать в пространственно-временном диапазоне, выявляя реалистичность, свидетельствует об эвристичности предупреждений Римского клуба.

Его полувековой юбилей отмечали во всем мире. Осенью 2018 года активно действовали национальные ассоциации Клуба, организованные примерно в 40 странах; выходили публикации в научных изданиях и широкой прессе. Немало состоялось научных дискуссий. В частности, Пекинский университет и ряд национальных научных центров подготовили издание, провели обсуждение итоговой работы Клуба («Come On!» [von Weizsäcker, Wijkman 2018]); под эгидой его Финской ассоциации прошел

семинар; в Братиславской городской галерее несколько месяцев работала выставка, посвященная деятельности Клуба.

Очевиден тот факт, что наиболее впечатляющее празднование его 50-летия состоялось в Риме (17–18 октября 2018). В итальянской столице собрались более 400 представителей международной научной элиты и высокопоставленных лиц (*international thought leaders and dignitaries*) из разных стран мира, поддержавших деятельность Клуба и обсудивших перспективные направления динамики цивилизации.

Юбилей Римского клуба не обошли вниманием и отечественные исследователи: одни не могли избавиться от традиционных идеологических ярлыков, другие акцентировали внимание на позитивной составляющей его многолетней деятельности, третьи стремились выйти на уровень сбалансированного аналитического подхода (см., например: [Морозов 2018; Назаретян 2018; Яницкий 2018]).

Доклады Римскому клубу как фиксация базовых тенденций современности

Сохранились лишь в исторических анналах фундаментальные научные дискуссии и забылись пылкие речи юбилейных банкетных тостов, а караван под названием «Римский клуб», приема «равнодушно хвалу и клевету», уже не один год движется в рамках второго 50-летия по изначально избранному направлению, продолжая распутывать противоречия современной цивилизации и упорно предлагая конструктивные варианты их преодоления.

За постъюбилейное пятилетие под эгидой Клуба в сотрудничестве с мировыми научными центрами подготовлено более двух десятков исследований (помимо проекта «Земля для всех»). Попытаемся выделить их основные направления.

Европейская модель развития.

«Постковидная» стратегия восстановления ЕС как «экономики благосостояния»

Авторы доклада «Экономика благополучия XXI века» в сотрудничестве с Еврокомиссией оценивают в рамках европейского экономического мышления перспективное направление развития ЕС в процессе преодоления последствий пандемии COVID-19, анализируют возможный план долгосрочного экономического восстановления и обновления Европы, заявляют о необходимости

сти преодоления существующих в действительности негативных трендов, связанных с продолжающимся загрязнением естественных экосистем, изменением климата, уменьшением биоразнообразия, осложнением качества жизни [Dixson-Declève, McLeod 2021]. Европейские социально-экономические реалии выявили «ограничения модели, которая ценит богатство выше благополучия» [Dixson-Declève, McLeod 2021, 11].

Предполагается, что, опираясь на исторические европейские традиции модернизации, современный опыт радикальных трансформаций и стремление социума «к здоровому, более устойчивому будущему», европейское общество найдет адекватное решение возникших трудностей развития. В качестве базового ориентира рассмотрен прогресс в достижениях Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН.

Выход на уровень «устойчивого благополучия», включающего в себя экономическое планирование, предполагает реализацию принципов, воплощенных в Европейском столпе социальных прав, принятом Европейской комиссией в апреле 2017 года. Этим документом предусмотрены равенство возможностей и доступа к рынку труда, его справедливые условия при социальной защите населения во всех государствах – членах ЕС, что рассматривается как поддержка солидарности между поколениями, возможность устранения неравенства между отдельными стратами социума.

Современный политический тренд связан с отказом от устаревшей линейной экономической модели XX века, ориентированной на рост валового внутреннего продукта (ВВП) «любой ценой». Модель XXI века, отвечающая глобальным вызовам современности, не отвергая экономическую цель, тем не менее существенное внимание уделяет социальному и экологическому благополучию человека, признавая необходимость подлинного баланса между членами социума и естественной средой обитания. Более того, формирование архитектуры «экономики благосостояния» предполагает не максимизацию производственной направленности и потребительского динамизма, а акцент на «национальном богатстве» и «благосостоянии».

«Экономика благосостояния» основана на реализации целенаправленной комплексной деятельности. Речь идет о создании экономики замкнутого цикла, удовлетворяющей потребности, но не стимулирующей потребление; расширении восстановления утраченных природных экосистем; совершенствовании системы

здравоохранения; переходе к возобновляемым источникам энергии, генерируемым местными сообществами или государственными структурами; управлении экономикой на демократических принципах взаимоотношений власти и социума и т.д.

Разработаны показатели, предлагающие количественные характеристики «индекса благополучия», чтобы дополнить традиционные критерии экономического динамизма – ВВП. Помимо предложенного Программой развития ООН «индекса человеческого развития», введено использование, к примеру, индикатора «подлинного прогресса» как соотношение количественного выражения выгоды и издержек деятельности или «индекса счастья», учитывающего субъективную удовлетворенность человека жизнью (социальный опрос), ожидаемую продолжительность жизни (статистические данные) и экологические последствия (результаты мониторинга).

Возникает трудная задача обеспечения политического консенсуса во всех государствах – членах ЕС с учетом того, что они существуют и будут исходить из различных экономических, социальных и социокультурных условий. Иными словами, должен показать эффективность «принцип солидарности», который органично встраивается в архитектуру европейской социально-экономической стратегии.

Это представляется особенно актуальным в «постковидный период», в течение которого необходимо повышать устойчивость не только европейского, но и глобального социума, обеспечивая «долгосрочное здоровье и благополучие», возрождая экономику, восстанавливая баланс между социумом и биосферой. Трансформация региональной политики предполагает необходимость существенного увеличения инвестиций в систему здравоохранения и социального обеспечения, перехода к всеобщему медицинскому страхованию с признанием здравоохранения в качестве права каждого.

Сегодня, в экстраординарное время, следует признать недостаточность основных экономических представлений XX века, что обнаружено, в частности, в процессе преодоления COVID-19 и его последствий. Пандемия – это оселок, выявивший уязвимость европейской (в том числе мировой) системы, ее экономических, социальных, медицинских и других структур. Экономическая стратегия ЕС XXI века должна опираться, как предполагают, на новую дорожную карту для «выздоровливающего человечества»,

ориентированную на целостную экономическую модель благосостояния социума, достижение общественного консенсуса «снизу вверх». ЕС, извлекая уроки из текущей социальной турбулентности, стремится к «устойчивой Европе», эффективно реализующей курс на баланс интересов «европейца» и региональных экосистем, не забывая и планетарный контекст мирового развития.

Африканский контекст.

В поисках преобразующего будущего континента

Проблемы Африканского континента рассматриваются через «деколонизальную линзу» (decolonial lenses), т.е. как преодоление социально-экономического наследия прошлого [Preiser et al. 2020]. Континентальное будущее оценено в контексте принятой (Аддис-Абеба, 2015) главами государств и правительств Африканского союза Повестки дня до 2063 года, в рамках которой сформулирована стратегия, устанавливающая ориентиры на долгосрочную перспективу.

Целевая установка африканского будущего, сформулированная как парафраз стратегии Рио+20 («Будущее, которого мы хотим») – «Африка, которую мы хотим», вполне оптимистична: процветающая Африка, реализующая принципы устойчивого развития; ориентирующаяся на механизмы демократического управления, уважения прав человека, справедливости и верховенства закона; сохраняющая культурную самобытность, общее наследие и этические ценности. Африка, потенциал которой реализуется в опоре на человека.

Наблюдается совокупность и намеченных прагматических действий. Речь идет о расширении внутриафриканского сотрудничества; укреплении системы здравоохранения для обеспечения всеобщего доступа к качественной медицинской помощи; росте производства товаров и услуг, удовлетворяющих потребности человека; переходе к технологическому онлайн-обучению и виртуальным взаимодействиям, чтобы полностью реализовать национальный интеллектуальный потенциал и освободить творческую энергию молодежи континента.

Деколонизальная африканская стратегия предполагает реализацию ряда принципиальных установок: во-первых, отказ от «тошнотворной мимикрии» (sickening mimicry), при которой приоритет получают не национальные, а внешние решения; во-вторых, преодоление иллюзии того, что решения, вырабатывае-

мые (и эффективные) в прошлом, могут быть конструктивны в современных условиях; в-третьих, избавление от представлений, в соответствии с которыми африканский путь должен исходить из европейской ориентации. Обращено внимание на то, что эффективность национальной стратегии развития «трудно увидеть из еврозоны».

«Первым шагом» деколонизации называют психологическое освобождение африканцев из «темноты комплексов неполноценности», навязанных извне, что в экстремальной форме выражено в массовых протестах 70–80-х годов XX века. «Второй шаг» связывают с преобразованием системы социальных ценностей в «сторону исцеления», имея в виду укрепление национальных стереотипов и представлений. При этом гармонию человека с человеком и средой обитания рассматривают как органическую сторону бытия. И «третий шаг» – адекватная оценка исторического контекста континента, чтобы найти себя «на карте человеческой географии».

Вместе с тем «возрождение Африки» не предполагает абсолютизацию ее социокультурной специфики за счет умаления любой другой культурологической структуры. «Возрождение» наступает, как указано, не в случае, если «просто» отвергают западные идеологические стереотипы, а в случае, если Африка «встречается сама с собой», т.е. принимает свой внутренний плюрализм, историческую глубину и открытость миру, опираясь на национальные духовные традиции и историческую социальную организацию, «демонтировав» психосоциальное наследие колониализма.

Африканская мудрость гласит: «Человек, одетый в чужую одежду, – наг, а человек, питающийся чужой едой, – всегда голоден». Африканской цивилизации еще предстоит, вернувшись к своим социокультурным ценностям, предложить глобальному социуму одно из возможных конструктивных направлений «вписываемости» в историческую природную среду при удовлетворении оптимальных общественных потребностей. Быть может, африканский путь – стратегический ориентир цивилизации будущего?

Продолжение природоохранного тренда.

В поисках «экологической цивилизации» будущего

Социоприродный контекст современной цивилизации изначально представляет базовый интерес, в сущности, для большинства, если даже не всех (с акцентом на различные аспекты)

докладов, подготовленных под эгидой Римского клуба. В данном случае группа специалистов представила точку зрения на причины социоприродного кризиса, выявляя возможные пути приближения к искомой «экологической цивилизации» [Korten 2021]. Это – Белая книга для тех, кто хотел бы найти контуры экологического будущего глобального социума.

Вряд ли кто-то сомневается сегодня в том, что человечество имеет дело с «беспрецедентным вызовом»: биосферная напряженность угрожает в действительности выживанию современной цивилизации, т.е. «наш дом горит» (our house is on fire). Иными словами, необходимы экстренные действия, чтобы предотвратить экспансию деградации естественных экосистем. Прежде всего речь идет о преобразовании «несостоятельных социальных институтов» в структуры, способствующие предотвращению социального и экологического коллапса, реализующие человеческую ответственность и цивилизационный потенциал.

Очевидным становится то, что искомое «предотвращение» могло оказаться «невыполнимой миссией», если бы не человеческая способность реагировать на вызовы внешней среды. Более того, человек, как доказывают, обладает экстраординарными физическими и интеллектуальными способностями познания цели бытия, потребностями к социальному общению с подобными себе и внешней средой обитания. Тем не менее стереотип потребления вовлекает его в «саморазрушительные действия» (self-destructive actions), непосредственно не связанные с истинными потребностями: их абсолютизация оборачивается «бесчеловечной экономикой» (inhuman economy), что «дегуманизирует» человека, толкая его «на путь самоуничтожения». Интеллект человека позволяет ему не только оценить тупиковость этого пути, но и выявить альтернативные направления развития.

В сущности, человек имманентно противоречиво полярен: с одной стороны, его бытие связано с целенаправленной конструктивной деятельностью, с другой – сопровождается негативными факторами и явлениями. Примером может служить реакция на пандемию COVID-19 как одно из доказательств предельной уязвимости человека, призыв к признанию человеческой ответственности перед собой, человечеством, биосферой и глобальным социумом.

Современное общество трактуют как «троякую» институциональную структуру. Правительство поддерживает порядок, бизнес

обеспечивает экономику, гражданское общество – самоорганизующаяся система «для удовлетворения своих неудовлетворенных потребностей». Ранее первичные формы гражданского общества связывали с удовлетворением своих потребностей в процессе труда при использовании материальных форм взаимоотношений с элементами природы. В сущности, в «одном флаконе» были реализованы управленческие и экономические задачи первичного социума. Гипотетически представляется возможным реализовать в гражданском обществе будущего подобную социальную структуру, эффективнее «вписываемую» в природную систему.

Перспективная стратегия развития социума должна, как представляется, ориентироваться на сохранившиеся элементы ранних африканских культур или традиционный принцип народов кечуа в южноамериканских Андах – *sumak kawsay* (кеч. «хорошая жизнь»). Экспансия южноамериканских традиций приводит к представлению о реализации тройственной принципиальной конструкции:

- функциональность экономики – обеспечение социума как материальным благополучием, так и духовной основой бытия при сохранении баланса взаимоотношений между членами социума и природной средой;
- эффективность деятельности – хозяйственный механизм социума функционирует не на принципах «универсализации», а с учетом специфики природного окружения;
- природное разнообразие – стремление к сохранению и развитию всех, в сущности, форм живого как выражение устойчивого динамизма глобальной социоприродной системы.

Эти принципы получают последующую конкретизацию: отказ от концентрации «корпоративной власти», т.е. усиленное распределение ее на региональный и местный уровни; расширение демократизации как не конкуренция между оппозиционными структурами, а самоорганизация сообщества; организация материальных процессов вокруг непрерывных круговых потоков вещества и энергии; устранение финансовых спекуляций из совокупности экономических отношений; преобразование отношения к природе при еще больших усилиях по ее регенерации; оптимизация баланса природоохранных отношений между пригородными и городскими образованиями; расширение воспитания подрастающего поколения на идеях «справедливого и благополучного будущего для всех» и т.д.

Достичь искомого будущего непросто. По приведенным подсчетам, для поддержания лишь современного уровня потребления необходимо использовать ресурсы немного меньше таких двух планет, как Земля. К сожалению, наша планета лишь одна, и другая вряд ли будет обнаружена в космических просторах. В погоне за удовлетворением потребительских стереотипов человечество устремляется за ростом ВВП. Это позволяет, с одной стороны, удовлетворять свои все возрастающие материальные потребности. С другой – в стремительной погоне за престижными материальными атрибутами бытия неуклонно утрачивается, как доказывают, «радость жизни», теряется постепенно возможность общения с целостностью природы, которую лишают исторической устойчивости.

Человеческое общество оказалось перед лицом «монументального цивилизационного вызова» (*monumental civilizational challenge*), выйдя за пределы возможностей естественных экосистем. Его жизнеспособное будущее зависит от преодоления «эгоистического отношения» к природе, действительного «свертывания» потребительства, поиска и обретения смысла жизни в балансе материального и духовного, т.е. служении «благополучию» всего живого, а значит, и человека.

В процессе формирования основ «экологической цивилизации» предполагается восприятие по крайней мере трех принципов деятельности. Во-первых, признание «предельности» (*limit*) регенеративных способностей естественных экосистем. Во-вторых, распределение «по справедливости» (*equitable*) природных ресурсов, которые остались как ресурсный потенциал. В-третьих, «воссоединение» (*reconnecting*) человечества для обеспечения «хорошей жизни для всех».

В грядущем «гуманизированном мире» человек, как предполагается, не будет стремиться к максимизации потребностей, соответствуя высоким духовным ориентирам цивилизации будущего. Человечество, используя результаты совместной творческой деятельности, сможет планировать баланс взаимоотношений человека, социума и биосферы, застраховавав возможность ее негативных последствий и преимущественно оставаясь в зоне комфортной экологичности.

Экологическая цивилизация будущего, как форма существования гражданского общества, устойчиво станет опираться на фантом «трех китов»: физический труд – необходимый фактор

для создания и поддержания основных жизненных условий, направленных против роста энтропии, т.е. деградации планетарных естественных экосистем; интеллектуальный труд – процесс осмысления реальной деятельности, оценки ее последствий для сохранения устойчивости системы «человек – социум – биосфера»; духовный труд – обновление человеческого восприятия процессов гармонии взаимоотношений человечества с природной средой его обитания. Тем самым цивилизация грядущего будет соответствовать динамизму человечества будущего, не позволив нарушить установившийся баланс глобальной экологической системы.

Устойчивое развитие цивилизации.

Новые направления реализации УР-стратегии на пути к стабилизации глобальной экосистемы

Стратегию устойчивого развития рассматривают как действие современной цивилизации, рассчитывающее на конструктивный баланс взаимоотношений элементов глобальной системы «человечество – биосфера». По мере оценки сложности «преодоления барьеров» на пути к «устойчивому будущему» анализируется этот процесс на всех возможных уровнях управления: от индивидуального до национального и планетарного [Berg 2020]. При этом предлагается «дорожная карта» стратегического продвижения к искомому целевому ориентиру с учетом изменений четырех компонентов (в отличие от трехмерной традиционной системы «Environmental, Social, and Governance» – ESG): природной среды, экономической составляющей, социальной структуры и перспективных трендов.

Более того, речь идет не только о «новой теории», обосновывающей ЦУР, но и о практике их реализации [Kuenkel 2019]. Выход на уровень эффективного управления преобразованиями в сфере устойчивого развития связывают с изменениями партнерских отношений между правительственными структурами, исследовательскими центрами, системами бизнеса и гражданским обществом. ЦУР трактуют как ориентированную целевую установку глобального социума, «концептуальная архитектура» которого предполагает обеспечение многоуровневого баланса управленческих механизмов и социоприродной среды настоящего и будущего цивилизации.

Совместно с Потсдамским институтом исследования климатических изменений представлен «кризисный планетарный план», пред-

полагающий обеспечение «нового курса» для решения комплексных проблем, связанных с базовыми климатическими трендами, утратой биологического разнообразия и продолжающейся трансформацией глобальных экосистем, ухудшающих жизненные условия для конструктивного развития человека [The Planetary... 2019]. Его первоначальный вариант, обсужденный на полях саммита ООН по климату (Нью-Йорк, сентябрь 2019), стал частью обширных международных дискуссий, которые вывели решение этих проблем на уровень глобального сотрудничества.

После «нападения» COVID-19 актуальность этого плана становится еще очевиднее, требуя его действенной реализации. С ним связывают не только сохранение «глобального достояния» человечества – биосферы, но и осуществление системы социальных и экономических преобразований, гарантирующих качество жизни человека будущего и позитивные перспективы цивилизации.

Преобразование энергетических систем. Предложена совокупность «срочных действий» (urgent actions) в контексте реализации этого плана: прекращение использования всех видов ископаемого топлива; отказ от соответствующих инвестиций и переориентация финансирования на исследования, разработки и инновации, в особенности – внедрение низкоуглеродной энергетической стратегии; увеличение в два раза использования ветровой и солнечной энергии каждые четыре года, наращивание ежегодных инвестиций в возобновляемые источники энергии при повышении энергоэффективности низкоуглеродных технологий для секторов с высоким уровнем выбросов до 2025 года; установление минимальной цены на углерод в пределах 30 долларов США за тонну CO₂) в ближайшее время для развитых стран, а для наиболее передовых стран с переходной экономикой – не позднее 2025 года.

Ориентация на циклическую экономику подразумевает: сокращение в два раза к 2030 году выбросов антропогенной деятельности в развитых странах и странах с развивающейся экономикой, подготовку к закрытию экологически неэффективных предприятий; интернализацию внешних факторов неустойчивого развития и высокоуглеродного производства и потребления за счет введения к 2025 году соответствующих целевых налогов; разработку национальных и межнациональных «дорожных карт» для всех стран мирового сообщества, ориентированных на реализацию «регенеративного землепользования» и экономики

замкнутого цикла, при обеспечении сокращения глобальных выбросов углерода к 2030 году.

Создание «справедливого общества»: социум «человеческого и экологического благополучия». Реализация этой задачи предполагает: введение к 2030 году критериев экономического прогресса, включающих в себя социально-экологические показатели, характеристики здоровья и благополучия человека, с учетом их взаимосвязи с качественными показателями природной среды его обитания; разработку к 2025 году правовых оснований, которые позволили бы коренным общинам защитить свои права на традиционные территории, при обеспечении юридических, экономических и социально-экологических условий их исторических форм жизнедеятельности; переключение налогообложения с трудовой деятельности на рациональное использование природных ресурсов при обеспечении сокращения выбросов (и сбросов) в окружающую природную среду; разработку, принятие и финансирование международных программ, обеспечивающих и поддерживающих жизнедеятельность членов глобального социума на рациональном уровне экономического, экологического и социокультурного развития.

Контуры предвидимого будущего

Базовые прогностические тренды

К 40-летию выхода в свет доклада «Пределы роста», в 2012 году, один из его соавторов, в частности Йорген Рандерс, представил книгу [Randers 2012], в которой собрал прогнозные материалы ведущих специалистов различных областей знания (от экономики и экологии до энергетики и социологии) и попытался проследить тренды будущего, «привязав» его к 2052 году. Если 40 лет назад в своих взглядах он был солидарен с коллегами, его взгляды имели выраженный алармистский уклон, то экстраполяция мировых трендов первой декады XXI века в его середину носит преимущественно оптимистический характер.

Конечно, нельзя не указать на негативные (даже катастрофические) тенденции мирового социоприродного развития («безудержное глобальное потепление», продолжающаяся бедность населения стран «глобального Юга» и др.). Тем не менее стратегические процессы получали в целом позитивную оценку: «впечатляющий прогресс в эффективности использования природных ресурсов»; акцент не на рост доходов на душу населения, а на «благополучие

человека». Именно конструктивность деятельности обеспечит, как прогнозировали, лучшую жизнь для нынешнего и последующих поколений.

Спустя десятилетие, к 50-летию организации Римского клуба, его лидеры, Эрнст фон Вайцзеккер и Андерс Вийкман, с участием 34 остальных членов Клуба подготовили соответствующий доклад Совета [von Weizsäcker, Wijkman 2018]. В рамках доклада представлена позиция Римского клуба (второй раз за его многолетнюю историю, а впервые это было в начале 90-х годов XX века [King, Schneider 1991]), построенная на анализе не только современных тенденций мировой динамики, но и стремящаяся предложить их временную экстраполяцию в действительности.

Члены Римского клуба отчетливо осознают ответственность как представители одной из авторитетных лидирующих структур, определяющих ориентиры мирового общественного мнения. Их точка зрения на реальные и перспективные тенденции планетарного развития представляется взвешенной и продуманной.

С одной стороны, идеи о реальности «пределов роста», т.е. фиксация несоответствия между ростом общественных потребностей и ограниченностью ресурсного потенциала биосферы, как признано в докладе, «остается в силе». По-прежнему мировые демографические тенденции, хотя постепенно утрачивают былые темпы роста, тем не менее сохраняют абсолютность ростовых трендов, усугубляя остроту системы глобальных проблем современной цивилизации (социальное расслоение населения, деградацию экосистем и др.). Рыночные отношения в их сложившейся (капиталистической) форме, ориентированные на перманентное увеличение как индивидуального, так и общественного потребления, рассматривают в качестве еще одного из определяющих факторов и оказывающих негативное воздействие на мировые экосистемы, что приводит «к разрушению планеты».

С другой стороны, доклад, не ограничиваясь констатацией деградационных особенностей современного мирового развития, показывает возможные направления усилий цивилизации, связанные с выходом на уровень ее позитивного динамизма. Эпоха антропоцена, в которой именно деятельность человека определяет реалии и перспективы мирового развития, характеризует человеческий фактор как решающее условие геологического масштаба, обуславливающее «повестку ответственного глобализма и устойчивого развития».

В теоретическом контексте эффективность прогностического преодоления социоприродных противоречий связывают с отказом от «концептуального редукционизма», в соответствии с которым познание природной реальности, стремясь к рациональной прагматичности, утрачивает целостность. Речь идет о холистической трактовке бытия, если природные процессы рассматривают (и понимают) в целостном единстве, во взаимосвязи религиозного и научного поиска, как выражение «интегральной целостности мироздания».

В экономическом аспекте происходит поиск альтернативных экономических моделей. К тому же при различиях в деталях общая стратегия будущего имеет общие тренды. Во-первых, преодоление линейных стереотипов, при котором «логика линейная» заменена «логикой круговой». Во-вторых, перспективы экономики связывают не с абсолютизацией ростовой стратегии, а с повышением «степени устойчивости», в соответствии с которой акцент делают не на максимальном удовлетворении частных потребностей, а на росте «общего блага». Поставлена задача не отказаться от рыночных отношений, а увязывать их в балансе с государственными структурами.

В социокультурном измерении выводы доклада опираются на тезисы энциклики папы Римского Франциска «*Fratelli tutti*» («Все братья»), в которой сформулирован тезис о «межрелигиозном диалоге» и установлении «братства во все мире» как одной из базисных предпосылок для действительной реализации политики, «сосредоточенной на достоинстве человека». Преодоление современных кризисных трендов связывают с отказом от доминирования антропоцентристских мировоззренческих установок, уважения природных ценностей, баланса западнцентристских и востокцентристских стереотипов.

Сценарии к 2050 году

В юбилейный год Римского клуба увидел свет доклад [Randers et al. 2018], имеющий имманентно прогностическую направленность. В нем предложено четыре сценария. Следует учитывать по крайней мере два обстоятельства.

Во-первых, то, что в период его подготовки мировая социально-политическая ситуация еще не приобрела острый турбулентный характер, в условиях которого реализация планов стратегии устойчивого развития на 2030 год сдвигается в относительно неопределенный временной интервал. И, во-вторых, юбилейный

год никому не хотелось, естественно, омрачать негативными тенденциями ближайшего будущего.

Сценарий «то же самое – все как обычно». Этот инерционный сценарий не оставляет надежды на удовлетворительное выполнение ЦУР. Если в 2015 году (время их принятия) из 17 обозначенных целей было достигнуто, как считают, девять целевых установок, то к 2030 году в лучшем случае предполагается достичь всего десять. Стремление к достижению этих социально-экономических целей приведет к еще большему антропогенному воздействию на биосферу, расширению опасных климатических трендов, дальнейшему сокращению биоразнообразия, ухудшению качественных характеристик среды обитания человека и т.п. Более того, прогнозируют высокую вероятность того, что природные системы жизнеобеспечения человечества перейдут «необратимые триггерные точки», обозначающие «болезненное состояние» глобальной цивилизации.

Сценарий «быстрее – ускорение экономического роста». С одной стороны, ускорение экономического роста во всех мировых регионах, т.е. в странах «глобального Севера» и «глобального Юга», станет основанием для относительного улучшения социально-экономической и экологической ситуации в ряде стран. Больше финансовых ресурсов будут выделять на цели здравоохранения, образования и др. С другой – конструктивный сдвиг в достижении декларируемых ЦУР не будет слишком впечатляющим: базовые цели еще далеки от искомым показателей (всего 11 из них предполагают реализовать в 30-х годах, а дальнейшее вряд ли целесообразно планировать).

Сценарий «сильнее – более активные усилия на всех направлениях». Конечно, если в рамках современной цивилизации удастся приложить максимум усилий для достижения ЦУР во всей совокупности направлений деятельности глобального социума, даже на основе традиционных политических установок (естественно, за счет и их активизации), то этот сценарий открывает большие перспективы для адекватного развития системы «человечество – биосфера – общество». Степень его конструктивности значительно выше, чем в случаях первых двух сценарных построений. Третий сценарий выявляет действительность преимущественно лишь в ближнесрочной перспективе.

Сценарий «разумнее – трансформационные изменения». В соответствии с такими сценарными построениями современ-

ная цивилизация усиливает тренд на внимание к человеку и его благополучию. Достижение этого запланировано в процессе трансформации стереотипов глобального развития, если «степень динамизма» социума определена преимущественно не количественными показателями (ВВП), а качеством жизни человека, что обеспечивает и реализацию показателей ЦУР.

Страны мирового сообщества покидают поле «пустых разговоров» (just talk), реализуя смелую преобразующую политику, нащупав «пять точек воздействия», а именно: ускоренный выход на уровень возобновляемой энергетики, позволяющей сокращение в течение каждого десятилетия выбросов CO₂ почти вдвое; повышение производительности аграрной системы, совершенствование эффективности продуктивной пищевой цепи; восприятие конструктивных инноваций стран «глобального Севера» в условиях стран «глобального Юга»; позитивный сдвиг в отношениях неравенства стран в системе государств мирового сообщества; совершенствование положения в сфере образования, гендерного равенства и планирования семейных отношений.

Если воздействие на эти «пять точек» окажется позитивным вследствие и кумулятивного эффекта, то показатели ЦУР достигнут в соответствии со сценарием почти искомым величин, приблизившись к значению 15 к 2050 году (желаемое – 17). Тем самым «человеческое измерение» развития должно стать фактором, определяющим эффективность динамики стран в иерархии мирового сообщества.

В поисках «обучающегося человека»

Идеи, сформулированные первым президентом Римского клуба Аурелио Печчеи во второй половине XX века, в начале карьерного взлета организации, пронизывают, в сущности, ее концептуальные представления на протяжении половины столетия. А. Печчеи считал [Рессеи 1979], что стратегия цивилизации должна соответствовать «человеческим интересам»; он полагал, что только «от человеческих качеств» (но не отдельных элитарных групп, а от «средних качеств миллиардов жителей планеты») зависит позитивное будущее человечества.

Несколько позднее, в одном из докладов в конце 70-х годов [Botkin, Elmandjra, Malitza 1979], решение глобальных проблем связывали с выходом на новый уровень обучения и образования человечества (неслучайно предисловие к изданию доклада написано А. Печчеи). С началом XXI века образовательный контекст

глобализации нашел выражение в представлениях о необходимости формирования «обучающего общества», в рамках которого поиск новых путей обучения позволит человеку «быть человеком» [Álvarez Pereira 2021].

Глобальный социум оказался, настойчиво убеждает Римский клуб, «в цивилизационной ловушке» (civilization trap). При этом обострились противоречия между потребностями человечества и возможностями их удовлетворения в рамках сложившегося естественного природно-ресурсного потенциала. Стремление к преодолению выявленных противоречий в системе традиционных мировоззренческих стереотипов (технократизма, экономизма и др.) оборачивается дальнейшим обострением социоприродной напряженности. Экологический императив является важнейшим фактором, определяющим контуры цивилизации в долгосрочной перспективе. Очевидным становится то, что взаимоотношения в глобальной системе «человечество – биосфера» нуждаются в радикальной трансформации, если современная цивилизация рассчитывает на прогностический динамизм.

Более того, историческое выживание цивилизации предполагает отказ от линейного восприятия развития с учетом его бифуркационного и турбулентного характера. Иными словами, адекватное вхождение в социальное будущее предполагает умение глобального социума функционировать в «чрезвычайной ситуации», что требует рассмотрения реальности в пределах возможной целостности. Речь идет о необходимости формирования нового типа мышления в его индивидуальной и общественной формах выражения. Отчетливо прослеживаются ограниченность «редукционистского мышления» и безусловный приоритет «интеграционного (“системного”) типа мышления, требующего иной обучающей системы», адекватно реагирующей на бифуркационную реальность.

На протяжении нескольких десятилетий Римский клуб, анализируя противоречия глобального развития, стремился создать предпосылки для поиска практических ответов на возникающие острые вопросы, стоящие перед цивилизацией. К сожалению, что следует из доклада, современную систему нужно квалифицировать как «необучающееся общество» (non-learning society). Тем не менее стратегическое выживание цивилизации предполагает преодоление и этого «синдрома необучаемости».

Человечеству предстоит «обучающееся переключение» (learning switching). У него, в сущности, отсутствует выбор: или свершится

«истинная человеческая революция» (true human revolution), в результате которой будет преодолен в том числе «обучающийся инфантилизм», или современная цивилизация, не раскрыв творческий потенциал, неуклонно будет приближаться к финишу своей футурологической истории.

В начале своей карьерной значимости Римский клуб сформулировал тезис о «пределах роста» (1972), который ограничивал экспоненциальный рост современной цивилизации. Через несколько лет (1979) выдвинут противоположный тезис, отвергающий «пределы обучения». Если первый имел, однако, материальное измерение, то второй – обращался к социокультурной стороне жизни.

И попытаемся ответить на логичный вопрос о том, какой из тезисов адекватен реальности. Оба, поскольку каждый тезис соответствует своему уровню отражения бытия. В силу полярности своей природы, человек, с одной стороны, антагонистично имманентен всему живому и биосфере в целом, а с другой – именно его целенаправленные формы деятельности позволяют в случае их согласования с экологическими законами рассчитывать на продвижение цивилизации в будущее.

Заключение

По случаю полувекового юбилея Римского клуба, сказано (а затем и написано) немало добрых, искренних слов о значимости его деятельности в мире на протяжении многих лет. Более того, в последние годы Клуб не сбавил темпы и не уменьшил масштабы докладов, т.е. фундаментальных системных исследований различных сторон глобальных проблем и глобализации, стремясь показать мировому сообществу во всей полноте «затруднения человечества», способствуя их разрешению.

Конечно, не все направления этой стратегической программы удалось выполнить в полной мере. Особенно успешно выполнена первая часть программы, связанная с исследованиями и распространением знаний о глобальных процессах. Именно деятельность Клуба стимулировала формирование нового мирового научного направления, получившего фундаментальное развитие и нашей стране, – исследование глобальных процессов.

Сложнее происходит осуществление реализации сформулированных предложений, выводов, рекомендаций и др., что требует так называемого подключения не только усилий отдельных стран или их группы, но значительной части мирового сообщества как

«глобального Севера», так и «глобального Юга». Усиливающаяся турбулентность мировой политической ситуации не способствует межгосударственному и межнациональному сотрудничеству, что служит одним из базовых условий конструктивного и эффективного разрешения противоречий планетарного масштаба, реального преодоления «затруднений человечества».

Анализируя исследования последних лет, вышедшие под эгидой Римского клуба, не лишенный предвзятости наблюдатель может предположить, что уход «с мостика корабля» первых капитанов, установивших стратегический курс, замедлил его движение, утратив поступательность динамизма и прежнюю новизну. Возможно, отчасти это так, поскольку непросто на протяжении десятилетий сочетать научную креативность молодости с упорным достоинством зрелости.

Тем не менее и в начале третьей декады XXI века Римский клуб, сохранивший высокий статус и престиж, как признанный оракул грядущего, не имеет достойного конкурента на поле современной глобалистики. Можно согласиться с мнением о том, что «пятьдесят лет истории этой организации еще не предел ее существования» [Чумаков, Штарк 2019, 48].

Более того, это – лишь половина пути к ее грядущей столетней годовщине. И первые шаги в этом направлении сделаны. Если современная политическая турбулентность мирового развития не обернется катастрофическими трендами, то над планетой по-прежнему свободно будет реять знамя с узнаваемым логотипом Римского клуба, на котором в дружеском совместном танце, подобном изображению на знаменитом полотне Анри Матисса, сплелись все материки нашей планеты.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Лось 2022 – *Лось В.А.* В поисках перспективной стратегии развития цивилизации. К 50-летию выхода в свет доклада Римскому клубу «Пределы роста» // Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92. № 4. С. 350–359.

Морозов 2018 – *Морозов А.* Рецепты Римского клуба для мировой энергетики и экологии // Энергия: экономика, техника, экология. 2018. № 7. С. 9–12.

Назаретян 2018 – *Назаретян А.П.* Блеск и нищета биоцентрической экологии: к 50-летию Римского клуба // Историческая психология и социология истории. 2018. № 1. С. 5–38.

Чумаков, Штарк 2019 – *Чумаков А.Н., Штарк Л.П.* Римский клуб: к итогам полувековой деятельности // Век глобализации. 2019. № 4. С. 40–49.

Яницкий 2018 – *Яницкий О.Н.* Доклад Римскому клубу. К 50-летию его основания: плюсы и минусы // Власть. 2018. № 2. С. 19–25.

Álvarez Pereira 2021 – *Álvarez Pereira C. Learning New Ways of Becoming Human.* – Winterthur: The Club of Rome, 2021.

Berg 2020 – *Berg C. Sustainable Action: Overcoming the Barriers.* – London: Routledge, 2020.

Botkin, Elmandjra, Malitza 1979 – *Botkin J. W., Elmandjra M., Malitza M. No Limits to Learning: Bridging the Human Gap: The Report to the Club of Rome.* – Oxford, UK: Pergamon Club, 1979.

Dixson-Declève, McLeod 2021 – *Dixson-Declève S., McLeod A. 21st Century Wellbeing Economics: The Road to Recovery, Renewal & Resilience. Vol. 1. Europe.* – Winterthur: The Club of Rome, 2021.

King, Schneider 1991 – *King A., Schneider B. The First Global Revolution: A Report by the Council of The Club of Rome.* – New York: Pantheon Books, 1991.

Korten 2021 – *Korten D.C. Ecological Civilization: From Emergency to Emergence.* – Winterthur: The Club of Rome, 2021.

Kuenkel 2019 – *Kuenkel P. Stewarding Sustainability: An Emerging Theory and Practice of SDG Implementation.* – Cham: Springer, 2019.

Limits and Beyond... 2022 – *Limits and Beyond: 50 Years on from The Limits to Growth, What Did We Learn and What's Next? A Report to the Club of Rome* / ed. by U. Bardi, C. Álvarez Pereira. – [Б. м.]: Exapt Press, 2022.

Meadows et al. 1972 – *Meadows D.H., Meadows D.L. Randers J., Behrens III W.W. The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind.* – New York: Universe Books, 1972.

Peccei 1979 – *Peccei A. The Human Quality.* – Oxford: Pergamon Press, 1977.

Preiser et al. 2020 – *Preiser R., Swilling M., Nnoli-Edozien N., Ramphel M. Towards New Narratives of Hope for Fostering Transformative African Futures.* – Winterthur: The Club of Rome, 2020.

Randers 2012 – *Randers J. 2052: A Global Forecast for the Next Forty Years.* – Junction, VT: Chelsea Green, 2012.

Randers et al. 2018 – *Randers J., Rockström J., Stoknes P.E., Golüke U., Collste D., Cornel S. Transformation is Feasible: How to Achieve the Sustainable Development Goals within Planetary Boundaries. A Report to the Club of Rome.* – Stockholm: Stockholm Resilience Centre, 2018.

The Planetary... 2019 – *The Planetary Emergency Plan: Securing a New Deal for People, Nature and Climate* / by The Club of Rome, in partnership with The Potsdam Institute for Climate Impact Research. – Winterthur: The Club of Rome, 2019.

von Weizsäcker, Wijkman 2018 – *von Weizsäcker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population, and the Destruction of the Planet.* – New York: Springer, 2018.

REFERENCES

Álvarez Pereira C. (2021) *Learning New Ways of Becoming Human.* Winterthur: The Club of Rome.

Bardi U. & Álvarez Pereira C. (Eds.) (2022) *Limits and Beyond: 50 Years on from The Limits to Growth, What Did We Learn and What's Next? A Report to the Club of Rome.* Exapt Press.

Berg C. (2020) *Sustainable Action: Overcoming the Barriers*. London: Routledge.

Botkin J.W., Elmandjra M., & Malitza M. (1979) *No Limits to Learning: Bridging the Human Gap: The Report to the Club of Rome*. Oxford, UK: Pergamon Club.

Chumakov A.N. & Stark L.P. (2019) The Club of Rome: Results of Half a Century of Activity. *Vek globalizatsii*. No. 4, pp. 40–49 (in Russian).

Dixson-Declève S. & McLeod A. (2021) *21st Century Wellbeing Economics: The Road to Recovery, Renewal & Resilience. Vol. 1 Europe*. Winterthur: The Club of Rome.

King A. & Schneider B. (1991) *The First Global Revolution: A Report by the Council of The Club of Rome*. New York: Pantheon Books.

Korten D.C. (2021) *Ecological Civilization: From Emergency to Emergence*. Winterthur: The Club of Rome.

Kuenkel P. (2019) *Stewarding Sustainability: An Emerging Theory and Practice of SDG Implementation*. Cham: Springer.

Los V.A. (2022) *In Search of a Promising Strategy for Civilization Development. On the 50th Anniversary of the Report to the Club of Rome "The Limits to Growth"*. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 92, no. 4, pp. 350–359 (in Russian).

Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., & Behrens III W.W. (1972) *The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind*. New York: Universe Books.

Morozov A. (2018) The Club of Rome's Prescriptions for Global Energy and Ecology. *Energiya: ekonomika, tekhnika, ekologiya*. No. 7, pp. 9–12 (in Russian).

Nazaretyan A.P. (2018) The Splendor and Misery of Biocentric Ecology: On the 50th Anniversary of the Club of Rome. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. No. 1, pp. 5–38 (in Russian).

Peccei A. (1979) *The Human Quality*. Oxford: Pergamon Press.

Preiser R., Swilling M., Nnoli-Edozien N., Ramphele M. (2020) *Towards New Narratives of Hope for Fostering Transformative African Futures*. Winterthur: The Club of Rome.

Randers J. (2012) *2052: A Global Forecast for the Next Forty Years*. Junction, VT: Chelsea Green.

Randers J., Rockström J., Stoknes P.E., Golüke U., Collste D., & Cornel S. (2018) *Transformation is Feasible: How to Achieve the Sustainable Development Goals within Planetary Boundaries. A Report to the Club of Rome*. Stockholm: Stockholm Resilience Centre.

The Club of Rome (2019) *Securing a New Deal for People, Nature and Climate*. Winterthur: The Club of Rome.

von Weizsäcker E., Wijkman A. (2018) *Come On! Capitalism, Short-termism, Population, and the Destruction of the Planet*. New York: Springer.

Yanitsky O.N. (2018) Report to the Club of Rome. On the 50th Anniversary of Its Foundation: Pros and Cons. *Vlast*. No. 2, pp. 19–25 (in Russian).

ФИЛОСОФИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Философия — школа мышления

Введение в раздел
Section introduction

Философия. Образование. Детство

Философская составляющая в сложившейся веками системе образования детей как в России, так и за рубежом традиционно оказывается весьма незначительной. В ряде стран философию как особую дисциплину начинают изучать в старшей школе, у нас она является обязательным общеобразовательным предметом в вузах. Однако речь идет не об академическом формате дисциплинарного содержания философии, а ее основном предназначении — учить мыслить, при этом в изначальном античном понимании слова, когда древние греки еще не были признаны основателями современной цивилизации, изречения которых нужно изучать и транслировать, а собирались вместе для того, чтобы подумать вслух о жизни, началах мироздания, мужестве, справедливости и т.п. Мыслить, говорить, обсуждать, спорить — таков основной стиль философских практик, в том числе с детьми. Более 20 лет назад мы начинали на страницах журнала «Философские науки» рубрику, посвященную этой теме, с тех пор накопилось много новых идей, проектов и тем, требующих освещения. С огромной радостью ученые и педагоги, изучающие и реализующие философские практики с детьми, восприняли предложение редакции возобновить эту работу.

Открывая новый раздел «Философия в современном образовании» и новую рубрику «Философия — школа мышления», мы планируем на системной основе предлагать нашим читателям материалы научного, методического и практического характера: новейшие исследования ученых из научно-исследовательских институтов, научных центров и вузов, а также опыт преподавателей философии, накопленный за последние более чем 30 лет.

Образование традиционно является одним из главных предметов философского осмысления. Современные реалии требуют глубокой философской рефлексии, позволяющей зафиксировать сущностные связи между субъектами образования, выявить его новые парадигмы, оценить стратегические перспективы.

Ситуация пандемии, которая стремительно перевела образование в онлайн формат, ярко продемонстрировала слабые и сильные стороны образовательного континуума. Оказавшись лицом к лицу с некогда представляющимися фантастическими возможностями современных средств коммуникации, мы отчетливо увидели, что они могут эффективно работать в образовательном пространстве, но вместе с тем, изменяя традиционные образовательные стратегии, деформировать его. Как найти золотую середину? Где новое в образовании на благо, а где во зло?

В современном мире, в котором цифровизация и глобализация приводят к унификации культурного и образовательного пространств, деградации механизмов социального взаимодействия, а также к стандартизации мышления, развитие умения критически и творчески мыслить становится особенно важным. Именно внедрение философии как школьного предмета способно решить задачу формирования независимо и аналитически мыслящей личности. Возникает вопрос о том, как обучать детей философии и с какого возраста начинать это делать. Ответ дает И. Кант: *«...нельзя обучать философии; в самом деле, где она, кто обладает ею и по какому признаку можно ее узнать? Можно обучать только философствованию, т.е. упражнять талант разума на некоторых имеющихся примерах в следовании общим принципам его, однако всегда сохраняя право разума исследовать самые источники этих принципов и подтвердить эти принципы или опровергнуть их»*¹.

Термин «философствование» понимают по-разному, но многие согласятся с тем, что это – процессуальная характеристика философии. Именно философия веками учила нас мыслить критически, самостоятельно, независимо. Она обладает огромным количеством стратегий создания и обоснования концептов. Каждый философ только потому и философ, что сумел сделать мышление своим главным инструментом в построении картины мира. Способом получения тезиса, построения теории, формулировки позиции выступает всегда философствование.

Философия, создавшая традицию рациональности в процессе освоения человеком реальности, вобрала в себя универсальные смыслы, и универсальные методы мышления. Различные философские направления, школы, течения создают и используют различные типы мыслительных практик, трансформирующихся и в научное познание, и в содержание искусства, и в обыденное сознание. *Как мыслят философы? Чему у них можно научиться?*

¹ Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1964. С. 683–684.

Может ли любой человек быть философом? Чем нам в жизни может помочь философия? Зачем она нужна? Почему ее с таким упорством изучают в разных учебных заведениях не одну тысячу лет?

Обучение философствованию может быть эффективным средством гуманизации и гуманитаризации образования, способным противостоять унификации сознания, нивелировке традиционных ценностей и прочих дегуманизирующих процессов, навязываемых нам реальностью. Образно можно утверждать, что философия — это «рыцарь на белом коне», который способен защитить нас от сильной, но бездушной машины, помочь сохранить в себе человеческое, действуя в сфере рационального, в отличие от искусства, решающего аналогичную проблему. Противостояние между интеллектом искусственным и естественным уже четко проявляется в образовании, что должно стать одной из ключевых тем нашей рубрики.

Очевидно, что «жертвами» современных негативных тенденций развития общества и образования в первую очередь становятся дети, а значит, развитие критического мышления именно у детей представляется сегодня чрезвычайно важной задачей образования. На помощь вновь приходит философия. В связи с этим знакомство научного и педагогического сообщества с опытом, накопленным в мире, известным под названиями «Философия с детьми», «Философия для детей», «Философия — детям», видится нам очень актуальным. У читателей появится возможность познакомиться не только с теоретическими разработками ученых, но и с методиками, а также их практическим применением.

Как показывают исследования, обучение детей критическому мышлению положительно сказывается на развитии других когнитивных и академических навыков. Методология занятий философией с детьми характеризуется разнообразием педагогических подходов. Но в основе лежит концепция исследовательского сообщества, или, если перевести иначе, сообщества исследований (community of inquiry – CoI), предложенная философом Дж. Дьюи. Как писал М. Липман, если для Ч.С. Пирса, который ввел этот термин, CoI – сообщество ученых, то Дж. Дьюи предлагает более широкое определение CoI как множества людей, объединенных стремлением к познанию, тем самым адаптируя концепцию к задачам педагогического процесса. Образовательную среду можно рассматривать как сообщество, в котором происходят процессы постановки вопросов, рассуждения, установления связей, обдумывания, критического анализа и разработки методов решения проблем. Согласно т.н. рефлексивной парадигме педагогики, образование – это не просто передача знаний от

учителя к ученику, а процесс участия учащихся в руководимом учителем сообществе, в котором учителя стимулируют учеников к мышлению, показывая знания как неоднозначные и загадочные, дисциплины знаний пересекаются и являются проблематичными, учителя признают за собой возможность ошибаться, а студенты должны быть рефлексирующими и находящимися в поиске истины.

Сегодня сформировано обширное научное и педагогическое сообщество, занимающееся философскими практиками с детьми, организующее множество мероприятий по всему миру. Программы и центры движения действуют в более чем 70 странах. С 1985 года существует организация «Международный совет по философским исследованиям с детьми» (International Council for Philosophical Inquiry with Children – ICPIC), которая раз в два года проводит конференцию. Цель конференции – развитие новых образовательных стратегий и практик в данной предметной области, обсуждение новаторских подходов, достижений и вызовов в области обучения детей философии, обмен знаниями и опытом между культурами и образовательными системами. Это обеспечивает уникальную платформу для международного сотрудничества и диалога. Российские специалисты принимают активное участие в конференции ICPIC с 2005 года.

С начала 1990-х годов началось знакомство российского философского и педагогического сообщества с американской программой «Философия для детей» М. Липмана. Н.С. Юлина, подробно описала ее в книге «Философия для детей», изданной ИФ РАН в 1996 году. Важно заметить, что эта программа в России не была реализована (мы обязательно подробнее проанализируем этот факт), поскольку отечественные разработки в этой области начались *параллельно и независимо* от нее. В 1992 году возник философский семейный клуб «Школа Сократа» под руководством Л.Т. Ретюнских в Центральном Доме работников искусств, представлена ее авторская программа «Философские игры для детей и взрослых». Вскоре, в 1994 году, издана книга Л.Т. Ретюнских, В.А. Бобахо под названием «Веселая мудрость», описывающая методику философских игр. В эти же годы Н.С. Юлина проводила семинары в ИФ РАН, привлекая внимание философов и педагогов к этой тематике среди, способствуя подготовке специалистов для работы в средних школах. В Екатеринбурге в начале 1990-х, было защищено пять диссертаций о философии для детей по специальности «педагогика». Замечу, что многие, в том числе и я, узнали о программе Липмана только из публикаций Н.С. Юлиной; если обратить внимание на годы публикаций, то станет очевидным, что наши разработки начались раньше, чем у нас

появилась возможность познакомиться с работой американских коллег.

С началом 2000-х годов исследования в этой области активизированы: состоялась защита первых диссертаций по философским наукам, появились учебники, посвященные философии для школьников. В 2001 году петербургские авторы разработали учебно-методический комплекс «Начала философии» для средней школы, который вызвал значительный интерес у педагогов. В 2008 году выпущено учебное пособие Л.Т. Ретюнских «В поисках мудрости» для начальной школы, которое выдержало три издания и стало популярным среди учителей и родителей. Несмотря на ряд трудностей, связанных с внедрением философии в школьную программу, несколько школ провели эксперименты с применением программ Л.Т. Ретюнских.

Многочисленные попытки убедить управленцев в сфере образования начать масштабный эксперимент, с целью разработки школьного курса философии, не увенчались успехом. Однако философия нашла свое место в системе дополнительного образования для детей. Программы Л.Т. Ретюнских успешно прошли апробацию, в том числе в Московском городском дворце детского и юношеского творчества на Воробьевых горах. Созданы и другие кружки и клубы, в частности, в Москве работает Детский философский клуб Анастасии Авдиевой в Российской государственной детской библиотеке, в Санкт-Петербурге — Детский философский клуб Майи Дмитриевой. В 2004 году зарегистрирована общественная организация, объединившая ученых и педагогов, проведены международные конференции, в том числе на философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Особенностью российских конференций стали факультативные олимпиады по философии для участников от 8 до 18 лет.

Не оставляем надежду на расширение образовательных ниш философии в школе. Введение философии как отдельного предмета может способствовать воспитанию всесторонне развитых, гармоничных личностей, обладающих навыками критического мышления, что важно для противодействия негативным тенденциям в социальном пространстве. На начальном этапе речь идет об элективных курсах для заинтересованных учеников, а дальнейшее расширение программы будет зависеть от накопленного опыта и оценки результатов применительно к возможностям каждой конкретной школы. Такой подход открывает перед философским сообществом новые перспективы, связанные с запросом на разработку учебных пособий, специализированной литературы и мультимедийных ресурсов. В качестве примера приведем логику-информационную модель образования Б.И. Федорова,

опубликованную в журнале «Философские науки» в 2009 и 2010 годах. Интеграция философии в среднее образование крайне необходима как для школы, так и для профессионального философского сообщества, поскольку ввиду сокращения философских дисциплин в вузах, тенденции подготовки на гуманитарных факультетах специалистов узкого профиля происходит размывание и снижение уровня философской культуры, фундирующей всю человеческую практику мышления.

Изложенные выше и многие другие проблемы современного образования найдут отражение на страницах журнала в новой рубрике. Организовывать работу по приглашению редакции будет ваш покорный слуга – доктор философских наук, профессор философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Лариса Тимофеевна Ретюнских.

В качестве первой публикации в контексте новой рубрики предлагаем читателям статью Е.М. Сергейчик о роли философского мышления в современном образовании и совместную статью Е.В. Васильевой и В.В. Ким, посвященную философскому пониманию досуга и описывающую уникальный опыт организации философских балов. Постараемся и в дальнейшем публиковать статьи научно-практического характера, которые будут интересны не только исследователям, но и практикам своими методическими разработками и описанием опыта.

Остается выразить надежду, что предлагаемые статьи вызовут интерес не только в среде профессиональных философов, но и помогут преподавателям вузов и школьным педагогам – практикам всех уровней – в их ежедневной работе.

Приглашаем к сотрудничеству авторов и ждем отзывов на публикуемые материалы.

*Л.Т. РЕТЮНСКИХ,
Научный руководитель проекта
«Философия в современном образовании»
Академии гуманитарных исследований*

Развитие философского мышления – императив современного образования

Е.М. Сергейчик

Академия гуманитарных исследований, Москва, Россия

Аннотация

Целью статьи является обоснование необходимости развития философского мышления, которое способствует пониманию перспектив развития информационного общества и места человека в нем. Анализ специфики информационно-коммуникативного образовательного пространства и принципов постклассического знания свидетельствует о необходимости развития таких человеческих способностей и личностных качеств, которые будут содействовать успешной самоидентификации личности в информационном обществе. Антропологический характер философии ориентирует на понимание того, что рациональное абстрактно-всеобщее теоретическое мышление в своей основе ценностно, несвободно от интересов людей, которые определяют направления научных исследований и в случае необходимости ограничивают свободу выбора. Философское понимание коммуникации как источника генерации нового знания, направленного на решение практических проблем и являющегося результатом солидарности людей, способствует развитию такого фундаментального свойства личности, как креативность. Благоприятным фактором успешного развития диалогического мышления служит трансформация доминировавшей прежде письменной культуры в устную, в которой все большую роль играет естественный разговорный язык. Высокий уровень персонализации личности, индивидуализация мышления как условия успешной самоидентификации личности требуют развития стереоскопического, плюралистического мышления, свойственного философствованию: философия всегда имеет авторский характер и предлагает разные варианты ответа на один и тот же вопрос, что стимулирует развитие мышления контекстуального, способного раскрыть смысл события в зависимости от ситуации. Глобализация, которая сопровождается возрастанием разнообразия мира, содействует развитию глобального мышления – способности решать локальные проблемы с учетом глобальных закономерностей. Ответом на информационный плюрализм является визуальный поворот – способность упаковывать большие объемы информации в сложные монтажные образы, уметь интерпре-

тировать их. Для этого становится необходимым развитие визуального мышления, которое с точки зрения современной философии направлено на освоение социального опыта как основу самоидентификации. Приведенные аргументы обосновывают убеждение в том, что развитие философского мышления в процессе образования не вспомогательный фактор, а императив современного информационного общества.

Ключевые слова: философия образования, информационное общество, креативность, диалогическое мышление, самоидентификация, плюралистическое мышление, визуальное и аудиовизуальное мышление.

Сергейчик Елена Михайловна – доктор философских наук, профессор, координатор проекта «Философия в современном образовании» Академии гуманитарных исследований.

elena.sergeichik@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0001-9184-6508>

Для цитирования: *Сергейчик Е.М.* Развитие философского мышления – императив современного образования // Философские науки. 2023. Т. 66. № 4. С. 82–101. DOI: 10.30727/0235-1188-2023-66-4-82-101

The Development of Philosophical Thinking: An Imperative of Modern Education

E.M. Sergeychik

Academy for Research into the Humanities, Moscow, Russia

Abstract

The core objective of this article is to advocate for the cultivation of philosophical thinking, a pivotal element that fosters a profound understanding of the evolutionary trajectory of the information society and the human role within this paradigm. An examination of the unique attributes of the information-communicative educational space, coupled with the tenets of post-classical knowledge, underscores the imperative for nurturing human capabilities and personality traits essential for efficacious self-identification within the information society. The anthropological nature of philosophy focuses on understanding that rational, abstract-universal, theoretical thinking is fundamentally value-laden, not free from human interests. These interests determine the directions of scientific research and, if necessary, limit freedom of choice. The philosophical perception of communication, seen as a wellspring of new knowledge generation aimed at pragmatic problem-solving and emerging from human solidarity, promotes the cultivation of creativity, an intrinsic quality of the persona. A favorable factor for the successful development of dialogical thinking is the transformation of the pre-

viously dominant written culture into an oral one, where natural spoken language plays an increasingly important role. The exigency for a high degree of personal individualization and thought individualization, prerequisites for successful self-identification, calls for the fostering of stereoscopic and pluralistic thinking. Such thinking, inherent to the philosophical discourse, inherently possesses an authorial essence and proffers diverse interpretative responses to identical queries, thereby catalyzing the development of contextual thinking adept at unraveling the meaning of events in situational contexts. Globalization, accompanied by an increase in the world's diversity, contributes to the development of global thinking – the ability to solve local problems considering global patterns. As a counterbalance to informational pluralism, the visual turn emerges, epitomized by the capacity to encapsulate voluminous data into intricate montaged images and to adeptly interpret such constructs. This paradigm shift necessitates the enhancement of visual thinking, which, as contemporary philosophy posits, is oriented toward assimilating social experience, laying the groundwork for self-identification. The presented arguments substantiate the conviction that the development of philosophical thinking in the educational process is not an auxiliary factor, but an imperative of the modern information society.

Keywords: philosophy of education, information society, creativity, dialogic thinking, self-identification, pluralistic thinking, visual and audiovisual thinking.

Elena M. Sergeychik – D.Sc. in Philosophy, Professor, Coordinator of the Project “Philosophy in Modern Education”, Academy for Research into the Humanities.

elena.sergeichik@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0001-9184-6508>

For citation: Sergeychik E.M. (2023) The Development of Philosophical Thinking: An Imperative of Modern Education *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filozofskie nauki*. Vol. 66, no. 4, pp. 82–101. DOI: 10.30727/0235-1188-2023-66-4-82-101

Я бы обменял все свои технологии на встречу с Сократом.
Стив Джобс

Введение

Становление информационного общества, глобализация мирового пространства, усиление влияния медиапространства, появление новых медиа, стремительное развитие информационных, высоких технологий, цифровизация образования существенным образом изменяют представления не только о мире, путях и

перспективах его развития, целях и задачах образования, но и о природе человека, его способностях и личностных качествах. В условиях неопределенности и неоднозначности будущего возрастает значение философии, которая может предложить вероятные варианты развития и способы решения возникающих жизненно важных проблем. Цель настоящего исследования – на основе анализа особенностей информационно-коммуникативного образовательного пространства показать необходимость развития философского мышления, которое способствует развитию человеческих способностей и личностных качеств, востребованных информационным обществом. Особое внимание уделено развитию креативного, диалогического, глобального, плюралистического, аудиовизуального мышления.

Классическая и постклассическая модели знания

Становление и развитие информационного общества существенно перестраивают всю систему современного образования, которое изменяет основные ориентиры и требует разработки адекватных способов их реализации. Главная проблема заключается в освоении сложноорганизованного и слабоструктурированного, мобильного, динамичного информационно-коммуникативного пространства образования, представляющего собой совокупность множества разнонаправленных нелинейных информационных потоков, разнообразие, интенсивность, плотность, объем, скорость распространения и обновления которых постоянно увеличиваются. Результатом преобразования информации в знание, которое подлежит усвоению в процессе образования, является новый тип знания, отличающийся от знания в традиционной классической модели. Классическое знание – это знание научное, объективное, т.е. исключающее влияние субъективности, логически обоснованное, претендующее на создание целостной, законченной, систематизированной картины мира, направленное на выявление универсальных принципов, законов бытия и прогнозирование события на основе знания этих законов. Целью обучения в индустриальном обществе было интеллектуальное развитие в процессе усвоения накапливаемых и передаваемых от поколения к поколению знаний основ наук и подготовка специалиста, владеющего профессиональными знаниями и навыками практической деятельности. Э. Тоффлер писал: «Построенное по фабричной модели массовое образование включало в себя основы чтения, письма и арифметики, немножко истории и других предметов. Это был

“явный учебный план”. Однако под ним находился невидимый, или “скрытый учебный план”, который был куда более основательным. Он состоял (и все еще состоит в большинстве индустриальных стран) из трех курсов, цель которых – научить пунктуальности, послушанию и выполнению механической, однообразной работы» [Тоффлер 2009, 66].

В информационном обществе фундаментальными факторами общественного прогресса, показателями уровня развития стран являются наука и образование, которые создают благоприятные условия для самоидентификации личности. Основная цель образования предстает как «процесс свободного определения каждым учащимся своего собственного смысла в жизни и обучении, то есть того места, которое знание должно занять в его жизни» [Белл 1999, 654]. Поскольку фронтами и суперфронтами научных исследований становятся области, связанные со здоровьем, благополучием человека, прогресс в сфере высоких технологий, прежде всего биотехнологий, робототехники, искусственного интеллекта, нанотехнологий, цифровых технологий, оперирующих массивами больших данных, характеризуется возрастающей сложностью, которая требует высокого уровня развития научного рационального абстрактного мышления.

Постклассическая модель знания, формирующаяся в информационном обществе, оказывается намного сложнее классической. Современное постклассическое знание, которое, помимо знания научного, включает в себя знание вненаучное, в частности мифологическое, религиозное, философское, художественное, повседневное, принципиально аксиологично, т.е. всегда имеет определенное значение для людей; оно субъектно, поскольку несет на себе отпечаток личности, его осваивающей и использующей. В силу того, что периодически происходит смена оснований наук и их фундаментальных принципов, постклассическое знание постоянно обновляется, оно нелинейно и имеет вероятностный характер. Постклассическое знание относительно, конвенционально, коммуникативно: его истинность является результатом временного согласия людей, которое достигается в процессе общения, направленного на решение жизненно важных проблем. Постклассическое знание полисеманлично, строгость языка утрачивается вследствие того, что границы между науками размываются, нарастает объем комплексного, транс- и междисциплинарного знания. Еще одна существенная особенность постклассического знания, на которую

следует обратить особое внимание, – его визуализация, представление знания в виде сложных полисемантических визуальных и аудиовизуальных образов, выступающих эффективным способом упаковки больших объемов информации. Постклассическое знание, оставаясь по форме кодифицированной информацией, по сути своей является социальной программой решения жизненно важных проблем [Лебедев 2020]. В результате картина мира предстает сложной, динамичной, гетерогенной, плюралистичной, границы между различными областями знания становятся проницаемыми, допускающими вторжение идей не только из смежных областей, но и из других дисциплин. Особенно острые методологические проблемы порождает характерное для современности сближение естествознания и гуманитарных наук [Баксанский 2021].

Освоение постклассического знания в процессе образования требует развития таких способностей и личностных качеств, которые позволяют говорить не только о новом типе личности, но и о человеке, чьи органы чувств, репрезентирующие действительность, претерпевают определенные изменения. Речь идет о концепции «тела без органов», которая обосновывает не необходимость физиологической и биологической трансформации органов чувств, выращивания новых органов и т.п., а изменение функционирования имеющихся. Ж. Делез полагал: «Основной признак тела без органов – не отсутствие всяких органов, и не только наличие какого-то неопределенного органа, но в конечном счете временное и преходящее присутствие органов определенных» [Делез 2011, 61]. Именно на это обстоятельство следует обратить особое внимание, поскольку изменения, происходящие в области органов чувств, недостаточно привлекают внимание в сфере образования [Сергейчик 2020].

Все возрастающие объемы информации стимулируют развитие абстрактного мышления, способного критически анализировать, классифицировать, интегрировать полученные данные с учетом перспектив развития науки и общества. Для успешного осуществления этой деятельности нужна личность, способная к самоопределению, обладающая высоким уровнем самостоятельности и ответственности за выбор направления деятельности. Продуктивность, перспективность выбора определена стратегическим, прогностическим, креативным мышлением, позволяющим выходить за пределы существующих логических детерминаций, предвидеть вероятный ход событий, предлагать принципиально

новые идеи. Новое появляется в результате столкновения разнообразных идей в процессе коммуникации, направленной на решение актуальных проблем. Коммуникация – источник инноваций, основной элемент информационного общества, она придает обществу неустойчивость, мобильность, выступает фактором обновления [Луман 2009]. Поэтому условием развития креативности является коммуникативное, диалогическое, нелинейное, или сетевое, плюралистическое мышление, способное находить новые решения в процессе обсуждения, сравнения, сопоставления различных мнений. Развитию креативности способствует и развитие визуального мышления, которое позволяет работать с большими объемами информации, и вместе с тем, будучи эмоционально-образным, генерировать новые образы реальности, наделенные новыми смыслами. Таким образом, беглый анализ трансформаций в сфере современного образования свидетельствует о том, что в целом образование приобретает проектный, нацеленный на конструирование будущего характер. При этом приоритетное значение имеет развитие креативности как способности генерировать новое знание и на его основе преобразовать мир.

Научное мышление и антропологический характер философии

В развитии мышления как универсальной человеческой способности освоения и осмысления действительности особое место принадлежит философии, которая в том или ином виде всегда присутствовала в образовательном процессе. Анализ особенностей современной постклассической философии позволяет утверждать, что развитие философского мышления в процессе образования как никогда отвечает требованиям времени, содействует развитию человеческих способностей и личностных качеств, востребованных информационным обществом. Философия ввиду своего принципиально рационального, теоретического характера не раз не только сближалась с наукой, но отождествлялась с ней. Так, для древних греков понятие философии совпадало с понятием науки, поскольку речь шла о наличии у человека развитого абстрактно-всеобщего мышления, способного отвлекаться от конкретно-образного видения предметов и мыслить в отвлеченной, символической, обобщенной, понятийно-категориальной форме, опираясь на законы логики, а также в конкретно наблю-

даемой последовательности событий находить общие закономерности, охватывающие широкий круг явлений. Преимущество философии, как считал Аристотель, состоит в ее «бесполезности», позволявшей отрешиться от практических проблем, предаться удовольствию интеллектуального созерцания и отвлеченным размышлениям. У Гегеля, Фихте и других мыслителей, для которых идеалом рациональности была наука, а ее образцом выступало естествознание, философия представляла «наукой наук» не только в силу того, что создавала теории высокого уровня абстракции, претендовала на роль универсальной методологии частных наук, но и обладала качеством объективности и беспристрастности, т.е. независимости от желаний и претензий познающего субъекта. В стремлении избежать влияния субъективности философия помогала науке автономизироваться, обрести самостоятельность и тем самым избавиться от влияния религии и любых идеологий. В этом не было ничего унижительного для человека, поскольку его рассматривали в качестве части целого (космоса, природы, общества), и он подчинялся законам их развития, изучением собственно чего и занимались наука и философия. Однако именно причастность философии к сфере абстрактного всеобщего мышления привела позитивистов к отказу от философии как таковой, замене ее эмпирической наукой, что в очередной раз говорило о нерасторжимой связи философии и науки, философского и научного стилей мышления.

Современная философия, сохраняя рациональный, теоретический характер, сближающий ее с наукой, отличается от любой науки тем, что не ограничивается изучением отдельного фрагмента реальности, обладает предельной широтой охвата явлений и процессов, рассматривает место и назначение наук в мире, их взаимодействие и перспективы развития. В условиях дисциплинарно организованной науки, глубокой дифференциации научного знания именно философия позволяет увидеть мир как относительно устойчивое связанное целое, доступное рациональному осмыслению. Но главное заключается в том, что современная философия имеет принципиально антропологический характер. Ее фундаментальным принципом служит принцип субъективности: убеждение в том, что мир существует не «сам по себе», а «для нас», т.е. обретает смысл в процессе творческой деятельности человека, конструируется человеком сообразно его представлениям о жизни, о своем месте в мире.

Наука несвободна от философии по определению: в основании любой науки находятся философские идеи и принципы, которые обосновывают идеалы и нормы науки, научную картину мира, стратегии и методы научного исследования и обеспечивают включение науки в систему культуры. Антропологизм в науке означает признание того, что мир — конструкция человеческого сознания, выражающая представления людей об устройстве и значении этого мира. Творчество как присущая человеку способность создавать новое предстает в современной науке в качестве проблемы границ свободы человека, поскольку в условиях выбора среди различных перспектив невозможно точно предсказать последствия деятельности. В этой связи в современной науке постоянно обсуждают проблему ответственности ученого за выбор направления научного исследования. Примером служат острые дискуссии относительно направлений исследования развития искусственного интеллекта, постоянно сопровождающиеся предложениями приостановить эти исследования по причине непредсказуемости последствий их практического применения. Еще одним примером является успех в развитии биотехнологий, который, с одной стороны, дает надежды на лечение и предотвращение тяжелых заболеваний, продление здоровой жизни и долголетие, с другой — бесконечное и бесконтрольное «протезирование» человека ставит под вопрос сохранение им своей биологической идентичности. Развитие философского мышления помогает ученому развивать способность мыслить антропологически, т.е. соотносить научные исследования с интересами людей, их желаниями и стремлениями в безопасной и комфортной жизни, останавливать их и двигаться в другом направлении, если возникает неуверенность в позитивных результатах [Лекторский и др. 2022].

Креативность и развитие диалогического мышления

Исходя из того, что источником нового знания выступает коммуникация, постклассическая философия рассматривает человеческое мышление как коммуникативное, диалогическое по природе. В процессе диалогического общения происходят взаимное уяснение позиций, обмен мнениями, идеями, их корректировка, выработка новой позиции как результат временного согласия относительно решения общей проблемы. С этой точки зрения, философское диалогическое мышление — это мышление нравственное, поскольку в акте коммуникации признается право

каждого иметь свою позицию, а достигнутое общее мнение оценивается не только как целесообразное, логически обоснованное, прагматическое, но и как акт доверия, дружеского взаимного признания и взаимоуважения. Как замечает Ф. Фукуяма, успешная совместная жизнь людей зиждется на доверии – ожидании того, что окружающие будут вести себя предсказуемо, честно и проявлять внимание к другим в согласии с общими нормами и ценностями [Фукуяма 2008, 54].

Признание диалога как свойства философского дискурса берет свое начало еще в классической философии. Общепринятым достижением античной философии считается разработка Сократом диалогического метода обучения, на многие века признанного одним из успешных педагогических методов. Диалог как универсальная форма философствования утвердился в античной культуре благодаря тому, что полисная демократия позволяла существовать и конкурировать различным философским, политическим идеям и школам. Философский плюрализм имел место и в Римской империи, в которой в последние века ее существования процветал религиозный плюрализм: христианство вполне успешно конкурировало с традиционной римской мифологией и восточными верованиями.

Диалогизм античной философии был обусловлен тем, что она развивалась преимущественно в русле устной, разговорной культуры. В отличие от письменного текста, устная речь личностна, эмоциональна, обладает возможностью передавать не только знания, но и переживания, предполагает обратную связь, предоставляет возможность убедить и переубедить, не слишком сложна для восприятия, приглашает к совместным размышлениям, связывает людей непосредственно, демонстрируя их причастность к социальному сообществу. Сократ требовал: «Заговори, чтоб я тебя увидел». Не только Сократ принципиально не записывал свои «лекции». Платон, хотя и прибегал к письму, сохранял диалогическую, разговорную форму изложения, а книгу называл немым учителем. Книги, как писал Платон, подобны живописным произведениям, «стоят как живые, а спроси их – они величественно молчат... Думаешь, будто они говорят, как мыслящие существа, а если кто спросит о чем-нибудь из того, что они говорят, желая это усвоить, они всегда твердят одно и то же. Всякое сочинение, однажды записанное, находится в обращении везде – и у людей понимающих, и, равным образом, у тех, кому вовсе не пристало

читать его, — и не знает, с кем оно должно говорить, а с кем нет» [Платон 1993, 187]. Впоследствии, особенно в эпоху книжной культуры со свойственным ей монологическим типом мышления, философия демонстрировала активную борьбу разных идей, школ и направлений, свидетельствуя тем самым в пользу того, что в жизни всегда существует почва для критики, неприятия и отрицания, поскольку всегда присутствуют разные позиции, мнения и точки зрения.

Постиндустриальная культура создает благоприятные условия для развития диалогического мышления тем, поскольку мы вступаем, по мнению М. Маклюэна, во «вторую эпоху устности». М. Маклюэн писал: «Сегодня “одновременное поле” электрических информационных структур скорее воспроизводит или возрождает условия и потребность в диалоге и соучастии, нежели стремление к специализации или частной инициативе на всех уровнях социального опыта» [Маклюэн 2005, 251–252]. Возрастание роли и значения устной разговорной речи связано с тем, что основные каналы синхронной коммуникации перемещаются в интернет, при этом базовой функцией является интерактивность. Разговорная речь, усиливая экспрессивность общения, трансформирует привычное безличное письмо, которое включает в себя приемы разговорной речи, упрощается, огрубляется, предложения сокращаются. Иными словами, орализация языка интернет-общения приводит к коллоквиализации письменного языка, т.е. включению в него элементов и приемов разговорной речи. Использование в тексте письменной коммуникации экспрессивных визуальных знаков и символов делают текст личностным, открытым для интерактивного общения [Язык и речь в Интернете... 2020].

Несмотря на предпринятые не раз попытки создания универсального философского языка, оперирующего общепринятыми понятиями и категориями, призрак «идола рынка» Ф. Бэкона продолжает витать над философией. После критического разбора энциклопедистами проекта философского языка Д. Уилкинса стало очевидным, что как невозможно систематизировать человеческие знания, так невозможно и создать единый философский язык [Эко 2007]. Поэтому в разные эпохи философия говорила на разных языках. Если представители немецкой классической философии приближали философский язык к научному, разрабатывая сложный понятийно-категориальный аппарат, то представители

философии жизни обращались к читателю, используя также язык прозы и поэзии, чем нисколько не умаляли философичность своих рассуждений. Русские философы с учетом особенностей развития русской культуры, за редким исключением (например, в лице Вл. Соловьева), в основном говорили на языке литературном. Сохраняющаяся сегодня неопределенность, нестрогость, неточность философского языка, варьирующего тезаурус от точных понятий и определений до метафорических и символических высказываний, стимулирует общение, дискуссию и оставляет возможность нахождения новых слов, выражающих новые аспекты реальности. Таким образом, в современном обществе развитие разговорной культуры, эволюция философского языка в сторону естественного открывают широкие возможности обращения философии к широкой аудитории, независимо от возраста, вовлечения ее в дискуссию по экзистенциальным проблемам, способствуя тем самым развитию диалогического творческого мышления.

Самоидентификация и развитие плюралистического мышления

Диалог является успешным и результативным, если его участники признают права каждого на собственную позицию, собственное мировидение, стремятся к сохранению собственного взгляда на мир. Утверждая уникальность личности как принцип антропологической философии, Х. Ортега-и-Гассет писал: «Никто не может видеть мир вместо меня: даже если кто-то встанет на то место, где был я, теперь уже будет смотреть он и будет видеть по-своему» [Ортега-и-Гассет 1991, 289]. Уникальность личности не означает неизменность ее взглядов и убеждений. Быть самим собой — это не значит быть одним и тем же. Являясь результатом коммуникации, идентичность человека изменяется под влиянием разнообразных коммуникативных практик, выражающих изменения в самой жизни и открывающих перед человеком новые возможности. В условиях сложной и многомерной реальности, заряженной разными противоречивыми смыслами, самоопределение, самоутверждение человека в качестве автономной самостоятельной личности, обретение в процессе образования инструментов поддержания этой самости в высшей степени необходимо. Сохраняя себя в процессе общения с другими, человек поддерживает разнообразие мира, необходимое для его постоянного обновления.

Особенность философии, по сравнению с наукой, заключается в том, она не навязывает общие мировоззренческие предпосылки, но предлагает каждому свободно выбрать основания для построения собственной философской системы. Философия всегда персоналистична, т.е. имеет авторский характер. Нет философии вообще, есть философия Платона, Гегеля, Вл. Соловьева, Гадамера. Их взгляды могут привлекать людей, но каждый волен их корректировать сообразно собственным жизненному опыту и мировоззрению. История философии показывает, что борьба философских школ и мыслителей за истину, «правильную» философию для всех и на все времена никогда не приводила к победе одной из них. Даже в рамках той или иной исторической эпохи существовало множество разнообразных философских идей и теорий, которые по-разному понимали и оценивали одни и те же события, процессы и явления. Если в классической философии борьба между философами происходила за истину, за то, чтобы доказать, что именно их система приближает к истинному пониманию вещей, то в постклассической философии множество идей, концепций выражают разные ракурсы, разные аспекты действительности, что позволяет увидеть мир как многомерное сложное целое. В этом контексте мировоззренческий характер философии, не предлагающий общепринятых схем, но располагающий лишь предельно общими предпосылками — действенный фактор развития философского мышления, способствующего самоидентификации личности. «Философская помощь» самостоятельности и самостоятельности личности означает признание мира, в котором разнообразие личностных миров поддерживается плюрализмом социокультурных миров как фундаментальной характеристикой современности.

Плюрализм — это утверждение разнообразия во всех сферах жизни общества, разнообразия мировоззренческих позиций как противовес господству одного над многими, как основа утверждения принципа толерантности по отношению к Другому. Из этого следует, что креативное, диалогическое философское мышление — это и мышление плюралистическое, стереоскопическое, позволяющее видеть мир как сложное многомерное целое, наполненное разнообразными идеями, представляющими различные интересы людей, помогающее оценивать ситуацию с различных точек зрения, с различных ракурсов с целью принятия новых решений. Поэтому одним из важных показателей качества современного

образования выступает функциональная грамотность учащихся – способность применять знания в конкретных ситуациях («ситуационность знания»). Международные исследования качества образования, включая PISA, показывают, что российские школьники обладают значительным объемом знаний, однако они не умеют в достаточной мере грамотно пользоваться ими. От уровня функциональной грамотности зависит способность действовать самостоятельно, уметь принимать ответственные решения, адекватно решать проблемы в профессиональной, социальной и культурной среде. Философское понимание современного плюралистичного, мозаичного мира, наполненного разнообразными текучими смыслами, предлагает интерпретировать их, исходя из контекста как совокупности конкретных обстоятельств, конкретных времени и места, в которых осуществляется коммуникация. Тем более что одно и то же утверждение может иметь противоположные смыслы, быть правдой или ложью в зависимости от контекста. В условиях изобилия информации и появления такого феномена, как «пост-правда», облегчающего процесс манипуляции общественным сознанием, для принятия обоснованных решений необходимы навыки контекстуального анализа, умение критически сопоставить, сравнить, проверить и выбрать факты. Контекст – ключевое слово современной философии, позволяющее не затеряться в множестве слов и найти общие в данный момент и данной ситуации смыслы, способствующие налаживанию взаимопонимания. Соответственно, плюралистическое мышление есть мышление контекстуальное.

Таким образом, освоение философского стиля мышления способствует развитию креативности, которая предполагает высокий уровень личностной самоидентификации, индивидуализации, персонализации и развитую способность к сотрудничеству, коммуникации. Чем разнообразнее и интенсивнее коммуникативные практики, тем глубже процесс индивидуализации личности, обретения ею своей идентичности. В этом случае не общество обуславливает жизнь человека, а именно человек. В частности, Р. Флорида утверждает: «В новом мире нас определяют уже не организации, на которые мы работаем, не церкви, не местные сообщества и даже не семейные узы. Мы делаем это сами, моделируя свою идентичность в соответствии с различными сторонами собственной креативности. Другие аспекты нашей жизни – объекты потребления, новые формы досуга и отдыха, меры по организации

сообществ и т.д. – выстраиваются уже вокруг этого процесса произведения идентичности» [Флорида 2007, 21–22].

Глобализация и развитие визуального мышления

Современное философское мышление – это, с одной стороны, мышление индивидуальное, самостоятельное, которое выступает центром осмысления, упорядочивания мирового культурного пространства, формирует собственную точку зрения на мир, собственную позицию. С другой стороны, философское мышление – глобальное, способное представить мир как целое, все части которого взаимосвязаны и взаимозависимы, осмыслить происходящие в нем масштабные изменения. Глобальное философское мышление, способное увязать предельно общее, абстрактное с предельно индивидуальным, частным, личностным, выражает состояние современного мира, в котором глобализация – это возрастание плотности, интенсивности, скорости, объема коммуникации в мировом масштабе.

Глобализация – распространение закономерностей информационного общества на мир в целом, его «сетевизация, что приводит к экономической, политической и культурной интеграции мирового пространства, к становлению глобального сообщества. Вместе с тем глобализация – это «революция множественности и мобильности» (М. Наим), эпоха «суперразнообразия» (Э. Гидденс): возрастающая интенсивность и плотность коммуникации способствует усложнению мира, стимулирует развитие культурного плюрализма, влечет за собой культурную дифференциацию, которая может провоцировать социальные и культурные конфликты. В этом смысле слоган «Думай глобально, действуй локально» означает, что для эффективного решения местных, локальных, региональных проблем необходимым становится понимание действия глобальных закономерностей.

Ответом на глобальный информационный плюрализм, который существенно усложнил процесс осмысления происходящего, был «визуальный поворот» – переход от преимущественно текстового, вербального способа передачи информации к визуальному. Если в классической модели образования использовали образы «слабые» – наглядные, которые сопровождали вербальные тексты, иллюстрировали реальность, описываемую в текстах, то сегодня речь идет о емких, полисемантических визуальных и аудиовизуальных образах, обладающих глубоким интерпретационным

потенциалом. Такие «сильные» образы возникают не в процессе традиционного рассказа, нарратива, следующего «линейной логике» событий, а путем «монтажа» [Джеймисон 2009], т.е. соединения противоречивых элементов, собирания отдельных образов, знаков в некое противоречивое целое, открытое осмыслению и переосмыслению. «Монтажные» образы актуализируют способность к обобщению, систематизации, критической рефлексии разнообразного визуального материала, собиранию его разрозненных видеоданных в относительно связанное целое. Вместе с тем заряженные эмоциональным опытом визуальные образы, воплощая принцип нелинейности и деконструкции, интерпретируют, конструируют реальность, генерируя новые смыслы как основы новой реальности. Эти сложные визуальные образы в искусстве XX века стали объектом осмысления структуралистской, постструктуралистской и герменевтической философии, которая разрабатывала способы их расшифровки, раскодировки, демонстрируя возможность множества интерпретаций и генерации нового смысла. Г.-Г. Гадамер писал: «...Язык искусства предполагает прирост смысла, происходящий в самом произведении. На этом покоится его неисчерпаемость, отличающая его от всякого пересказа содержания. Отсюда следует, что в деле понимания художественного произведения мы не вправе довольствоваться тем испытанным герменевтическим правилом, что заданная тем или иным текстом истолковательная задача кончается на *mens auctoris*. Наоборот, именно при распространении герменевтической точки зрения на язык искусства становится ясно, насколько не исчерпывается тут предмет понимания субъективными представлениями автора» [Гадамер 1991, 264]

В информационном обществе объектом анализа феноменологической герменевтики становятся «генеративные» (в терминологии И.Н. Инишева) визуальные и аудиовизуальные образы, представленные разными видами искусства: фото, видеоартом, анимацией, оперой, балетом и прежде всего кино, обладающим огромной интерпретативной силой [Джеймисон 2014]. Сила влияния этих образов состоит в том, что они презентуют реальность прямо и непосредственно нашим органам чувств, вызывая сопереживания, стимулируют стремление к коммуникации и сотрудничеству [Инишев 2020]. Выступая способом не только передачи информации, но и социального опыта, визуальные образы, схватывая реальность во всем ее разнообразии, уникальности, неповтори-

мости, являются действенным средством самоидентификации личности, ее обустройства в сложном медийном и социальном пространстве. Усложнение визуального и аудиовизуального образа достигает в монтажном искусстве такого высокого уровня сложности и насыщенности, что необходим тренированный философский взгляд, который позволит понять, осмыслить увиденное и услышанное путем соотнесения с философскими идеями, принципами и ценностями.

В визуальной и аудиовизуальной среде современного общества зрение играет первостепенную роль, и речь не идет о физиологической способности человека. В.В. Колодий пишет: «Видеть — это состояние, которое предполагает максимальное приближение к миру вещей, процессов, перемещение их в пространство взгляда. Тогда в основе взгляда — уже не просто зрение, а умозрение, зрение, которое превращается в телесно-интеллектуальную форму. Чтобы увидеть мир повседневности, мир сущего, одного лишь приближения мало. Человек должен повернуть к ним лицо, ему нужно захотеть увидеть, человеку нужно “уговорить” вещи стать персонажами своего жизненного мира и убедиться в том, что они сумеют стать таковыми» [Колодий 2011, 117]. Развитие информационно-коммуникационных технологий позволяет создавать образы реальности, которые задействуют не только зрение и слух, но осязание и обоняние. Речь идет о виртуальной реальности, компьютерных симуляторах, мультимедиа и др. Наступающая «цивилизация образа» переиначивает традиционное для книжной культуры понимание функций органов чувств: если ранее в приоритете было зрение как чтение текста и расшифровка его знаков (букв), то сегодня, в процессе освоения мира, все больше включаются зрение и слух, расширяется спектр использования осязания и обоняния. Объектом современной феноменологической герменевтики философии становится культура зрения, культура смотрения, с присущей ей разнообразными режимами зрения, способами зрительного восприятия мира, понимание которой является важным для развития личности в информационном мире. В этой связи развитие визуального и аудиовизуального мышления в процессе образования в значительной степени зависит от развития философского мышления, которое позволяет радикальным образом пересмотреть роль органов чувств, природу визуального и аудиовизуального образа, их познавательных возможностей, практического значения в жизни человека.

Заключение

Анализ основных тенденций развития информационного общества показывает, что возникает потребность в развитии таких человеческих способностей и личностных качеств, как креативность, умения мыслить критически, стратегически, прогностически, осваивать большие объемы информации и с помощью создания абстрактных понятий, и посредством емких визуальных образов, а также иных способностей, обеспечивающих процесс самоидентификации личности, ее самореализации в постоянно изменяющихся условиях. Развитие этих способностей в процессе образования, которое претерпевает существенные изменения в контексте информационной революции, актуализирует необходимость развития философского мышления, значение которого возрастает в условиях неопределенности, непредсказуемости перспектив. Сегодня философия выполняет функции, которые наука не может выполнить в полной мере, а именно: прояснить мировоззренческие и теоретико-познавательные основания происходящих изменений не только в науке и культуре, но и природе человека, на что следует обратить особое внимание. Ориентация на основные принципы современной постклассической философии будет способствовать выбору адекватных и эффективных образовательных стратегий. Такие стратегии, с одной стороны, помогут избежать излишнего риска в использовании информационных технологий, без которых освоение информационного пространства невозможно, а с другой – понять и не упустить из вида перспективные направления общественного развития.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Баксанский 2021 – *Баксанский О.Е.* Конвергенция естественнонаучного и гуманитарного знания // Ноосферные исследования. 2021. Вып. 1. С. 88–98.

Белл 1999 – *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Академия, 1999.

Гадамер 1991 – *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991.

Делез 2011 – *Делез Ж.* Фрэнсис Бэкон: Логика ощущения. – СПб.: Machina, 2011.

Джеймисон 2009 – *Джеймисон Ф.* Маркс и монтаж // Скепсис. 2009. – URL: https://sceptsis.net/library/id_2573.html

Джеймисон 2014 – *Джеймисон Ф.* Сюрреализм без бессознательного // *Джеймисон Ф.* Марксизм и интерпретация культуры / сост. А.А. Парамонов; пер. с англ. О.В. Аронсона [и др.]. – М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. С. 137–174.

Инишев 2020 – *Инишев И.Н.* Распределенная образность: имажинативные практики современной культуры // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 1. С. 31–46.

Колодий 2011 – *Колодий В.В.* Видение и особенности современного визуального опыта // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 318. № 6. С. 114–119.

Лебедев 2020 – *Лебедев С.А.* Постнеклассическая эпистемология: сущность и основные принципы // Журнал философских исследований. 2020. Т. 6. № 1. С. 13–18.

Лекторский и др. 2022 – *Лекторский В.А., Алексеева Е.А., Емельянова Н.Н., Катунин А.В., Меркулова И.Г., Пирожкова С.В., Труфанова Е.О., Щедрина И.О., Яковлева А.Ф.* Искусственный интеллект в исследованиях сознания и общественной жизни // Философия науки и техники. 2022. Т. 27. № 1. С. 5–33.

Луман 2009 – *Луман Н.* Введение в системную теорию / пер. с нем. К. Тимофеевой. – М.: Логос, 2009.

Маклюэн 2005 – *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего / пер. И.О. Тюриной. – М.: Академический проект, 2005.

Ортега-и-Гассет 1991 – *Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства // *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры. – М.: Искусство, 1991. С. 218–235.

Платон 1993 – *Платон.* Федр // *Платон.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1993. С. 135–191.

Сергейчик 2020 – *Сергейчик Е.М.* Речь, текст и образ в перспективе цифрового образования // Педагогика. 2020. № 1. С. 5–15.

Тоффлер 2009 – *Тоффлер Э.* Третья волна / пер. с англ. К.Ю. Бурмистрова [и др.]. – М.: АСТ, 2009.

Флорида 2007 – *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее / пер. с англ. А. Константинов. – М.: Классика – XXI, 2007.

Фукуяма 2008 – *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина. – М.: АСТ; Ермак, 2008.

Эко 2007 – *Эко У.* Джон Уилкинс // *Эко У.* Поиски совершенного языка в европейской культуре. – СПб.: Alexandria, 2007. С. 243–266.

Язык и речь в Интернете... 2020 – Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. А.В. Должиковой, В.В. Барабаша. – М.: РУДН, 2020.

REFERENCES

Baksansky O.E. (2021) Convergence of Natural Science and Humanitarian Knowledge. *Noosfernye issledovaniya*. No. 1, pp. 88–98 (in Russian).

Bell D. (1999) *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. Moscow: Academia (Russian translation).

Deleuze G. (2011) *Francis Bacon: The Logic of Sensation*. Saint Petersburg: Machina (Russian translation).

Dolzhenkova A.V. & Barabash V.V. (Eds.) (2020) *Language and Speech on the Internet: Personality, Society, Communication, Culture* (Vol. 2). Moscow: RUDN (in Russian).

Eco U. (2007) John Wilkins. In: Eco U. *The Search for the Perfect Language in European Culture* (pp. 243–266). Saint Petersburg: Alexandria (Russian translation).

Florida R. (2007) *The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life* (A. Konstantinov, Trans.). Moscow: Klassika – XXI (Russian translation).

Fukuyama F. (2008) *Trust: The Social Virtues and The Creation of Prosperity* (D. Pavlova, V. Kiryushchenko, & M. Kolopotin, Trans.). Moscow: AST; Yermak (Russian translation).

Gadamer H.-G. (1991) *The Relevance of the Beautiful*. Moscow: Iskusstvo (Russian translation).

Inishev I.N. (2020) Distributed Imagery: Imaginative Practices of Contemporary Culture. *ИПАЭХМА: The Problems of Visual Semiotics*. No. 1, pp. 31–46 (in Russian).

Jameson F. (2009) Marx and Montage. *Skepsis*. Retrieved from https://scepsis.net/library/id_2573.html (Russian translation).

Jameson F. (2014) Surrealism Without the Unconscious. In: Jameson F. *Marxism and Interpretation of Culture* (pp. 137–174). Moscow; Yekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy (Russian translation).

Kolodiy V.V. (2011) Vision and Features of Contemporary Visual Experience. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*. Vol. 318, no. 6, pp. 114–119 (in Russian).

Lectorsky V.A., Alekseeva E.A., Emelyanova N.N., Katunin A.V., Merkulova I.G., Pirozhkova S.V., Trufanova E.O., Shchedrina I.O., & Yakovleva A.F. (2022) Artificial Intelligence in Consciousness Research and Social Life. *Filosofiya nauki i tekhniki*. Vol. 27, no. 1, pp. 5–33 (in Russian).

Lebedev S.A. (2020) Post-Non-Classical Epistemology: The Essence and Basic Principles. *Zhurnal filosofskikh issledovaniy*. Vol. 6, no. 1, pp. 13–18 (in Russian).

Luhmann N. (2009) *Introduction to Systems Theory* (K. Timofeeva, Trans.). Moscow: Logos (Russian translation).

McLuhan M. (2005) *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man* (I.O. Tyurina, Trans.). Moscow: Akademicheskiiy proekt (Russian translation).

Ortega y Gasset J. (1991) The Dehumanization of Art. In: Ortega y Gasset J. *Aesthetics. Philosophy of Culture* (pp. 218–235). Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Plato (1993) Phaedrus. In: Plato. *Collected Works in 4 volumes* (Vol. 2, pp. 135–191). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Sergeychik E.M. (2020) Speech, Text, and Image in the Perspective of Digital Education. *Pedagogika*. No. 1, pp. 5–15 (in Russian).

Toffler A. (2009) *The Third Wave* (K.Y. Burmistrov, et al., Trans.). Moscow: AST (Russian translation).

Философия на досуге: как возможен праздник?

В.В. Ким

Московский государственный университет

имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Е.В. Васильева

МДОО «Философия – детям», Москва, Россия

Аннотация

Статья посвящена анализу условий возможности праздника в философской просветительской и образовательной деятельности. Авторы размышляют о роли досуга в жизни человека, обращаясь к представлениям Платона о досуге как об условии философской дискуссии, концепции Аристотеля об интеллектуальном досуге свободного гражданина, пониманию Й. Пипером досуга как возможности личностного и духовного развития, взглядам С. де Гразиа на взаимосвязь досуга, с одной стороны, и творчества, культуры, свободы индивида и общества, с другой. Утверждается, что досуг как интеллектуальная деятельность со времен Аристотеля не стал привычным для общества, что в современном мире определение этого понятия ограничено лишь сферой развлекательной деятельности. Возникает необходимость в поиске новых форм интеллектуального досуга, актуальных в условиях современной массовой культуры. Авторы анализируют философский бал как форму интеллектуального досуга, а именно многолетний опыт ежегодных праздничных мероприятий, организованных семейным философским клубом «Школа Сократа» при Центральном Доме работников искусств. Внешнюю атрибутивную форму философского бала авторы связывают с концепцией карнавализации культуры М.М. Бахтина: зрелищностью, театральностью, наличием масок и костюмов, вовлеченностью всех участников в единое действие и т.д. Внутреннее содержание философского бала определено соответствующими конкретной эпохе и культуре философскими концепциями, историческими персоналиями или художественными образами, способствующими восприятию и обсуждению предложенных философских идей. В качестве примера приведена сценарно-методическая разработка философского бала, посвященного русскому символизму. В результате авторы приходят к выводу о том, что философский бал как форма интеллектуального досуга позволяет решать гносеоло-

гические задачи, выполняет просветительскую и образовательную функции: он создает атмосферу подлинного философского праздника, в котором проявляется творческий потенциал участников, приобретает интересный мировоззренческий опыт всеми участниками вне зависимости от возраста.

Ключевые слова: философия досуга, философствование, интеллектуальный досуг, философский праздник, карнавал, философский бал, клуб «Школа Сократа», просвещение.

Ким Виктория Валентиновна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии естественных факультетов философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

vkv-viktory@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-5891-6754>

Васильева Евгения Владимировна – кандидат философских наук, преподаватель, методист образовательных программ межрегиональной детской общественной организации «Философия – детям».

evgenyposta@gmail.com

<http://orcid.org/0009-0008-4300-5895>

Для цитирования: Ким В.В., Васильева Е.В. Философия на досуге: как возможен праздник? // Философские науки. 2023. Т. 66. № 4. С. 102–121. DOI: 10.30727/0235-1188-2023-66-4-102-121

Philosophy at Leisure: How Is Festivity Possible?

V.V. Kim

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E.V. Vasilyeva

Interregional Children's Public Organization "Philosophy for Children", Moscow, Russia

Abstract

The article explores the conditions enabling the celebration within the context of philosophical, enlightening, and educational activities. The authors contemplate the role of leisure in human life, referencing Plato's view of leisure as a prerequisite for philosophical discussion, Aristotle's concept of intellectual leisure for the free citizen, Josef Pieper's understanding of leisure as a means for personal and spiritual development, and Sebastian de

Grazia's perspective on the interconnection between leisure and creativity, culture, individual freedom, and society. It is argued that leisure as an intellectual activity has not become customary in society since Aristotle's time and, in the modern world, the definition of this concept is confined merely to the realm of entertainment. This limitation necessitates the search for new forms of intellectual leisure that are relevant in the context of contemporary mass culture. The authors analyze the philosophical ball as a form of intellectual leisure, particularly focusing on the years of experience in organizing annual festive events by the family philosophical club "School of Socrates" at the Central House of Artists in Moscow. The external, attributive form of the philosophical ball is linked with Mikhail Bakhtin's concept of the carnivalization of culture: its spectacles, theatricality, the presence of masks and costumes, and the involvement of all participants in a unified action. The internal content of the philosophical ball is determined by philosophical concepts, historical figures, or artistic images relevant to the specific era and culture, facilitating the perception and discussion of the proposed philosophical ideas. The narrative is further enriched by a case study detailing the methodological orchestration of a philosophical ball themed around Russian Symbolism. The authors conclude that the philosophical ball, as a form of intellectual leisure, addresses epistemological tasks and serves enlightening and educational functions: it engenders an authentic milieu of philosophical festivity, nurturing the creative impetus of its participants and facilitating a profound and universally accessible experiential odyssey into the realms of worldview and cognition.

Keywords: philosophy of leisure, philosophizing, intellectual leisure, philosophical celebration, carnival, philosophical ball, "School of Socrates" club, enlightenment.

Viktoriya V. Kim – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of the Philosophy of Natural Sciences Faculties, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

vkv-viktory@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0002-5891-6754>

Evgeniya V. Vasilyeva – Ph.D. in Philosophy, Lecturer, Educational Programs Specialist, Interregional Children's Public Organization "Philosophy for Children".

evgenyposta@gmail.com

<http://orcid.org/0009-0008-4300-5895>

For citation: Kim V.V. & Vasilyeva E.V. (2023) Philosophy at Leisure: How Is Festivity Possible? *Russian Journal of Philosophical Sciences* = *Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 4, pp. 102–121.
DOI: 10.30727/0235-1188-2023-66-4-102-121

Введение

Безусловная значимость и потенциал философии (мировоззренческий, методологический, прогностический, праксеологический) для подрастающего поколения и общества в целом в полной мере отражены в исследовательской и методической литературе. Философия рассмотрена как результат деятельности мыслителей, как методологическое основание для остальных наук, что подтверждает академический характер педагогической деятельности в процессе преподавания философии. Если обратить внимание на то, что «философия существует в мировой культуре в двух стратегиях: сократовской (живой диалог) и аристотелевской (написание текстов, академическая традиция)» [Ретюнских 2023, 43], можно обнаружить, что на протяжении продолжительного времени в мире реализуется преимущественно аристотелевская традиция. С интенсивным развитием во второй половине XX столетия практической философии как самостоятельного направления стала востребованной сократовская традиция.

В 60–70-е годы XX века Э.В. Ильенков написал известные работы «Школа должна учить мыслить» и «Учитесь мыслить смолоду», в которых речь идет о значимости развития мышления у школьников. Он считал, что философию можно рассматривать как духовную потребность, потребность для ума, и это помогает личности выжить в стремительном потоке информации. Э.В. Ильенков утверждал: «Ум... надо воспитывать так, чтобы противоречие служило... толчком... к самостоятельному рассмотрению вещи» [Ильенков 2009, 15]; «Культура спора, культура дискуссии, имеющая своей целью выяснение объективной, каждый раз конкретной истины... – это очень трудно усваиваемая культура» [Ильенков 2009, 55]. Он призывал к возвращению начал философии, логики, этики в школы, которые систематизируют ум, создав возможность не только для развития самостоятельного независимого мышления, но и для открытого к критике разума. Диалектика мышления как специфическая логика человеческого мышления воспитываться должна с детства.

В 70-е годы XX века появляется новое направление в философии – «Философия для детей». Автором программы стал М. Липман. Он пришел к необходимости философского образования школьников, направленного на формирование мышления у детей, включающего в себя множество характеристик: от овладения логическими процедурами до навыков саморазвития

личности [Липман 1996]. В настоящее время программа «Философия для детей» широко распространена в мире, работают Международная и национальные организации «Философия для детей», объединяющие мыслителей и преподавателей с целью философского просвещения. В 90-е XX века в России возникла авторская программа философских игр для детей и взрослых: в Москве, Центральном Доме работников искусств (ЦДРИ), создан семейный философский клуб «Школа Сократа» (1992) под руководством Л.Т. Ретюнских. За годы существования клуба в нем реализованы разные формы философских практик с детьми. [Ретюнских 2003]. В итоге появились межрегиональная детская общественная организация (МДОО) «Философия – детям», кружок «В поисках мудрости» на философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, детские и семейные философские программы «ТеМы: территория мысли», реализуемые в формате философского уик-энда или выездных тематических смен.

В 2007 году в «Школе Сократа» впервые состоялся философский новогодний бал. Сочетание слов в названии мероприятия говорит о том, что это – праздничное событие. Может ли философия принимать форму праздника? Допустима ли постановка вопроса о том, что философия может стать праздником в понимании *праздного времяпрепровождения*? Актуальность исследования связана с анализом новой формы философской пропедевтики – философского бала, который стал эффективной формой популяризации философского знания.

Философия и досуг

Праздник и праздное времяпрепровождение сегодня ассоциируются с досугом и отдыхом. Мы привыкли проводить досуг в развитой системе развлечения массовой культуры, получая удовольствие от времени, не занятого работой. В словаре современного человека досуг тождественен отдыху и развлечению. Однако существует философская традиция понимания досуга, восходящая к эпохе Античности. Например, нидерландские исследователи Й. Баувер и М. ван Леувен полагают, что концептуально правильное именовать досугом «базовый, личностный внутренний процесс создания смыслов (искусства жизни)» и отличать тем самым досуг от свободного времени, различных форм деятельности, связанной с отдыхом, расслаблением, восстановлением и развлечением [Bouwer, van Leeuwen 2017, 230]. Для обозначения досуга в узком

смысле, как смыслосозидательной активности, они предлагают использовать древнегреческое понятие *σχολή*.

В платоновских диалогах «Федр» и «Теэтет» досуг (*σχολή*) представлен как условие возможности философской дискуссии и поиска истины (*Phdr.* 227b, *Tht.* 154e, 172d). Досуг соотнесен с образом жизни просвещенного человека, посвятившего себя философии (*Tht.* 175e). В «Федоне» досуг противопоставлен обязательным занятиям, заботам и обременениям, налагаемым телом, отнимающим время от более высоких целей (*Phd.* 66b, 66d). В период досуга происходит освобождение души от телесных отвлечений и приближение к созерцанию истины. В «Государстве» слово *σχολή* употребляется лишь несколько раз: в значении отсутствия отвлечения на другие роли и обязанности, позволяющего полностью посвятить себя своей функции и достичь в ней мастерства (*R.* 370c, 376d). В «Законах» Платон вводит гражданское измерение понятия *σχολή*. Досуг, предоставляемый и гражданам, и должностным лицам, обеспечивает сосредоточенность на гражданских добродетелях и общественном благосостоянии. Это необходимое условие надлежащего управления, анализа законов и вовлеченности граждан в жизнь государства (*Lg.* 763d, 781e, 828d, 832d). Институционализированный досуг, выступая как индивидуальным, так и общественным идеалом, поддерживает идеальное государство Платона¹.

Более детально понятие досуга раскрывает Аристотель. В «Политике» философ пишет о том, что в обществе живут свободные люди и рабы, внешне способные быть неотличимыми друг от друга. Аристотель замечает: «Во всяком живом существе прежде всего можно усмотреть власть господскую и политическую. Душа властвует над телом, как господин, а разум над вашими стремлениями – как государственный муж» [Аристотель 1983б, 383]. В итоге им сделан вывод о естественности такого подчинения (тело подчиняется душе, раб – господину, люди – государству). Но, если они похожи, как отличить людей друг от друга? Будет ли основным критерий владения, который разделяет общество на господ и рабов? Свободный человек, по Аристотелю, не занимается физическим трудом, зато он «пригоден для политической жизни», т.к. «одни люди по природе свободны, другие – рабы»; поэтому

¹ Подробнее о понятии *σχολή* в диалогах Платона см.: [Stocks 1936; Alves de Sousa 2015; Telo 2017].

только у свободного человека есть время для занятия интеллектуальной деятельностью: «политикой или философией»².

В «Никомаховой этике» Аристотель уточняет, что досуг связан со счастьем, а не с политикой, потому что занятие досугом требует от человека военной или государственной деятельности. Прослеживается противоречие: с одной стороны, досуг предполагает время, не занятое работой, с другой – мыслитель пишет о необходимости деятельности для досуга. Противоречие разрешается следующим образом: Аристотель утверждает, что война и политика «лишают досуга», однако человек вынужден заниматься военной или политической деятельностью, чтобы в государстве были мир и благоденствие, чтобы люди были счастливы, а значит, могли заниматься досугом. В итоге досуг остается в области философии, представляет собой созерцательную деятельность ума, которая отличается «средоточенностью», дает человеку удовольствие и является самодостаточной [Аристотель 1983а, 282]. Именно такой вид интеллектуальной деятельности составляет подлинное счастье человека. В ней присутствует божественное, т.к. «жизнь, подчиненная уму, божественна в сравнении с человеческой жизнью». К этой жизни ума нужно стремиться, получать наивысшее удовольствие в период досуга. По Аристотелю, досуг важнее любой деятельности, если знать, как правильно им распорядиться. Досуг как развлечение и отдых не устраивает философа, т.к. последние не способствуют развитию ума человека, а потворствуют его аффектам и страстям. Целью досуга должны быть воспитание души, интеллектуальная деятельность, направленная на совершенствование человека. Э. Холл писала, что «Аристотель даже готов был утверждать, что правильное использование досуга станет в идеальном обществе главной целью и задачей образования...» [Холл 2019, 225].

Значимый вклад в реактуализацию темы досуга в современной философии внесла работа 1948 года немецкого католического философа Йозефа Пипера «Досуг и культ» (в английском переводе издана под названием «Досуг – основа культуры»). В этой книге автор размышляет над поставленным Аристотелем вопросом: «Если... досуг должен быть предпочтен деятельности, то, наконец, возникает вопрос, чем этот досуг нужно заполнить» [Аристотель 1983б, 630]. Пипер анализирует этимологию слова

² О взаимосвязи политики и досуга у Аристотеля см.: [Solmsen 1964; Anastasiadis 2004; Snyder 2018].

«школа» и показывает, как изменился его смысл: если греческое *σχολή* означает то, что противоположно работе, то современная школа превращается в «учреждение профессиональной/карьерной подготовки» (*Berufausbildungsanstalt*) [Pieper 1999, 28]. Он считает, что обществу необходимо вернуть изначальную цель досуга как форму спокойствия, как сочетание глубокого понимания и вдумчивого созерцания. В этом находим возвращение к аристотелевскому пониманию досуга как деятельности ума. Пипер замечал: «Досуг возможен только при условии, что человек не только... соглашается с истинной сущностью самого себя (в то время как лень укоренена в отказе от этого согласия), но и что он также согласуется со смыслом мира. Досуг живет из признания. Досуг не просто то же самое, что неактивность; это не то же самое, что тишина, и не то же самое, что внутренняя тишина. Он подобен тишине в разговоре влюбленных, которая питается из их согласия» [Pieper 1999, 24].

Согласно Пиперу, смысл досуга не в том, чтобы давать отдых телу или восстанавливать душевные силы для нового рабочего дня, хотя это и есть одно из его следствий. Как и созерцание, досуг обладает более высоким значением, чем активная жизнь. Смысл досуга состоит в том, чтобы работник «оставался человеком... т.е., чтобы он не растворяется в ограниченной среде рабочей функции, но оставался способным видеть мир целиком и в этом реализовывал себя как существо, предназначенное для всего бытия» [Pieper 1999, 26]³.

Развитие проблематики в сфере философии досуга в англоязычной литературе⁴ началось во многом с книги американского профессора Себастьяна де Гразиа «О работе, времени и досуге»,

³ Идеи Й. Пипера пришлись ко времени. По другую сторону Рейна в 1949 году в программной работе «Персонализм» французский мыслитель Э. Мунье пишет: «Личностная жизнь начинается тогда, когда человек оказывается способным уйти от внешнего окружения, чтобы *овладеть собой, взять себя в руки*, иными словами, сосредоточиться, собраться... Только исходя из этого жизненного опыта можно оценить значение тишины и уединения. Сегодня самое время напомнить об этом. Наша *цивилизация развлечения извращает смысл досуга* (курсив наш. – В. К., Е. В.), притупляя ощущение времени, вставая препятствием на пути создания общезначимых произведений искусства, опустошая внутреннюю жизнь, столь необходимую поэтам и верующим» [Мунье 1992, 53].

⁴ В течение последних десятилетий издан ряд значимых монографий о философии досуга. См., напр.: [The Philosophy of Leisure 1989; Leisure and Ethics... 1991; Ramsay 2005; Spracklen 2011; Bouwer, van Leeuwen 2017].

вышедшей в свет в 1962 году. В связи с экономическим ростом и автоматизацией производства растет количество свободного времени у людей, поэтому рождается вопрос о том, каким будет общество будущего. Де Гразиа утверждает, что таким подходом к данному вопросу, «который охватывает интересы всего сообщества, использует множество методов и объединяет результаты из различных соответствующих наук, а также не стесняется задавать фундаментальные вопросы, если они кажутся уместными», выступает «политическая философия досуга» [de Grazia 1962, 9]. В работе освещены вопросы об отношении феномена досуга к свободе, социальным нормам, справедливости, обязанностям гражданина и государству. В заключительной части книги де Гразиа сравнивает две вымышленные страны – Кокейн (Cockaigne)⁵ и Утопию. В стране Кокейн присутствует избыток всех материальных благ, у жителей – легкая и комфортная жизнь: люди не знают голода, старости, боли, не нужно работать, нет обязанностей, которые необходимо выполнять. В Утопии же основное богатство – культура, основное занятие – досуг. Согласно де Гразиа, главные блага для человека – творчество, истина и свобода, т.е. то, что может человеку принести досуг: «Жизнь, наполненная досугом, приводит не только к более глубокому пониманию истины, но и к восприятию красоты, к удивлению перед человеком и природой, к их созерцанию и воссозданию в словах или песне, глине, красках или камне. Художник, так же, как и мыслитель, является дитем медленного времени. Ему необходимо уметь отстраняться от повседневного мира, иначе идеи и образы никогда не придут в его ум» [de Grazia 1962, 421]. Хотя с момента выхода книги прошло более полувека, сегодня, когда человечество стоит на пороге массового внедрения интеллектуальных роботизированных систем, выполняющих практически любой вид деятельности не хуже человека, вопрос о выборе между альтернативами, предлагаемыми де Гразиа, переходит из теоретической плоскости в практическую.

В мире, в котором существуют только работа и отдых от нее, досугу как интеллектуальной деятельности практически нет места. Такой досуг возможен для небольшой группы людей, философов, которые сделали философию своей профессией. Возникает вопрос

⁵ В европейской средневековой традиции страна Кокейн (анг. Cockaigne; фр. Soscagne; ит. Cissagna) – вымышленная страна изобилия и доступности всего, что необходимо человеку. Аналогична земле «молочных рек и кисельных берегов» из русских сказок.

о том, возможен ли аристотелевский досуг сегодня для многих, для тех, кто отдыхает, погружаясь в продукты современной массовой культуры. Наш ответ – да, возможен интеллектуальный досуг, однако он будет принимать для современного общества иные формы, в отличие от тех, о которых писал Аристотель. Этот досуг возможен в сократовской традиции, т.е. традиции «живого диалога», о которой речь шла в работах Л.Т. Ретюнских.

Философский семейный клуб «Школа Сократа» предлагает форму досуга, при которой отдых сопровождается серьезной интеллектуальной работой в игровой форме. Тем более что «досуг представляет собой состояние праздничного восприятия. Внутренняя радость человека, который празднует... – это одно из главных условий того, что мы называем досугом» [Pieper 1999, 23–24].

Философия и праздник (карнавал, маскарад, бал)

Идея объединения авторской философской игровой методики и праздника возникла в период, когда в устоявшемся сообществе семейного клуба назрела необходимость кульминационной точки в ежегодном календаре философских игр. Таким и стал новогодний философский бал «Школы Сократа», позволивший совместить праздник с форматом большой философской игры, в контексте которой досуг стал разнообразнее и масштабнее. Почему выбрана данная форма?

Наименование «бал», скорее, условно. Оно ассоциативно связано с масштабом публичного праздника, представленного такими характерными элементами, как прием и развлечение гостей, торжественная церемониальная и обязательная танцевальная составляющие, которые созвучны приподнятому новогоднему настроению. Кроме того, возможность участников прийти в нарядном костюме, в отличном от повседневного себя образе, а тем более в маске, дополняет в игровую атмосферу элементы таинственности, театральности, внешней условности. Однако эти внешние атрибуты праздника как культурного и массового поведенческого феномена не перевесили внутреннего содержания интеллектуального досуга. Более того, сложившиеся формы философских балов, в сущности, адресуют к концепции карнавала М.М. Бахтина.

Называя карнавал «второй жизнью», М.М. Бахтин обращает внимание на иное бытие, противопоставляемое «официальной

игре» регламентированных церковных и светских церемониальных праздников «экстерриториальной... атмосферой вольной и веселой игры, в которой высокое и низкое, священное и профанное уравнивается в своих правах» [Бахтин 1990]. Карнавал не знает разделения на участников и зрителей, в него вовлечены все, он преобразует мир не только яркостью атрибутики, но и «двойным аспектом восприятия мира» [Бахтин 1990], определяющих поведение и создающих атмосферу праздника. В отличие от маскарада (демонстративно условного и максимально театрализованного), «карнавал был не художественной театрально-зрелищной формой, а как бы формой самой жизни, которую не просто разыгрывали, а в которой жили почти на самом деле» [Бахтин 1990]. В понимании игрового философствования данное положение принципиально: не игра в философов, а узнавание и «делание» философии в условном пространстве заданной эпохи находится в основе каждого философского бала.

Действительно, философские балы ориентированы на конкретные исторические черты, образы, персоналии и соответствующие мировоззренческие установки эпохи, в границах которой выстраивается сценарий игры. Эпоха итальянского Возрождения и ее гуманистические устремления, Петровские ассамблеи, диалог европейской и русской культур демонстрируют широкие возможности для раскрытия образа мысли современников эпохи и их буквально эвристической интерпретации новым поколением века XXI. В соответствии с «духом карнавала» всеобщность участия задана уже с начала праздника произвольным распределением гостей на сообщества-команды, которые и выполняют интеллектуальные задания философской игры. Смысловым центром всего действия становится тема, которую выбирают, исходя из реалий разыгрываемой культуры, существующих в ней философских концептов.

Для большей динамики в сценарий вводят роли исторических или литературных персонажей соответствующего периода. Например, на балу у Людовика XIII основную интригу задавал модератор — «кардинал Ришелье». В историческом каминном зале ЦДРИ, на средневековом балу по случаю возвращения из Крестового похода Ричарда Львиное Сердце, наряду с «королем», его «рыцарями» и «прекрасными дамами», присутствовал Робин Гуд и «вольные лучники», знакомые юным участникам из народных легенд. Темы *Справедливости*, *Свободы*, *Выбора* в таком

прочтении получили яркое развитие в противопоставлении мира романтизированного, аристократического, но жестко структурированного, миру вольному, народному, отстаивающему идею «натурального права». Бал при дворе Императора Поднебесной стал самым «церемониальным» (тема – *Традиция*), погрузившим гостей в этику Конфуция через импровизацию в духе традиционного китайского театра и создание благопожеланий-иероглифов под руководством профессора Дин Кей Джань из Китая, мастера каллиграфии.

Таким образом начались балы-путешествия по странам и культурам. Через год бал трансформировался в ритуальные фольклорные игрища Зимнего солнцестояния славян-язычников, пришедших славить новобрачных – князя Игоря и княгиню Ольгу (тема – *Миф*). Затем превратился в сказочную встречу на персидском базаре Али-Бабы, Шахеразады и Ходжи Насреддина (тема – *Сказка*). Ведущие, вдохновленные музыкой известной сказки «Али-баба и сорок разбойников», представляли гостям великого Гаруна аль-Рашида, прославленного Авиценну и фантастического Джинна из волшебной лампы. Тем самым разноплановые герои дали возможность развития драматургических линий в игре, представили достижения науки и искусства средневекового Востока (в алгебре, астрономии, медицине и поэзии). Эпичными стали еврейский («В гостях у царя Соломона») и индийский («Рама и Сита») новогодние балы, на которых своеобразие культуры и мировоззрения постепенно были раскрыты в сюжетных импровизациях, посвященных классическим сюжетам из Ветхого Завета и Рамаяны. Даже в период известных санитарных ограничений на массовые мероприятия состоялся философский бал-пикник на тему «Судьбы России», которая раскрыта через дискуссию *славянофилов и западников* в парке музея-усадьбы «Архангельское».

Тематическое разнообразие предполагает и множественность инструментов, применяемых организаторами в процессе создания единого «ансамбля» философских интерпретаций, ролевой игры, музыкальных и концертных включений. В будущем планируем подготовку к изданию учебно-методического пособия с полными сценариями и рекомендациями по организации такой формы досуга, как философский бал. Пока познакомим читателя с некоторыми элементами сценарно-методической разработки бала на тему «Серебряный век: “Искусство – это искусство жить!”», посвященного философии русского символизма. Тема предвари-

тельно анонсирована на афише и приглашениях, участники философского бала подготовили костюмы эпохи начала XX века.

Философский бал «Серебряный век:

“Искусство – это искусство жить!»⁶

Цель – познакомить участников (детей от восьми лет и взрослых) с культурой Серебряного века, погрузить в атмосферу творчества и философских размышлений указанного периода. В качестве философского основания выбран символизм с его размышлениями о природе искусства и тезисом тождества жизни и искусства. Философский бал – особый тип ролевой игры, соединяющий в себе задачи обучения и развлечения, ориентирующийся на эпикурейский принцип удовольствия, особенно удовольствия от размышления.

В выставочном зале ЦДРИ, украшенном гирляндами и игрушками, около большой нарядной елки, собираются гости на домашний званый вечер, организованный у князей Кудашевых после Рождества. Предварительно участникам дано задание придумать себе образ, соответствующий эпохе, и приготовить костюм. Организаторы выступают в качестве ключевых персонажей, представляющих известных деятелей культуры и науки того времени. Условная дата – 8 января 1910 года.

На входе организаторы вручают участникам открытки (репродукции картин Н.К. Рериха) для написания пожеланий в наступившем году. Традиционно их отправляют бальной почтой. У каждого есть номер, и он виден остальным. Доступен почтовый ящик, в который опускают письма с указанием номера адресата, помимо открыток. Ящик периодически вскрывают, почтальоны раздают письма. Рядом находится стол с письменными принадлежностями и бумагой, для достижения эффекта погружения в эпоху можно использовать чернильницы и перьевые ручки или карандаши (в нашем случае были простые карандаши). Идея, связанная с открытками, заключается в том, что каждого просят написать на открытке пожелание не адресно, а «кому-нибудь» (в конце вечера участники рандомно получают открытки, на них кем-то написано пожелание, которое становится подарком). Далее каждый гость выбирает ленту определенного цвета (из лент четырех цветов),

⁶ Сценарно-методическая разработка. Бал проходил 8 января 2022 года в Центральном Доме работников искусств.

повязывает ее на руку или закрепляет на своей одежде, тем самым указывая на принадлежность к одной из команд.

При желании перед началом бала, в ожидании прибытия всех гостей, организаторы предлагают участникам присоединиться к отдельным кружкам салонных развлечений: например, составить буриме на новогодние рифмы (новый год/хоровод, яркий/подарки, вопрос/мороз, ель/метель, зима/кутерьма, огоньки/коньки, звездное/морозное, сияние/внимание), поиграть в шарады и др. В конце вечера готовые буриме зачитывают под аплодисменты, и авторы получают поощрительные сладкие призы.

Вечер открывает хозяйка, автор стихов знаменитой песенки «В лесу родилась елочка» Р.А. Кудашева. Она приветствует собравшихся, представляет эпоху и друзей: Н.К. Рериха, Е.Ф. Гнесину и почетную гостью В.Ф. Комиссаржевскую, прибывшую на гастроли со своим театром из Санкт-Петербурга (набор персонажей может быть иным). После ответной речи и поэтического выступления актеров театра имени В.Ф. Комиссаржевской, которые читали стихи К.Д. Бальмонта, с гостями проводят беседу о символизме. Р.А. Кудашева рассказывает о недавно вышедшей книге А. Белого «Символизм как миропонимание» и называет тему вечера: «Искусство – это искусство жить!». Она объясняет в доступной для детей форме, что речь идет об основном принципе символизма.

Продолжением поэтической темы становится командный конкурс «Аргументы в рифмах». Хозяйка бала Р.А. Кудашева приглашает «поэтов» от каждой команды (команды отличаются цветом ленты), разделив их на две творческие группы, и вручает каждой написанный на листе бумаги тезис: «Искусство – это отражение жизни» (первая группа), «Искусство – это сама жизнь» (вторая группа).

На первом этапе участники обсуждают между собой смысл фразы (30 секунд) и предлагают ее интерпретацию. Задача каждой группы – придумать как можно больше аргументов и примеров в защиту своего тезиса. Изложить их нужно в поэтической форме. Основная «битва» разворачивается на втором этапе, в процессе конкурса поэтической импровизации. Задача команд – поочередно предлагать начальную фразу-утверждение, на которую командо-сопернику следует за полминуты ответить контраргументом в рифму к заданному высказыванию, а команде-автору в рифму продолжить аргумент в поддержку своего тезиса. Приведем примеры: 1) Своя строка: «Медведи Шишкина на полотне живут». Ответ: «Отнюдь, живых медведей – отраженье тут». 2) Своя

строка: «Подобно зеркалу искусство». Ответ: «Но в зеркале на самом деле пусто». 3) Своя строка: «Жизнь только там, где чувств поток». Ответ: «В желудке весь его исток». 4) Своя строка: «Мы любим, а потом об этом пишем». Ответ: «Любовь сама искусством дышит» и т.д.

Все строки записывают, победителя технически определяют по количеству придуманных строк (проиграл тот, кто первым остановился и не смог предложить следующую рифму). Содержательно победителя определяют общими аплодисментами (просят зрителей наградить аплодисментами каждую команду по очереди, уровень громкости аплодисментов говорит о предпочтении зрительного зала), призовые баллы начисляют за каждый круг. Члены команды, одержавшей победу, получают больше наград (в нашем случае это – конфеты; победителям вручают по две штуки каждому, проигравшим – по одной).

По окончании интеллектуальной разминки гости наслаждаются танцевальным концертным номером (выступлением ученицы А. Дункан), а затем выходят на общий вальс. Актеры театра имени В.Ф. Комиссаржевской («Центр эстетики и красоты “Катюша” под руководством Земфиры Цахиловой») проводят предварительный показ основных движений и начинают танец, гости присоединяются парами.

После танцев гости могут освежиться прохладительными напитками у буфетных столиков, присесть в кресла, послушать выступление хозяйки праздника о символизме М. Метерлинка и постановке «Синей птицы» на сцене Московского художественного театра в 1908 году с показом презентации. Вдруг вносят декорации для домашнего спектакля. Собравшихся ждет сюрприз: приглашенные актеры разыгрывают сцену из второго действия, в которой главными героями выступают Тильтиль и Митиль.

После просмотра гости собираются по командам (по цветам своих лент) для нового конкурса «Как найти Синюю птицу – Счастье». Каждая команда получает карточку с цитатой Сенеки «Каждый человек хочет жить счастливо, но смутно представляет себе, в чем заключается счастливая жизнь», которую необходимо проинтерпретировать. Задание 1. Составить карту маршрута поиска Синей Птицы (счастья), на которой встречаются следующие пункты: *знание, разум, добро, свобода, радость, верность, бескорыстие, истина, счастье*. Предложенные понятия написаны на отдельных карточках. Участники получают лист ватмана, на

котором составляют карту, клей, ножницы, фломастеры (или карандаши), карточки-понятий могут быть дополнены другими карточками на усмотрение команды. Задание 2. Придумать и описать свое путешествие по данному маршруту с рассказом о приключениях, препятствиях, встречах и т.п. 10 минут дается на подготовку. Каждая команда представляет остальным гостям свою версию поисков. Оценивают результат и вручают поощрения (конфеты) ведущая – Р.А. Кудашева, В.Ф. Комиссаржевская, Е.Ф. Гнесина.

На второй танец вечера (польку) выстраиваются все желающие. Полька более непринужденна, чем вальс, поэтому не требует предварительного разучивания последовательности движений. Танцоры повторяют за ведущей парой все движения и перестроения.

Хозяйка вечера приглашает занять свои места и посмотреть презентацию о начале эпохи нового искусства, в частности появлении «Живой фотографии» в Москве, о том, где, как и что смотрели в кинематографических театрах в начале XX века. Несложно догадаться, что живой фотографией называли первые кинофильмы. Проходит показ одного из первых немых фильмов этого времени.

«Синема-символ»: общий финальный конкурс. Команды, образованные произвольно, по принципу самоорганизации, в течение пяти минут обсуждения импровизируют показ короткометражного так называемого немого фильма в сопровождении тапера на тему «Искусство и жизнь». Ведущие предлагают задание: придумать историю и, используя условные выразительные возможности жанра немого кино, рассказать ее.

Завершающим аккордом вечера становится общий хор у елки с исполнением песни «В лесу родилась елочка» (ее текст на листах бумаги заранее вручают гостям). Ситуация закономерного замешательства от несовпадения начального ритма стихов куплета и припева с известной музыкой благополучно разрешается, выстраивают общий стройный хор под руководством Е.Ф. Гнесиной. Интерес для гостей представляет тот факт, что в 1903 году Раиса Кудашева написала рождественское стихотворение «Елка» (известная сегодня как песня «В лесу родилась елочка»). В 1905 году Леонид Бекман, увидев его в журнале, сочинил мелодию. Историю создания песни и роста ее популярности можно легко найти в интернет-источниках. По окончании бала – традиционное фотографирование у новогодней елки, вручение поздравительных открыток и призов (за участие в конкурсах буриме, костюмы, танцы и др.).

Итак, предлагаемый сценарий имеет классическую структуру большой философской игры, описанной в книгах и статьях Л.Т. Ретюнских [Ретюнских 2003]: вводная беседа с участниками, два тематических тура командных творческих заданий, игра с залом. В сценарий органично вплетаются информационные блоки. Главное, чтобы они не занимали более пяти минут, не «сбили» темп действия в целом. Предусмотренные сценарием концертные номера придают балу зрелищность, помогают участникам проникнуться атмосферой эпохи, поддержать настроение праздника.

Заключение

Таким образом, можно утверждать, что философский бал есть уникальная образовательная технология, реализуемая в форме и сфере досуга. Это — многослойное явление, в котором выделяют философский, исторический, культурологический, семиотический, исторический, иные аспекты. Важно дополнить, что философский бал, как и остальные философские практики с участием детей, способствует развитию критического и творческого мышления. Эмоциональная насыщенность действия позволяет эффективно усваивать новую информацию (просветительская функция), открывать для себя новые горизонты реальности (эвристическая функция) и т.п. Однако исследование функций философского бала не входило в задачи настоящей статьи, планируем провести этот анализ в следующих публикациях. Пока остановимся на мировоззренческой функции, выполняемой и философией, и производными от нее. Мировоззренческую функцию мы понимаем не как способ привнесения в сознание человека той или иной системы взглядов, но как создание возможности для активного формирования собственной позиции.

Возьмем в качестве исходного принятое в литературе структурирование мировоззрения через *мироощущение*, *мировосприятие*, *миропонимание*. Философский бал задает ощущение праздника, на котором ролевая игра эмоционально переносит участников в иной мир и иную культуру (мироощущение). Активно и последовательно проходя все этапы философского праздника, каждый человек, юный и неискушенный или взрослый и умудренный, настраивается на восприятие эпохи/культуры посредством музыки, танцев и ритуалов, начинает воспринимать себя частью некоего социального пространства, далеко выходящего за рамки повседневности (мировосприятие). Интеллектуальное погружение осуществляется через знакомство с ее философским содержанием, а анализ философского опыта выводит на уровень миропонимания через развитие навыков рефлексии, логики, критического мышления (миропонимание).

Философствование в любой его форме есть способ познать самого себя. Радость узнавания создает удивительно творческую атмосферу *умного* праздника, для которого внешняя атрибутика не более чем обрамление главного – счастливой встречи со смыслами и живого диалога. Такое проведение интеллектуального досуга дарит удовольствие всем участникам от философствования как со-бытия мысли, способствует аристотелевскому «воспитанию души».

Поскольку тематика философских балов разнообразна и ограничена лишь фантазией организаторов, которые стремятся разнообразить интеллектуальный досуг желающим, перспектива продолжения и развития проекта вполне очевидна. Позитивные отклики, наличие завсегдатаев и дебютантов, заинтересовавшихся подобным времяпрепровождением, вдохновляют на то, чтобы совершенствовать методику проведения философских балов и дарить интеллектуальный праздник всем желающим, независимо от возраста и уровня образования. Возникнув в формате праздника для членов семейного философского клуба, философские балы постепенно стали самостоятельным значимым культурным событием и уникальным образовательным продуктом.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аристотель 1983а – *Аристотель* Никомахова этика / пер. Н.В. Брагинской // *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. С. 53–293.

Аристотель 1983б – *Аристотель* Политика / пер. С.А. Жебелева // *Аристотель*. Сочинения: в 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. С. 376–644.

Бахтин 1990 – *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990.

Ильенков 1977 – *Ильенков Э.В.* Учитесь мыслить смолоду. – М.: Знание, 1977.

Ильенков 2009 – *Ильенков Э.В.* Школа должна учить мыслить – М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2009.

Липман 1996 – *Липман М.* Обучение с целью уменьшения насилия и развития миролюбия // *Философия для детей* / отв. ред., сост. Н.С. Юлина. – М.: Институт философии РАН, 1996. С. 181–199.

Мунье 1992 – *Мунье Э.* Персонализм / пер. И.С. Вдовиной. – М.: Искусство, 1992.

Ретюнских 2003 – *Ретюнских Л.Т.* «Школа Сократа». Философские игры десять лет спустя. – М.: Изд-во Московского психол.-соц. ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2003.

Ретюнских 2023 – *Ретюнских Л.Т.* Образование как мышление, или Место философии в системе образования // *Философские науки*. 2023. Т. 66. № 1. С. 24–50.

Холл 2019 – *Холл Э.* Счастье по Аристотелю. Как античная философия может изменить вашу жизнь / пер. Н. Колпакова. – М.: Альпина нон-фикшн, 2019.

Alves de Sousa 2015 – *Alves de Sousa A.A.* Σχολή en Platón // *Ianua Classicorum. Temas y formas del Mundo Clásico*. Vol. II / ed. por J. de la Villa Polo, P. Cañizares Ferriz, E. Falque Rey, J.F. González Castro, J. Siles Ruiz. – Madrid: Sociedad Española de Estudios Clásicos, 2015. P. 59–66.

Anastasiadis 2004 – *Anastasiadis V.I.* Idealized σχολή and Disdain for Work: Aspects of Philosophy and Politics in Ancient Democracy // *The Classical Quarterly*. 2004. Vol. 54. No. 1. P. 58–79.

Bouwer, van Leeuwen 2017 – *Bouwer J., van Leeuwen M.* Philosophy of Leisure: Foundations of the Good Life. – London: Routledge, 2017.

de Grazia 1962 – *de Grazia S.* Of Time, Work, and Leisure. – New York: The Twentieth Century Fund, 1962.

Leisure and Ethics... 1991 – Leisure and Ethics: Reflections on the Philosophy of Leisure / ed. by G.S. Fain. – Reston, VA: American Association for Leisure and Recreation, 1991.

Pieper 1999 – *Pieper J.* Muße und Kult // *Pieper J.* Werke in acht Bänden. Bd. 6. – Hamburg: Meiner, 1999. S. 1–44.

Ramsay 2005 – *Ramsay H.* Reclaiming Leisure: Art, Sport, and Philosophy. – New York: Palgrave Macmillan, 2005.

Snyder 2018 – *Snyder J.T.* Leisure in Aristotle's Political Thought // *Polis: The Journal for Ancient Greek and Roman Political Thought*. 2018. Vol. 35. No. 2. P. 356–373.

Solmsen 1964 – *Solmsen F.* Leisure and Play in Aristotle's Ideal State // *Rheinisches Museum für Philologie*. Bd. 107. H. 3. S. 193–220.

Spracklen 2011 – *Spracklen K.* Constructing Leisure: Historical and Philosophical Debates. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011.

Stocks 1936 – *Stocks J.L.* Σχολή // *The Classical Quarterly*. Vol. 30. No. 3/4. P. 177–187.

Telo 2017 – *Telo H.* The Freedom of θεωρία and σχολή in Plato // *Anthropologie der Theorie* / herausg. von Th. Jürgasch, T. Keiling. – Tübingen: Mohr Siebeck, 2017. P. 11–28.

The Philosophy of Leisure 1989 – *The Philosophy of Leisure* / ed. by T. Winniffrith, C. Barrett. – New York: Palgrave Macmillan, 1989.

REFERENCES

Alves de Sousa A.A. (2015) Σχολή en Platón. In: de la Villa Polo J., Cañizares Ferriz P., Falque Rey E., González Castro J.F., & Siles Ruiz J. (Eds.) *Ianua Classicorum. Temas y formas del Mundo Clásico* (Vol. 2, pp. 59–66). Madrid: Sociedad Española de Estudios Clásicos (in Spanish).

Anastasiadis V.I. (2004) Idealized σχολή and Disdain for Work: Aspects of Philosophy and Politics in Ancient Democracy. *The Classical Quarterly*. Vol. 54, no. 1, pp. 58–79.

Aristotle (1983a) *Nicomachean Ethics* (N.V. Braginskaya, Trans.). In: Aristotle. *Works in 4 volumes* (Vol. 4, pp. 53–293). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Aristotle (1983b) *Politics* (S.A. Zhebelev, Trans.). In: Aristotle. *Works in 4 volumes* (Vol. 4, pp. 376–644). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Bakhtin M.M. (1990) *The Work of François Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura (in Russian).

Bouwer J. & van Leeuwen M. (2017) *Philosophy of Leisure: Foundations of the Good Life*. London: Routledge.

de Grazia S. (1962) *Of Time, Work, and Leisure*. New York: The Twentieth Century Fund.

Fain G.S. (Ed.) (1991) *Leisure and Ethics: Reflections on the Philosophy of Leisure*. Reston, VA: American Association for Leisure and Recreation.

Hall E. (2019) *Aristotle's Way: How Ancient Wisdom Can Change Your Life* (N. Kolpakova, Trans.). Moscow: Alpina Non-Fiction (Russian translation).

Ilyenkov E.V. (1977) *Learn to Think from an Early Age*. Moscow: Znaniye (in Russian).

Ilyenkov E.V. (2009) *The School Must Teach to Think*. Moscow: MPSI; Voronezh: MODEK (in Russian).

Lipman M. (1996) Education for the Purpose of Reducing Violence and Promoting Peacefulness. In: Yulina N.S. (Ed.) *Philosophy for Children* (pp. 181–199). Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Russian translation).

Mounier E. (1992) *Personalism* (I.S. Vdovina). Moscow: Iskusstvo (Russian translation).

Pieper J. (1999) Muße und Kult. In: Pieper J. *Werke in acht Bänden* (Vol. 6, pp. 1–44). Hamburg: Meiner (in German).

Ramsay H. (2005) *Reclaiming Leisure: Art, Sport, and Philosophy*. New York: Palgrave Macmillan.

Retyunskikh L.T. (2003) “*The School of Socrates*”: *Philosophical Games Ten Years Later*. Moscow: Moscow Psychological-Social Institute; Voronezh: MODEK (in Russian).

Retyunskikh L.T. (2023) Education as Thinking, or The Role of Philosophy in the Educational System. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 1, pp. 24–50 (in Russian).

Snyder J.T. (2018) Leisure in Aristotle's Political Thought. *Polis: The Journal for Ancient Greek and Roman Political Thought*. Vol. 35, no. 2, pp. 356–373.

Solmsen F. (1964) Leisure and Play in Aristotle's Ideal State. *Rheinisches Museum für Philologie*. Vol. 107, no. 3, pp. 193–220.

Spracklen K. (2011) *Constructing Leisure: Historical and Philosophical Debates*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Stocks J.L. (1936) Σχολή. *The Classical Quarterly*. Vol. 30, no. 3/4, pp. 177–187.

Telo H. (2017) The Freedom of θεωρία and σχολή in Plato. In: Jürgasch T. & Keiling T. (Eds.) *Anthropologie der Theorie* (pp. 11–28). Tübingen: Mohr Siebeck (in German).

Winniffrith T. & Barrett C. (Eds.) (1989) *The Philosophy of Leisure*. New York: Palgrave Macmillan.

МЕТОДИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

В помощь аспирантам

Введение в рубрику
Section introduction

Философия: учебное пособие для поступающих в аспирантуру естественных факультетов

Предлагаемый вниманию читателей материал представляет собой фрагменты готовящегося к печати учебного пособия «Философия. Учебное пособие для поступающих в аспирантуру» под редакцией В.А. Шапошникова.

Экзамен по философии сдается абитуриентами всех специальностей при поступлении в аспирантуру. Не секрет, что они часто совместными усилиями создают «шпаргалки», содержащие достаточно краткие и емкие ответы на вопросы вступительного экзамена по философии. Эти «шпаргалки» передаются из поколения в поколение, и именно они служат студентам и абитуриентам основным материалом для подготовки к экзамену. Качество этих «шпаргалок» предсказуемым образом оказывается весьма низким, они содержат многочисленные ошибки и на деле не столько помогают, сколько мешают адекватной подготовке к экзамену. Единственным эффективным способом борьбы с этой прискорбной традицией нам представляется создание своего рода «шпаргалок от преподавателя» как альтернативы подготовительным материалам, стихийно создаваемым самими студентами. Эти «шпаргалки от преподавателя» должны соответствовать ядру актуального материала читаемых студенческих курсов, принятым стандартам, а главное, вопросам вступительного экзамена в аспирантуру по философии.

Другими словами, речь идет о составлении полноценных подготовительных материалов в помощь поступающим в аспирантуру самими преподавателями, обладающими многолетним опытом приема вступительных экзаменов.

В настоящее время сотрудники кафедры философии естественных факультетов философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова работают над созданием такого учебного пособия.

Авторский коллектив: к.филос.н., доц. С.Е. Жаринов, д.филос.н., проф. Ю.Б. Мелих, д.филос.н., проф. В.Я. Перминов, д.филос.н., проф. Л.Т. Ретюнских, к.филос.н., доц. Н.М. Сидорова, д.филос.н., проф. С.А. Хмелевская, к.филос.н., доц. В.А. Шапошников.

Предполагаемый объем книги: около 50 авторских листов.

Учебное пособие издается впервые. Оно подготовлено сотрудниками кафедры философии естественных факультетов и отражает многолетний опыт преподавания общеобразовательного курса «Философия» на естественных факультетах МГУ имени М.В. Ломоносова и приема вступительных экзаменов по философии в аспирантуру названных факультетов.

По указанной причине предлагаемое учебное пособие структурировано в соответствии со стандартным набором вопросов вступительного экзамена и предлагает ответы на них, которые сами принимающие экзамен преподаватели считают достаточно полными и правильными.

Пособие будет полезно студентам, изучающим и сдающим общеобразовательный курс философии; абитуриентам, которым необходимо подготовиться ко вступительному экзамену по философии в аспирантуру, а также преподавателям, читающим общеобразовательный курс философии и принимающим вступительные экзамены по этому предмету.

Планируемое содержание учебного пособия

Часть 1 (систематическая)

1. Что такое философия? Предмет и метод философии. Философия и мировоззрение. Структура философского знания. Место философии в системе культуры. (В.А. Шапошников)

2. Проблема начала философии. Философия и мифология. Основные этапы и периоды в истории философской мысли. (В.А. Шапошников)

3. Онтология (учение о бытии). Бытие и небытие. Онтологические различия и иерархии. Проблема единого и многого. Материальное и идеальное. Субъективное и объективное. Понятие развития. Модели развития. Эволюция и прогресс. Онтология и метафизика. (В.А. Шапошников)

4. Философия языка. Познание и язык. Онтология и язык. Гипотеза лингвистической относительности. Философия

обыденного языка. Лингвистическая философия. (В.А. Шапошников)

5. Философия сознания. Основные теории сознания. Сознание и бессознательное. Проблема «сознание – тело». Возможно ли внетелесное сознание? «Трудная проблема» сознания. (Н.М. Сидорова)

6. Теория познания. Проблема познаваемости мира: основные теоретико-познавательные стратегии. Знание и мнение. Знание и вера. Рациональное и иррациональное в познании. Фундаментализм и антифундаментализм в познании. (В.А. Шапошников)

7. Логика и искусство аргументации. Логика и риторика. Логические парадоксы. Диалектическая логика. Доказательство и правдоподобные рассуждения. Естественные рассуждения. Неклассические логики. (С.Е. Жаринов)

8. Понятие истины. Корреспондентная, когерентная и прагматистская концепции истины. Проблема критерия истинности. Истина как консенсус. Дефляционизм и постистина. (В.А. Шапошников)

9. Понятие науки. Критерии и идеалы научности. Наука и ненаучные формы познания. Философия и наука. Сциентизм и антисциентизм. Роль науки в развитии общества. (С.А. Хмелевская)

10. Проблема типологии наук. Специфика естественнонаучного, социально-гуманитарного и математического познания. (В.А. Шапошников)

11. Общество как объект социально-философского анализа: концептуально-понятийная фрагментация или предметно-концептуальное единство (на примере субстанционально-деятельностного подхода). Философские проблемы антропосоциогенеза. Общество и природа. Макроструктура общества: подсистемы, компоненты и элементы. Субъектный анализ общества. (С.А. Хмелевская)

12. Что такое история? История и память. Историософия vs. методология истории. Возможно ли объективное историческое исследование? (С.Е. Жаринов)

13. Философские концепции человека. Соотношение биологического и социального в человеке. Индивид и личность. Личность и общество. (В.А. Шапошников)

14. Свобода как философская проблема. Свобода и необходимость. Свобода и ответственность. (Л.Т. Ретюнских)

15. Основные понятия и принципы этики. Мораль и ее функции. Мораль и право. (Л.Т. Ретюнских)

16. Философия политики и права. Политика: многообразие философских подходов к определению. Современные философские представления о сущности государства и его функциях. Государство и гражданское общество. Позитивное и естественное право. Правовой нигилизм. Права и свободы человека (и гражданина). Типы правопонимания и их философские основания. Философия и идеология. (С.А. Хмелевская)

17. Основные категории эстетики. Философия искусства. Философия и искусство. (С.Е. Жаринов)

18. Философия и религия. Понятие религии: многообразие подходов. Сакральное и профанное. Религия как форма постижения бытия. Многообразие религиозных практик и свобода совести. Агностицизм и атеизм. (С.А. Хмелевская)

19. Философия культуры. Феномен культуры: многообразие подходов. Культура и природа. Культура и общество. Традиции и новации в культуре. Культурные универсалии и табу. Культурное многообразие и идентичность. Теория культурных кодов. Типология и динамика культуры. (С.Е. Жаринов)

20. Философия и глобальные проблемы современности. (Н.М. Сидорова)

Часть 2 (историческая)

21. Учение о природе в ранней греческой философии. Античный атомизм. (В.А. Шапошников)

22. Сократ и софисты. (Л.Т. Ретюнских и Н.М. Сидорова)

23. Платон: теория идей и учение об идеальном государстве. (В.А. Шапошников и Н.М. Сидорова)

24. Физика, метафизика и этика Аристотеля. (С.Е. Жаринов)

25. Эллинистическо-римская философия: основные направления и идеи. Скептическая традиция от Античности до Нового времени. (Л.Т. Ретюнских)

26. Философия Средних веков: основные этапы, особенности и проблематика. (С.Е. Жаринов)

27. Философия Возрождения. (С.Е. Жаринов)

28. Рационалистическая традиция в философии раннего Нового времени. Декарт. (С.Е. Жаринов)

29. Эмпиризм в философии раннего Нового времени: Ф. Бэкон и Д. Юм. (В.Я. Перминов)
30. Философия Просвещения. (В.Я. Перминов)
31. Проблема обоснования науки и активности познающего субъекта в философии Канта. (Н.М. Сидорова)
32. Золотое правило нравственности и кантовский категорический императив. (Н.М. Сидорова)
33. Метод и система философии Гегеля. (С.А. Хмелевская)
34. Маркс и философия марксизма. (С.А. Хмелевская)
35. Позитивизм: этапы развития, представители, основные идеи. (С.А. Хмелевская)
36. Философия жизни Ф. Ницше: тезис о смерти Бога и учение о сверхчеловеке. (В.А. Шапошников)
37. Философия экзистенциализма. (Л.Т. Ретюнских)
38. Постмодернизм в философии. (Л.Т. Ретюнских)
39. Философия истории России: славянофилы и западники. (Ю.Б. Мелих)
40. Вл. Соловьев: философия всеединства. (Ю.Б. Мелих)

Журнал «Философские науки» начинает публикацию отдельных глав из учебного пособия, предоставляя своим читателям возможность познакомиться с ними еще до выхода книги. Мы стремимся сделать разделы книги краткими, емкими по содержанию и вместе с тем доступными по изложению.

*В.А. ШАПОШНИКОВ,
кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой философии естественных факультетов
философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

Сократ: жизнь, смерть и учение

Л.Т. Ретюнских

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва*

Н.М. Сидорова

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва*

Аннотация

Авторы предлагают обратить внимание на раздел из готовящегося к печати учебного пособия по философии для поступающих в аспирантуру на непрофильные специальности. Он посвящен жизни и учению Сократа в кратком изложении. Опытными преподавателями выделены ключевые фрагменты темы. Это позволяет абитуриенту быстро освежить в памяти университетский курс философии и сконцентрировать внимание на базовых моментах, таких как сущность антропологического поворота в философии, сократовский стиль философствования (устная беседа вместо письменного текста), метод Сократа, личность Сократа, суд над Сократом, смерть Сократа, учение о бессмертии души и об истине.

Ключевые слова: история философии, антропологический поворот в философии, майевтика, диалог, добродетель, истина, познание, субъект, софисты, Протагор.

Ретюнских Лариса Тимофеевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии естественных факультетов философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

retunlar@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2492-4884>

Сидорова Наталья Мартэновна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии естественных факультетов философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

martenovna@mail.ru

Socrates: Life, Death, and Teachings

L.T. Retyunskikh

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

*N.M. Sidorova**Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia***Abstract**

This material is from an upcoming philosophy textbook tailored for individuals enrolling in PhD programs outside the field of philosophy. It concisely covers the life and philosophy of Socrates, with insights distilled by experienced lecturers to emphasize the core issues of the subject, drawing upon foundational university philosophy courses. The highlighted themes include: the significance of the anthropological shift in philosophy, the distinctive Socratic method of philosophizing through oral dialogue rather than written texts, Socrates' approach to inquiry, his character, the legal proceedings against him, his death, and his teachings on the immortality of the soul and the nature of truth.

Keywords: history of philosophy, anthropological turn in philosophy, maieutics, dialogue, virtue, truth, knowledge, subject, sophists, Protagoras.

Larisa T. Retyunskikh – D.Sc. in Philosophy, Professor, Department of the Philosophy of Natural Sciences Faculties, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

retunlar@gmail.com<https://orcid.org/0000-0003-2492-4884>

Natalya M. Sidorova – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of the Philosophy of Natural Sciences Faculties, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

martenovna@mail.ru**Введение**

Сократ (ок. 469–399 до н.э.) открывает новый этап в развитии философии. Условно разделяя историю античной философии на периоды досократиков и классический, начинающийся с Сократа, исследователи указывают на значимость его учения, часто называемого антропологическим поворотом в философии, поскольку главным предметом исследования становятся не древние начала мира (архэ), не природа (фюсис), а человек в контексте социально-политической жизни и высших моральных принципов. Физические вопросы мироздания Сократа не интересовали. Он пытался определить, что такое прекрасное, справедливое и добродетельное само по себе, что такое дружба, мужество, благочестие, умеренность и т.д. Определить *рационально*, последовательно и индуктивно обобщая частные примеры, по-

степенно вырабатывая максимально общие определения этих качеств.

Сократа иногда называют родоначальником *рационалистической этики*, т.е. учения, неразрывно связывающего добродетель и разум. Добродетель разумна. Нельзя быть добродетельным, не зная добра. Животное не может быть добродетельным, сколько бы добра оно нам ни делало (собаки защищают, лошади, волы работают для нас), т.к. животное не может знать, что есть добро; такое знание доступно только человеку. Знание – это не только добродетель, но и условие добродетели. Поэтому можно обучить добродетели при помощи образования. Однако научить быть добродетельным – это не значит рассказать о том, как правильно себя вести; это значит научить мыслить и понимать, что есть добро. Высшая добродетель едина, а разные добродетели суть разные части одного знания. Например, справедливость – знание о том, как следует поступать с другими; благочестие – знание о том, как вести себя по отношению к богам; мужество – знание того, чего нужно избегать и чего не следует страшиться, и т.д.

В чем состоит добро вообще? Сократ считал таким общим добром заботу о душе и ее совершенствовании. Эту позицию часто называют также *этическим интеллектуализмом*.

Жизнь Сократа

Почему Сократ отказался от традиционного для досократиков исследования универсальных основ мироздания? Можно предположить, что такая концентрация внимания на самопознании и вопросах общественной морали была вызвана сложной социальной жизнью в Афинах в середине и второй половине V века до н.э. Это было время блестящего расцвета, жесткого внешнего и внутреннего политического соперничества, быстрого упадка богатого демократического полиса, который в течение нескольких десятилетий не всегда бескорыстно контролировал казну Первого морского союза греческих полисов (городов-государств).

Поскольку Афины в V веке до н.э. стали центром социальной, художественной и философской жизни, греки говорили: «Кто не был в Афинах – тот чурбан». В прославленный город Древней Греции приезжали торговать, работать на строительстве храмов, смотреть театральные представления, учиться и преподавать. Однако только граждане Афин (их насчитывалось около 30–60 тысяч человек из более чем 300 тысяч жителей города),

т.е. те, кто имел родителей-афинян, могли получать привилегии в виде выплат из городской казны и праздничных раздач денег или приобретения земли. Сократ был афинянином. Он родился в пригороде Афин, в деме (округе) Алопека, в семье каменотеса (скульптора) Софрониска и повитухи Фенареты.

Он видел свою миссию в том, чтобы стать, по его собственным словам, оводом на жирном теле афинского быка, т.е. помочь афинянам стать лучше, приблизиться к добродетели путем иногда болезненных «укусов» их самомнения. Для этого абсолютно неважно, что находится в основе вселенной: вода, огонь, воздух, атомы или иное.

Сократ приходил в Народное собрание, принимал участие в трех военных сражениях во время Пелопоннесской войны¹ в качестве гоплита (тяжеловооруженного воина). Однажды по жребию участвовал в суде над афинскими стратегами. Но в историю он вошел как философ-бессребреник и искусный спорщик, ведущий диалог с любым собеседником, будь то воин или поэт, и где угодно: на рынке, в палестре, по дороге из порта Пирей в Афины, в гостях у друзей. В беседах родился его уникальный метод, именуемый *майевтикой* (искусством родовспоможения), навеянный профессией матери, помогавшей женщинам родить ребенка. Душа «беременна истиной», по мнению Сократа, и задача философа – помочь ей родиться. Сократ делал это, искусно задавая вопросы, которые приводили собеседника к признанию собственного невежества.

По свидетельству современников, он принципиально ничего не писал, считая истину ускользающей, едва уловимой, а письменный текст – огрубляющим мысль, делающим ее неуклюжей и неповоротливой. Диалоги Сократа были записаны его учениками.

Сократ гордился тем, что не брал денег за свои философские беседы, как это делали учителя мудрости и красноречия – *софисты*, и что его бытовые потребности предельно скромны. Его ученик Ксенофонт характеризовал позицию Сократа следующим образом: «Не иметь никаких потребностей есть свойство божества, а иметь потребности минимальные – это быть очень близким к совершенному божеству»². Все, что известно о его философии,

¹ Пелопонесская война – война между Афинами и Спартой в 431–404 годах до н.э.

² *Ксенофонт*. Воспоминания о Сократе. Кн. 1. Гл. 6. – М.: Наука, 1993. С. 134.

дошло до нас в основном через сочинения Платона, написанные в форме диалогов, в которых главным героем всегда выступал Сократ. Например, Сократ Платона в диалоге с воином размышляет о том, что такое мужество (диалог «Лахет»), с приезжим софистом Гиппием – что такое красота (диалог «Гиппий больший»), с драматургом Агафоном и его гостями – как понимать любовь (диалог «Пир»), со знаменитым Протагором – что такое добродетель (арете) и можно ли ей научиться (диалог «Протагор»).

Наиболее аутентичны, как представляется, высказывания и позиция Сократа, приведенные в ранних платоновских диалогах. Чем позднее написан диалог, тем больше Платон вкладывал в уста учителя собственные идеи.

Главной неутолимой потребностью Сократа было познание истины, в существовании которой он не сомневался, но к результатам своих усилий он относился критически. В ответ на объявление дельфийским оракулом его мудрейшим из эллинов он пытался найти того, кто мудрее его, но, к своему удивлению, не нашел. Тогда и родилось его знаменитое изречение: *«Я знаю, только то, что ничего не знаю, а другие не знают даже этого»*. Последовательно и многократно ставил вопросы о том, как формируется человеческое знание о мире и можно ли достичь неоспоримых результатов, какие предварительные условия для этого необходимы. Для Сократа объективная истина, несомненно, существует. Вопрос состоит в том, как ее достичь. Можно ли ее сложить из многих примеров и приблизительных определений? Как выразить рационально и логически корректно совершенное содержание эйдоса (образа, идеи), имея в распоряжении множество явлений и мнений? Симптоматично, что ни один из диалогов, в которых Платон реконструирует рассуждения учителя, не завершен выработкой общего определения искомого понятия, которое было бы полным, совершенным и окончательным. Это свидетельствует о том, что истина не достигнута.

Сократ и софисты

Замечательный русский философ В.С. Соловьев (1853–1900) называл Сократа и величайшим софистом, и величайшим противником софистики. Этот парадокс стоит рассмотреть подробнее.

Софисты (др.-греч. софистос – «умелец, мудрец, знаток, изобретатель, мастер») стали очень популярны в V веке до н.э. в греческих полисах. Они за большую плату учили людей таким

наукам, как математика и астрономия, философия и физика. Но их главным «коньком» были *риторика* – искусство построить убедительную речь – и *эристика* – искусство спора. К старшим софистам относят Протагора из Абдер (ок. 490–420 до н.э.), Горгия Леонтинского (предполож. 480–380), Гиппия, Продика, Антифонта и Крития. Последний из перечисленных софистов был учеником Сократа, родственником Платона и принимал участие в олигархическом перевороте «тридцати тиранов» в 404–403 годах. Наиболее известными младшими софистами первой половины IV века считают Алкидаманта, Ликофрона и Фрасимаха.

В чем причина их известности? В Древней Греции существовал институт соревновательного судопроизводства, в котором сталкивались истцы и ответчики. От их способности представить и защитить свою позицию зависел исход дела. Кроме того, без владения приемами публичной дискуссии и спора нельзя было мечтать о политической карьере. Но победа в споре не тождественна нахождению истины. Победить можно было с помощью уловок, т.н. *софизмов*, когда незаметно для оппонента подменяли термины, неправомерно изменяли объем понятия. Например, с помощью фактов относительно того, что мужчины – это не женщины и что мужчины смертны, можно было подтолкнуть соперника к абсурдному выводу о том, что женщины бессмертны.

Однако было бы ошибкой считать софистов исключительно «тренерами» спорщиков. Им принадлежит одно из важнейших «открытий» в философии, в частности формулировка базовых установок философии субъективизма. Одно сочинение Протагор начал так: *«Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют»*³. Этот тезис говорит о следующем: решение вопроса о том, что «истина» и что «ложь», остается за человеком (субъектом), который выбирает, что является верным и неверным. Если истина субъективна, то у каждого своя истина. Однако это противоречит ее определению как всеобщего объективного знания. Следовательно, истины не существует, а мир непознаваем.

Утверждение об относительности истины принято называть *гносеологическим релятивизмом*, а о его непознаваемости – *агностицизмом*. Предложенную софистами позицию относительности моральных норм, соответственно, называют *моральным релятивизмом*. Эти идеи впоследствии не раз будут воспроизведены

³ Цит. по: Антология мировой философии. Т. 1. Ч. 1. – М.: Мысль, 1969. С. 315.

в философии, но сегодня, как и во времена Сократа, они воспринимаются в качестве вызова идее логоса, наличия общемирового порядка и закона, господствующей в философии и доминирующей в общественном сознании. Протагор, например, по словам Диогена Лаэртского, был изгнан из Афин, а книги его сожжены на площади за то, что он начал свое сочинение следующим образом: «О богатых я не могу знать, есть они или нет их, потому что слишком многое препятствует такому знанию, – и вопрос темен, и людская жизнь коротка»⁴. Не могли быть приняты и высказывания Крития о том, что религия выдумана для того, чтобы люди боялись нарушать законы.

История сохранила свидетельства спора Сократа и Протагора при обсуждении вопроса о том, можно ли научить граждан полиса добродетели или это присуще всем людям от природы. Спор занял целый день и прекратился в тот момент, когда соперники обменялись теоретическими позициями: Сократ согласился с тем, что добродетели надо учить, а Протагор – с тем, что способность отличать добро от зла имеет врожденный характер (диалог Платона «Протагор»). Таким образом, персонально Протагор и его сторонники являлись для Сократа достойными соперниками, у них он перенимал диалектические приемы и использовал иронию, чтобы высмеять противника. Неслучайно многие горожане считали его спорщиком-софистом.

Но при некотором сходстве приемов Сократ категорически выступал против морального релятивизма софистов, сознательного нарушения законов логики, обвинял их в корысти. Он называл их «охотниками за богатыми и славными юношами», «продавцами духовных товаров», прежде всего рассуждений и знаний о добродетели. Сократ резонно указывал на то, что софисты наживают деньги при помощи искусства словопрения и спора, а проблемы подлинного бытия их не волнуют.

Влиятельный Горгий Леонтинский (ок. 480–380 до н.э.), по сути, это подтвердил в сочинении «О природе, или О несуществующем». В нем он сформулировал три положения: «Одно – именно первое [гласит], что ничто не существует; второе – что если [что-либо] и существует, то оно непознаваемо для человека; третье – что если оно и познаваемо, то все же, по крайней мере, оно непередаваемо и необъяснимо для ближнего»⁵.

⁴ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль, 1986. С. 375.

⁵ Цит. по: Антология мировой философии. Т. 1. Ч. 1. – М.: Мысль, 1969. С. 318–319.

Горгий всегда выступал невероятно убедительно и красноречиво, на практике показывая, что слово – великий властелин. В одном из публичных выступлений он приводит убедительные аргументы в пользу того, что Елена Прекрасная была виновницей Троянской войны. На следующий день с такой же убедительностью оправдывает ее. Таким образом, события не имели онтологического «якоря», они оказывались не первичной реальностью, а следствием рассказа о них. Рассказать и истолковать можно что угодно и как угодно, если это полезно на практике. Эти идеи найдут новые воплощения в герменевтике, феноменологии, постмодернизме и других направлениях философии уже в XX веке. Пока они вызывают острое неприятие у Сократа, равно как и метод софистов, которому Сократ противопоставляет честный поиск истины. Интересен только тот факт, что, и Сократ, и софисты ни один из диалогов не завершают сформулированным верным суждением, но лишь отказом от предыдущего и «конфузом» собеседника. Напомним, что причиной этого, с позиции Сократа, является трудность достижения истины, а с позиции софистов – ее отсутствие.

Метод Сократа

Это – *диалог*, т.е. вопросно-ответная процедура, которая позволяет собеседнику увидеть несовершенство его первоначальных ответов, противоречия своей позиции, осознать собственное незнание и с помощью вопросов философа приблизиться к истине. Диалог дополняют *иронией* – скрытой или явной насмешкой над самоуверенностью того, кто мнит себя «много знающим». Особенно уязвленными себя чувствовали те, кто первоначально принимал Сократа за простачка и думал, что одержит легкую победу в споре с ним. Но и Сократ не давал окончательных определений и ответов. Результатом сократической беседы становилось не новое догматическое знание, а новое стремление дальше осмысливать исследуемый предмет, дальше искать (припоминать, «рожать») истину.

Метод Сократа называют также диалектикой в значении «искусства спора»⁶, поскольку он помогает найти слабость в аргументах оппонента. Если учитывать, что предметом спора становились вопросы, не имеющие однозначного ответа, то попытка найти

⁶ Диалектикой называют также философское учение о развитии через противоположности.

на них ответ с необходимостью делала любой тезис фальсифицируемым (т.е. опровергаемым).

Смерть Сократа

Она стала легендарной, показала цену, которую приходится иногда платить за поиск истины. Сократа обвинили в непочтительном отношении к богам и растлении юношей⁷. Платон подробно изложил ход событий в сочинении «Апология Сократа». Большинство исследователей полагают, что выступления Сократа на суде переданы точно, хотя Платон писал это сочинение спустя несколько лет после казни учителя. Обвинителями философа стали политик Анит, молодой поэт Мелет и старый ритор Ликон, т.е. люди разных возрастов и сословий. Сократ рассказал, как, будучи не согласным со словами пифии о том, что он – мудрейший из эллинов, стал искать мудрость у других людей, прежде всего у политиков, затем поэтов, ремесленников, но каждый раз его постигало разочарование. В напрасном поиске тех, кто знает истину, он нажил множество врагов, впал в нищету, терпел насмешки, но не переставал философствовать. Это развенчание общепринятых догматических постулатов обвинители называли развращением юношей, а тот факт, что некий внутренний голос, «даймонион», предостерегал Сократа от поступков, за которые может быть стыдно, был подан как создание новых богов и непочитание старых. После первого голосования Сократа все-таки признали виновным с небольшим перевесом. Но, когда на вопрос о том, какого наказания он достоин, философ попросил почетный обед в пританее, за смертный приговор проголосовал уже 361 человек из 501!

От предложения друзей организовать побег философ отказался, поскольку он чтит закон и уважал решение суда, даже если оно было несправедливым. Смерти он не боялся, т.к. верил в бессмертие души. Философию он понимал как искусство умирания, ибо душа философа стремится расстаться с телом, что и происходит после смерти, которая открывает возможность заглянуть за пределы посюстороннего существования. «Ведь никто же не знает ни того, что такое смерть, ни того, не есть ли она – величайшее из благ, а все боятся ее, как будто знают наверное, что она есть вели-

⁷ Имеется в виду духовное и интеллектуальное растление, привитие ложных ценностей и добродетелей.

чайшее из зол. Но не самое ли это позорное невежество – думать, что знаешь то, чего не знаешь?»⁸

Последний день жизни и смерть Сократа подробно описаны Платоном в диалоге «Федон». Прощаясь с учениками, Сократ формулирует четыре аргумента в пользу бессмертия души. Первый – «циклический» – основан на понятии взаимной обусловленности любых противоположностей. Если есть смерть, то должно быть и бессмертие. Второй опирается на учение о знании как припоминании. Третий аргумент связан с разнородностью души и тела. Тело сложно и, видимо, потому смертно, душа проста и безвидна, она подобна вечным сущностям. Четвертый аргумент базируется на понятии о душе как эйдосе, которая есть причина тела и идея жизни, а следовательно, она не может быть причастной смерти. Однако трудно судить о том, насколько эти суждения принадлежат Сократу, а в какой мере – Платону, т.к. любая положительная эвристика с трудом увязывается с основным тезисом афинского философа относительно того, что он знает, только то, что ничего не знает, и с его диалектическим методом.

Таким образом, учение и жизнь Сократа стали важной вехой в развитии философии. Они показали самоценность антропологической проблематики и продемонстрировали уникальный стиль философствования, философствования в устном диалоге, который сегодня принято называть сократовским.

Тексты для ознакомления

Софизмы

В диалоге «Эвтидем» Платон приводит пример софистического рассуждения, когда два софиста, Дионисидор и Эвтидем, решили запутать простодушного человека по имени Ктисипп: «Скажи-ка, есть ли у тебя собака?» – «И очень злая», – отвечал Ктисипп. – «А есть ли у нее щенята?» – «Да, тоже злые». – «И их отец, конечно, собака же?» – «Я даже видел, как он занимается с самкой». – «Что же, ведь это собака твоя?» – «Конечно». – «Значит, этот отец – твой, следовательно, твой отец – собака и ты – брат щенят?»⁹

Такие рассуждения принято называть софизмами (греч. *σοφισμα* – “умение, хитрая выдумка, мудрость”). Софизм – это

⁸ Платон. Апология Сократа. Диалоги. – М.: Азбука, 2018. С. 83–84.

⁹ Цит. по: Рассел Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней: в 3 кн. Кн. 1. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1994. С. 87.

уловка; рассуждение, имеющее видимость правильного, но содержащее в себе логическую ошибку.

Платон. «Лакет»¹⁰

Лисимах и Мелесий, знатные афинские граждане, обратились к известным стратегам – Лакету и Никию за советом. Не желая подражать большинству людей, которые позволяют своим сыновьям, когда они возмужают, делать все, что им заблагорассудится, они хотят узнать: какое воспитание сделает их достойнейшими.

Сократ. Какую же из частей добродетели мы прежде всего выберем? Не ясно ли, что ту, к которой, по-видимому, тяготеет наука о воинском деле? А этой частью большинство людей почитают мужество. Разве не так?

Лакет. И очень даже так.

Сократ. Следовательно, прежде всего, Лакет, попытаемся сказать, что же это такое мужество? Постарайся же определить, что это такое.

Лакет. Но, клянусь Зевсом, Сократ, это не трудно сказать. Если кто добровольно остается в строю, чтобы отразить врагов, и не бежит, знай, это и есть мужественный человек.

Сократ. Ты хорошо сказал, Лакет. Но, быть может, моя вина в том, что я неясно выразился, ибо ты ответил не на задуманный мною вопрос, но совсем другое.

Лакет. Что ты имеешь в виду, Сократ?

Сократ. Скажу, если сумею. По-видимому, мужествен тот, кто, по твоим словам, оставаясь в строю, продолжает сражаться с врагами.

Лакет. Да, я так утверждаю.

Сократ. Я тоже. Ну а если он, убегая и не оставаясь в строю, продолжает сражаться с врагами?

Лакет. Как это – убегая?

Сократ. А вот как скифы, о которых говорят, что они, убегая, сражаются не хуже, чем преследуя.

Лакет. Но это ведь скифская конница так сражается, я же говорю о тяжеловооруженной пехоте эллинов.

Сократ. Здесь надо исключить лакедемонян, Лакет. Ведь о них говорят, что под Платеями, когда они оказались перед рядами щитоносцев, они не пожелали держать строй и продолжать сражение

¹⁰ Платон. Диалоги. – М.: Мысль, 1986. С. 223.

и побежали; когда же ряды персов расстроились, они развернулись обратно и таким образом выиграли сражение.

Лахет. Ты говоришь правду.

Сократ просит своего собеседника дать определение мужества, а затем несколькими вопросами заставляет его убедиться в том, что его определение неверно; но ведь знать – значит дать точное определение, и тогда оказывается, что собеседник не знает того, что считал известным. В данном случае он на примерах показывает Лахету, что можно быть мужественным и бежать с поля боя

Платон. «Федон»¹¹

Сократ. Примерно такое убеждение и должно составиться из всего этого у подлинных философов, и вот что приблизительно могли бы они сказать друг другу: «Словно какая-то тропа приводит нас к мысли, что, пока мы обладаем телом и душа наша неотделима от этого зла, нам не овладеть полностью предметом наших желаний. Предмет же этот, как мы утверждаем, – истина. В самом деле, тело не только доставляет нам тысячи хлопот – ведь ему необходимо пропитание! – но вдобавок подвержено недугам, любой из которых мешает нам улавливать бытие. Тело наполняет нас желаниями, страстями, страхами и такой массой всевозможных вздорных призраков, что, верьте слову, из-за него нам и в самом деле совсем невозможно о чем бы то ни было поразмыслить! А кто виновник войн, мятежей и битв, как не тело и его страсти? Ведь все войны происходят ради стяжания богатств, а стяжать их нас заставляет тело, которому мы по-рабски служим. Вот по всем этим причинам – по вине тела – у нас и нет досуга для философии.

Но что всего хуже: если даже мы на какой-то срок освобождаемся от заботы о теле, чтобы обратиться к исследованию и размышлению, тело и тут всюду нас путает, сбивает с толку, приводит в замешательство, в смятение, так что из-за него мы оказываемся не в силах разглядеть истину. И напротив, у нас есть неоспоримые доказательства, что достигнуть чистого знания чего бы то ни было мы не можем иначе как отрешившись от тела и созерцая вещи сами по себе самою по себе душой. Тогда, конечно, у нас будет то, к чему мы стремимся с пылом влюбленных, а именно разум, но только после смерти, как обнаруживает наше рассуждение, при

¹¹ Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1993. С. 67.

жизни же – никоим образом. Ибо если, не расставшись с телом, невозможно достичь чистого знания, то одно из двух: или знание вообще недостижимо, или же достижимо только после смерти. Ну, конечно, ведь только тогда, и никак не раньше, душа остается сама по себе, без тела. А пока мы живы, мы, по-видимому, тогда будем ближе всего к знанию, когда как можно больше ограничим свою связь с телом и не будем заражены его природою, но сохраним себя в чистоте до той поры, пока сам бог нас не освободит. Очитившись таким образом и избавившись от безрассудства тела, мы, по всей вероятности, объединимся с другими такими же, как и мы, [чистыми сущностями] и собственными силами познаем все чистое, а это, скорее всего, и есть истина. А нечистому касаться чистого не дозволено». Вот что, Симмий, мне кажется, непременно должны говорить друг другу все подлинно стремящиеся к знанию и такого должны держаться взгляда. Ты согласен со мною?

Вопросы для самоконтроля

1. В чем состоит сократовский антропологический поворот в философии?
2. В какой форме Сократ излагал свои идеи?
3. Что такое майевтика?
4. Как строится сократический диалог?
5. Кто такой Протагор?
6. Как Протагор формулирует основной принцип софистов?
7. Какие три тезиса выдвигает Горгий?
8. Чем Сократ отличается от софистов?
9. Как вы понимаете афоризм Сократа «Я знаю только то, что ничего не знаю»?
10. Что такое рационалистическая этика?
11. Что происходило в суде над Сократом?
12. Как Сократ относился к смерти?

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Новое в научном сообществе

DOI: 10.30727/0235-1188-2023-66-4-140-159

Обсуждение проблемы

Problem discussion

Индивидуализм и коллективизм как предмет социально-философского анализа

Размышления в преддверии научной конференции
«Индивидуализация и коллективизм
в современном российском обществе».

Отделение общественных наук РАН,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Институт философии РАН,
Институт психологии РАН. Москва, апрель 2024 года

А.П. Давыдов

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Аннотация

Отделение общественных наук РАН, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Институт философии РАН и Институт психологии РАН готовят научную конференцию «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе» (Москва, апрель 2024 года). Конференция приурочена к 300-летию Российской академии наук и 95-летию со дня рождения А.С. Ахиезера. Цель конференции – внести вклад в разработку критериев анализа межсубъектных отношений в акте *социального развития*. Установка конференции на исследование социального развития опирается на доминанты современной философско-социологической неклассики и предлагает некоторые темы для обсуждения. Переход от абсолютизации категорического императива И. Канта, предписывающего рассматривать человека только как высшую цель в системе межсубъектной коммуникации и процессе познания, к альтернативному рассмотрению человека как средства самосовершенствования и важнейшего ресурса социального развития (В.С. Библер). Отказ от абсолютизации функции противопоставления веры и знания, Я и Другого, «своего» и «чужого», научного и обыденного сознания (В.А. Лекторский, И.Т. Касавин, В.Н. Порус). Интерпретация смысла личности не столько через «*cogito ergo sum*», «чистое Я», «Self», «Эго», «Сверх-», сколько через «способность Я ответить на зов Другого», формируя таким образом мельчайшую клеточку социоиндивидуального как синтеза социального и индивидуального (М.М. Бахтин, В.А. Лекторский, Р.С. Гринберг). Преодоление сложившегося

неравенства экономических укладов, решаемое через социоиндивидуализм малого и среднего бизнеса (А.С. Ахиезер, Р.С. Гринберг). Предполагается также обсуждение вопросов: Каким образом через транспортировки накопленного в мире знания от Я к Другому и обратно формируются малые творческие группы как коммуникативная площадка для формирования социально ориентированного индивида – субъекта социального развития? И как строить диалог между участниками партнерских отношений, если они стоят на различных основаниях (Ж.-П. Сартр)? Дискуссия нацелена на осмысление противоречивых, оксюморонных, но нацеленных на диалог и синтез понятий «индивидуализация социального», «социально ориентированный индивид», «социоиндивидуализм».

Ключевые слова: социальная философия, социология, социокультурная динамика, социоиндивидуализм, индивидуализация социального, социально ориентированный индивид, социально-эпистемологические основания, модернизация, медиация.

Давыдов Алексей Платонович – доктор культурологии, эксперт РАН по социологии, главный научный сотрудник Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН.

apdavydov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-6429-5758>

Для цитирования: Давыдов А.П. Индивидуализм и коллективизм как предмет социально-философского анализа (размышления в преддверии научной конференции «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе») // Философские науки. 2023. Т. 66. № 4. С. 140–159. DOI: 10.30727/0235-1188-2023-66-4-140-159

Individualism and Collectivism as a Subject of Social-Philosophical Analysis

Reflections on the Eve of the Scientific Conference

“Individualization and Collectivism in Contemporary Russian Society.”

Branch of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (RAS),

Institute of Sociology of the RAS Federal Center for Theoretical and

Applied Sociology, RAS Institute of Philosophy, RAS Institute of

Psychology. Moscow, April 2024

A.P. Davydov

*Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied
Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Abstract

The Branch of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (RAS), the Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the RAS, the RAS Institute of Philosophy, and the RAS Institute of Psychology are arranging “Individualization and Collectivism in Contemporary Russian Society” scientific conference, to be held in Moscow, April 2024. The event marks the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences and the 95th birth an-

niversary of the Russian philosopher and social theorist A.S. Akhiezer. Its primary objective is to foster the development of criteria for analyzing intersubjective relations within the act of social development. The conference's focus on the investigation of social development is grounded in the dominants of contemporary philosophical-sociological non-classics and proposes several topics for discussion. These include the transition from the absolutization of Kant's categorical imperative, which mandates the consideration of humans solely as the ultimate end in the system of intersubjective communication and the knowledge process, to an alternative consideration of humans as means of self-improvement and a crucial resource for social development (V.S. Bibler). It encompasses the rejection of absolutizing the function of contrasting faith and knowledge, the Self and the Other, the "own" and the "foreign," scientific and everyday consciousness (V.A. Lectorsky, I.T. Kasavin, V.N. Porus). The interpretation of the meaning of personality shifts from concepts like *cogito ergo sum*, "pure Self," "Self," "Ego," "Super-," to the "ability of the Self to respond to the call of the Other," thereby forming the smallest cell of the socio-individual as a synthesis of the social and the individual (M.M. Bakhtin, V.A. Lectorsky, R.S. Grinberg). Overcoming the established inequality of economic systems is addressed through the socio-individualism of small and medium-sized enterprises (A.S. Akhiezer, R.S. Grinberg). The conference also anticipates discussions on the following topics: How do the transfer and exchange of accumulated global knowledge from the individual to the other, and vice versa, contribute to the formation of small creative groups, serving as a communicative platform for nurturing socially oriented individuals – agents of social development? Moreover, how can dialogue be effectively constructed among participants of partnership relations who operate on differing premises (J.-P. Sartre)? The discussion is aimed at contemplating the contradictory, oxymoronic, yet dialogue and synthesis-oriented concepts of "individualization of the social," "socially oriented individual," and "socio-individualism."

Keywords: social philosophy, sociology, sociocultural dynamics, socio-individualism, individualization of the social, socially oriented individual, socio-epistemological foundations, modernization, mediation.

Alexey P. Davydov – Doctor of Cultural Studies, RAS Expert in Sociology, Chief Research Fellow, Center for Sociology of Management and Social Technology, Institute of Sociology of the Federal Scientific Research Center, Russian Academy of Sciences.

apdavydov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-6429-5758>

For citation: Davydov A.P. (2023) Individualism and Collectivism as a Subject of Social-Philosophical Analysis (Reflections on the Eve of the Scientific Conference "Individualization and Collectivism in Contemporary Russian Society"). *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 4, pp. 140–159. DOI: 10.30727/0235-1188-2023-66-4-140-159

В апреле 2024 года Отделение общественных наук РАН, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Институт философии РАН и Институт психологии РАН проведут научную конференцию «Индивидуализация и коллективизм в современном российском обществе», приуроченную к 300-летию Российской академии наук и 95-летию со

дня рождения А.С. Ахиезера¹. Руководители конференции – академики РАН А.А. Гусейнов, М.К. Горшков, В.А. Лекторский, А.В. Смирнов, Д.С. Ушаков, член-корр. РАН М.Ф. Черныш. В рамках конференции предусмотрена работа секций «Социально-эпистемологические основания индивидуализации и коллективизма» (руководители – В.А. Лекторский, Е.О. Труфанова), «Ценности коллективизма: индивид, общество, общество» (руководитель – А.В. Павлов), «Индивидуализация социального и коллективизм как предмет социологии» (руководители – М.Ф. Черныш, Ю.Б. Епихина), «Стратегия индивидуализации/коллективизма в контексте солидарности и взаимодействия центра и регионов» (руководители – А.А. Мерзляков, В.С. Богданов), «Социально-психологические механизмы интеграции и дифференциации в российском обществе» (руководитель – Т.А. Нестик), «Культура, общество и межкультурные отношения в ракурсе медиационного мышления. Проблемы диалога» (руководитель – А.П. Давыдов).

1. Цель и задачи конференции

Цель конференции – *обсуждение современной специфики процессов индивидуализации и коллективизма в российском обществе. Индивидуализация* – формирование в сознании человека представления о ценности «его собственной жизни», «его собственного жизненного мира», «его собственного способа мышления» как о конечном критерии конструирования установок познания, поведения, деятельности, нацеленных на его выживание и развитие себя как *социального и культурного субъекта*. В.А. Ядов писал о том, что «ценные для общества или социальных групп и коллективов индивидуализированные способы, методы, формы деятельности» являются объектом социологии [Ядов 1998, 154]. *Коллективизм* в его социальном измерении – включенность (ощущение включенности – в психологическом измерении) индивида в коллектив (семью, группу, общину); нечто данное индивиду изначально и одновременно результат его индивидуальной и коллективной деятельности. Коллективизм помогает индивиду выжить в его борьбе с силами природы и конкурентами, удовлетворяет потребность в обеспечении существования (в условиях войны, голода, надвигающейся бедности, болезни, старости). Одновременно существует опасность преувеличения значимости включенности индивида в коллектив: утрата индивидом критической способности, пренебрежение логиче-

¹ Конференция продолжает традицию мероприятий, посвященных памяти выдающегося российского философа, социолога и культуролога Александра Самойловича Ахиезера (1929–2007). В 2010 году был проведен круглый стол «Ахиезеровские чтения», в 2019 году – всероссийская научная конференция «Социокультурная методология макроисследований динамики российского общества».

ской стороной мышления в пользу эмоциональной, падение доверия к самому себе, преувеличение страха перед жизнью.

Индивидуализация коллективного (социального). М.Ф. Черныш, касаясь темы перехода российского общества от традиционализма к состоянию модерна, отмечает, что «с разрушением общины и последовательной индивидуализации заметно упал запрос на коллективные действия. Это началось довольно давно, в 1960-е годы или даже ранее, по мере развития системы образования, возрождения образовательной идеологии социального достижения» [Черныш 2022, 184]. Черныш также обращает внимание на то, что «оценка советского периода была одной из тем новой идеологии перерождения коллективистского общества как массы в сторону индивидуации, растущей ценности человеческой жизни... Модернизация общественного сознания, переход к индивидуализму сопровождались повышенным вниманием к траектории индивида на фоне исторических событий, несоизмеримо выросла значимость отдельного человека и его судьбы» [Черныш 2022, 178]. З. Бауман писал: «“Индивидуализация”, если понимать ее как “освобождение человека от предписанной, унаследованной и врожденной предопределенности его социальной роли”, представляет собой “наиболее заметную и основополагающую черту эпохи модерни... говорить об индивидуализации и модерни... значит рассуждать об одной и той же общественной ситуации». Одновременно Бауман предупреждал о рисках и опасностях процессов индивидуализации [Бауман 2005, 181–182].

Современная индивидуализация в широком смысле как предмет социальных наук и нашей конференции – это реакция на углубляющийся кризис целостной Я-личности как высшей ценности (Кант), успешно боровшейся за свою автономность от исторически сложившегося социального (родовой культуры и имперского общества) в XVII–XIX веках, и это – нарастающая индивидуализация своей собственной жизни, собственного жизненного мира, собственного представления об интересах и морали в условиях быстро изменяющегося социального (кризиса исторически сложившихся ценностей, текущей современности, жидкого модерни, общества риска, множественной идентичности) во второй половине XX–XXI веков как результат формирования субъектом (индивидом) нового уровня своей социальной свободы. Основными сферами индивидуализации этого типа являются стиль жизни², ценности,

² М.Ф. Черныш, например, обращает внимание на то, что «в сознании актуализируется потребность в собственном уникальном “пространстве” и “собственном времени”, которая, в свою очередь, повышает требования к современному городу – размерам, конструкции и расположению жилья, инфраструктуре, помогающей индивиду выживать в большом городе *в одиночку*. В результате в обществе увеличиваются число разводов и одновременно число переходных состояний – добрачных, брачных, послебрачных, внебрачных, сверхбрачных» [Черныш 2017, 32].

интересы, сфера отношений собственности, ответственности и права, способы мышления, принятия решений и др. Каждая из указанных сфер социального – предмет социологического знания и познания.

Основная социальная роль поворота эпистемологии и социологии к человеку в XX–XXI веках – способность Я через индивидуальное взаимодействие с Другим формировать «текучую современность» (термин З. Баумана), общество перемен, такое коллективное единство, в котором, с одной стороны, происходит постоянная виртуальная и реальная дифференциация социального, с другой – через новые синтезы происходит становление в обществе обновляющегося социального разнообразия как формы социокультурной солидарности, динамичного развития [Давыдов 2021].

Одна из актуальных тем социологии – отношения индивида и природы/культуры/общества. Индивидуализации выхода индивида как Мы-субъекта из природы через культуру и через антропосоциетальный анализ в последние три века посвящено много исследований; индивидуализация в акте перехода доминанты в принятии решений от культурцентризма к диалогу культуры и общества через социокультурный анализ находит все большее понимание в научном сообществе; но индивидуализация «выхода» индивида как Я-субъекта из общества и его «перехода» в гражданские организации, хотя и опирается на некоторые фундаментальные и эмоциональные основания, пока не определила ни основных проблем, ни рациональных методов и целей и требует дальнейших исследований³.

Научно-практическая значимость целей конференции. Задачи дискуссии:

1. Обсудить возможные новые интерпретации смыслов индивидуализации и коллективизма в современных условиях. Исследовать современность

³ М.К. Горшков, автор заключения книги «Российское общество и вызовы времени», объясняет: «На протяжении многих лет в системе мировоззренческих координат россиян наблюдается коллизия: установки на цивилизационный суверенитет России, ценности общности и коллективизма, которые важны людям с точки зрения общего вектора развития страны, связаны с приоритетом личных интересов над общественными, если речь заходит о повседневной жизни обычного человека. Однако в условиях ценностной мобилизации общества весной 2022 года произошла определенная корректировка установок – все большее число россиян отдает себе отчет в том, что события экстраординарны и требуют изменения отношения человека к стране и обществу. Единственная группа, выпадающая из данного контртренда, в которой установки на приоритет личных интересов, напротив, усиливаются, – часть молодежной когорты до 25 лет» [Российское общество... 2022, 266]. К выводу М.К. Горшкова можно дополнить оценку Н.Н. Седовой (ФНИСЦ РАН) в этом же исследовании: «Среди молодежи до 25 лет... в атмосфере затягивания россиянами “ментальных поясов”, сокращения пространства субъектности под давлением внешних обстоятельств, укрепляется значимость... ценности свободы» [Российское общество... 2022, 201].

менную меру соединения индивидуального и социального в научной рефлексии в условиях усиления распада исторически сложившихся индивидуальных и коллективных форм жизненного мира, нарастающей новой индивидуализации/диалогизации стиля современной жизни и мышления.

2. В аналитике современных социальных процессов отказаться от абсолютизации представления об эго-индивидуализации, «чистом Я», сверх-Я, воле, лежащей в основе мира, абсолютной идее, воле к власти и др. в социальных науках – все эти подходы, как правило, тяготеют либо к онтологическому, либо к психическому бессознательному. И как альтернативу им через познавательную установку на изучение социального развития ввести в научный оборот некоторые относительно новые внутренне противоречивые, но нацеленные на диалог и синтез (синкрезис) понятия. Среди них – «индивидуализация социального», «социально ориентированный индивид», «социоиндивидуализм». Это способ социализации индивида в условиях, в которых социальное развитие осуществляется через научные открытия, новые технологии, поиск талантов, высокий профессионализм, социальный диалог, предпринимательскую динамику, целенаправленное формирование неравенств как новый нормативизм, ликвидацию чрезмерных неравенств как способ борьбы с угрозой социокультурного раскола в обществе.

3. Понять формирование предпосылок диалога между социальным и индивидуальным (старым и новым, статикой и динамикой, традицией и инновацией, исторически сложившейся культурой и развивающимся обществом, консерватизмом и реформизмом) как основание нацеленности на социоиндивидуальный, социоиндивидуализированный диалог и синтез.

4. Попытаться поставить вопрос о том, что основным результатом диалога интересов и ценностей является формируемый сторонами некий новый смысл, выражающий новый интерес, который постепенно все более несет в себе третью субъектность в системе «Я – Другой», верифицируется через новые социальные формы, познается через знание (например, «предметы-посредники» В.А. Лекторского, экспертное знание Т.М. Дридзе и «символические проводники» П.А. Сорокина) о них и постепенно превращается в новую ценность как новое основание социального развития.

5. Поставить вопрос о том, возможно ли через дифференциацию (дробление) культурных стереотипов (как отражений традиционного коллективного целого, например представлений о семье, общине, империи, о том, что «всегда так было») на более мелкие части, каждая из которых имеет актуальное социальное значение «здесь и сейчас»,

понять этот тип дифференциации-индивидуализации обобщенно – как «индивидуализацию социального»⁴.

6. Поставить вопрос о том, возможно ли термин «индивидуализация», понятый В.А. Ядовым как «персонифицированная форма реализации социальных функций» [Ядов 1998, 154], интерпретировать как «индивидуализация социального» и «социоиндивидуализация».

7. Представляется, что Г.С. Батищев, указывая на двойственность индивида, интерпретирует современную индивидуализацию именно как социоиндивидуализм и социоиндивидуализацию: «В своих связях с миром, касающихся его виртуального, не актуализируемого для него бытия или же бытия, проблемность которого ему непосильно трудна, индивид объективно оправданно – есть индивид-акциденция, или частичка, органически со-принадлежащая некоторому Целому. Но это не потому так, что индивид утрачивает или отрицает свою субъектность, а просто-напросто потому, что такие его связи существуют вне сферы его индивидуальной субъектности и объективно предшествуют его деятельности, его свободе выбора и решений, его инициативе и его онтологической ответственности. На сферу его субъектной деятельности, его свободы выбора и решений, его ответственности такие связи со-принадлежности отнюдь не посягают. Они эту сферу лишь предваряют, оставляя ее собою не захваченной, незамкнутой» [Батищев 1997, 306]. Отсюда вопрос: Не указывает ли Батищев на органическую со-принадлежность субъектности индивида и своему деятельностному автономному Я, и одновременно некоторому заданному социокультурному Целому как единому (хотя и раздвоенному) основанию его индивидуализма? *Разве этот раздвоенный и вместе с тем целостный тип индивидуализма нельзя назвать социально ориентированным индивидуализмом, социоиндивидуализмом?*

8. Б. Латур, призывая «очистить» социологию от исторически сложившихся в науке и все более устаревающих социологических схем,

⁴ Оргкомитет конференции принял решение по мере формирования Программы конференции предоставлять возможность ученым, занимающимся исследованием проблем индивидуализации и коллективизма, знакомиться с положениями ее содержательной части, разместив ее проект на сайте ФНИСЦ РАН. Например, д. филос. н., проф. И.Г. Михайлова (Санкт-Петербург) в письме в Оргкомитет конференции 10 августа 2023 года, ознакомившись с проектом Программы нашей конференции, дает определение индивидуализации с позиции синергетического историзма: «Синергетический историзм рассматривает индивидуализацию субъекта социокультурного воспроизводства как динамический процесс формирования в его сознании представления о смысле его существования, обусловленном или изначально заданным, доминирующим в обществе социокультурным (или религиозным) идеалом, или сформированным им контридеалом, определяющим его развитие, саморазвитие и путь самоопределения». Оценка выступлений такого рода будет дана при подведении итогов работы нашей конференции.

в частности Э. Дюркгейма [Латур 2014], и начать заново изучать социальное человеческое как индивидуальное (например, с помощью его теории АСТ), уверен, что новая социологизация будет развиваться благоприятно и успешно, потому что индивид стихийно социален. Из этого следует вполне логичный вопрос. *Можно ли утверждать, что использование термина и идеи «социоиндивидуализма» для описания и изучения неклассической эпистемологии современной сетевой социальной динамики (начиная, например, с выхода в свет работ «Слова и вещи» (1966) и особенно «Археология знания» (1969) М. Фуко) – одна из наиболее характерных черт поворота эпистемологии и социологии к человеку во второй половине XX–XXI веков?*⁵

9. Не следует ли понимать социальное развитие как двуединый процесс взаимопроникновения социализации индивидуального и индивидуализации социального, а развитие (цивилизационную эволюцию) человека как вида – через формирование меры взаимодействия этих противоположностей со своей социокультурной спецификой в каждую отдельную культурную эпоху? Если это так, то не следует ли допустить, что субъектностью этого процесса является потребность и способность как индивида, так и общества/культуры вести социокультурный диалог?

2. Социально-эпистемологические основания современной индивидуализации и коллективизма

Введение в тему. Вторая половина XX века ознаменовалась поворотом социальных наук к человеку, особенно в социологии. Начался переход от приоритетного изучения социальных структур, социальных групп, общества в целом к все большей значимости исследования отдельного человека как субъекта собственной жизни, своего жизненного мира. Возник новый акцент-переход в системе «Я – Другой» от

⁵ Один из основателей концепции ноообщества, член-корр. РАН экономист С.Д. Бодрунов пишет: «Не только человек социализируется под влиянием общества, но и общество социализируется под влиянием активной деятельности человека, преобразующего сложившиеся культурно-нравственные нормы, ценности, мотивы, а также соответствующие социальные институты... Находясь в обществе, индивид “кодируется” обществом, принимает в процессе социализации в качестве “кода” то нравственно-ценностное ядро, которое на данный момент составляет социальную сущность общества и определяется критериальной базой ценностей ему присущих. Именно в этом смысле индивид социализируется. Но и сам индивид, влияя на общество, “социализирует” его, меняя его нравственно-ценностное ядро; задача состоит в том, чтобы это ядро видоизменялось в направлении, определяемом ноокритериальной базой. Открытие, расширение, освоение такого знания, включение его в нравственно-ценностное ядро – важный аспект задачи социализации общества, “делания” его более “социальным”, неиндивидуалистичным, более комфортным к индивиду, более “ноо”ориентированным» [Бодрунов 2022, 27].

классического изучения познания знания, самопознания самости Я (Self) к неклассическому познанию Я через Другого, поиску путей взаимопонимания, диалога в системе «Я – Другой», социальной интерпретации индивидуализма. Из этого следует возможность рождения новой доминанты – третьего смысла, коммуникации, которая зарождается между Я и Другим и все более определяет через себя, через свою нарастающую субъектность состояние всей системы «Я – Другой» и путей ее развития. *Перед наукой возникают новые задачи:* 1) увидеть и объяснить социальное содержание новой индивидуализации жизни: стиля жизни, ценностей, способов принятия решений; 2) понять, что изменения в социологическом мышлении в контексте отношения индивидуализации и коллективизма социального опираются на соответствующие сдвиги в эпистемологических основаниях. В рамках дискуссии об эпистемологических основаниях предлагаются для обсуждения следующие вопросы-темы:

2.1. *Отказ от абсолютизации категорического императива* И. Канта, предписывающего рассматривать человека только как высшую цель в системе межсубъектной коммуникации, процессе познания, и переход к альтернативному рассмотрению человека как средства. Формула В.С. Библера: «цель цели – быть средством», «цель без средства – ничто» [Библер 2002, 91–92]⁶. Но возникает ряд вопросов:

1) Что означает «человек как средство»? Средство чего? Как определить меру способности быть средством?

2) Как поставить диалог между целью и средством на службу социальному развитию?

3) Как искать жизнеспособную меру между целью (ценностями) и средством (интересами), чтобы выжить в современном мире? Можно

⁶ С постановкой В.С. Библером вопроса о средстве как механизме, определяющем смысл цели, перекликается постановка этого же вопроса в конфуцианстве, предложившем *социокультурную формулу саморазвития человека как основание его способности измениться, чтобы изменить мир*: «Вместо того, чтобы возвеличивать небо и размышлять о нем, не лучше ли, самим умножая вещи, подчинить себе небо?! Вместо того, чтобы служить небу и воспевать его, не лучше ли, преодолевая небесную судьбу, самим использовать небо в своих интересах? Чем только надеяться на время года и ожидать, что тебе принесет небо, не лучше ли самим в соответствии со временем года добиться всего этого?! Чем ожидать самоумножения вещей, не лучше ли, используя возможности человека, самим изменить вещи?! Вместо того, чтобы только думать о вещах и их использовании, не лучше ли привести в порядок имеющиеся вещи и не допустить, чтобы что-нибудь было упущено?! Чем только желать, чтобы вещи рождались так, как нам того хочется, не лучше ли самим заставить их совершенствоваться согласно нашим желаниям?!» [Сюнь-цзы 1973, 173]. Сюнь-цзы – выдающийся философ раннего конфуцианства (ок. 313 – ок. 238 годов до н.э.).

ли считать поиск такой меры и способов ее формирования основанием межсубъектного диалога?

2.2. *Изменение представления о личности.* В.А. Лекторский писал: «Неклассическое понимание Я, разрабатывающееся в философии XX века, отказывается от того понимания Я, которое сформулировал Декарт» [Лекторский 2009, 176]. В эпистемологии Лекторского возникла альтернатива картезианству: 1) система «Я – Другой»; 2) способность Я ответить на зов Другого как формируемая предпосылка возможности межсубъектного диалога. Актуальными становятся следующие вопросы:

1) Каким образом через способность Я ответить на зов Другого в неклассическом научном мышлении формируется новая социальная доминанта – познание индивидуализма Я через индивидуализм Другого?

2) Как, через какие социальные механизмы строить основание диалога между ними и формировать меру совместности (меру взаимоот-талкивания/взаимопроникновения) в партнерской деятельности?

2.3. *Отказ от абсолютизации функции разграничения между верой и знанием* (В.А. Лекторский, В. Депперт (ФРГ), И.Т. Касавин, В.Н. Порус). В контексте этого следует обратиться к проблемам:

1) Как понять скользящую (термин В.А. Лекторского), мерцающую (термин М.Н. Эпштейна) границу между верой и знанием?

2) И.Т. Касавин и В.Н. Порус поставили свой вопрос: «Не назрела ли необходимость отойти от традиционных схем, в которых либо разуму, либо морали приписывается некая изначальная фундаментальность? Быть может эти “атрибутивные свойства человека” сегодня уже должны рассматриваться в нерасторжимом единстве: внеморальный разум неразумен, внеразумная мораль неморальна... Такое единство с трудом рационализируется в непротиворечивых понятийных системах, но явно ощущается на уровне экзистенциальной проблематики» как индивидуального, так и коллективного существования [Касавин, Порус 1999, 17].

3) Позволяет ли отказ от абсолютизации функции разграничения между верой и знанием более критично отнестись к абсолютизации границ между Я (своим) и Другим (чужим), к абсолютизации формулы «либо – либо» в межсубъектных отношениях? Каким образом концепция проницаемой границы между противоположностями способствует формированию предпосылок для диалога социальных субъектов?

2.4. Основная рабочая оппозиция в исследовании социокультурной динамики общества А.С. Ахиезера состоит в следующем: *культура как исторически сложившийся опыт / ценности – общество как способ*

выхода субъекта за рамки стереотипов культуры / интересы. Все творчество Ахиезера посвящено ответу на вопрос о том, каковы механизмы, порождающие в России хронический раскол между старым и новым, статикой и динамикой, традицией и инновацией, между культурой (консерватизмом) и обществом (реформизмом) [Ахиезер 2008]. Его основные вопросы:

1) Как через дуальную оппозицию «культура – общество» составить представление о субъекте модернизации, который в «сфере между» культурой и обществом, через риски развития формируя и снимая социокультурные противоречия, постоянно ищет адекватную меру критики/апологетики того и другого?

2) Каково содержание социокультурной программы протестного субъекта, который самокритично вышел из сферы влияния доминирующих в обществе соборно-авторитарных абсолютов и на основе собственной жизни, собственного жизненного мира, способа мышления, через диалог с оппонентами формирует в обществе основания социального (социально ориентированного) индивидуализма, т.е. новый индивидуализм?

2.5. Социальная индивидуализация, коммуникация и поиск меры совместности в партнерстве как методологический инструмент социологии. Каковы современные эпистемологические механизмы социокультурного диалога?

2.5.1. Диалог субъектов на общем основании («коммуникация – для»). М.М. Бахтин создал формулу партнерства: «Я для Тебя с твоей индивидуальной точки зрения / Ты для Меня с моей индивидуальной точки зрения» [Бахтин 2000]. Касательно этого основания встают вопросы:

1) Каким представляется это основание? Могут ли Я и Другой вступить в интеллектуальный диалог и создать сообщество, частично отказавшись от своих «*cogito ergo sum*», «чистого Я», «Сверх-» и «Эго», чтобы сформировать нечто третье, через которое они будут способны более адекватно, т.е. через свой «жизненный мир», выразить персональную индивидуальность?

2) Можно ли перенести формулу Бахтина на отношения в России «федеральный центр – регион»?

3) Если да, то каким образом рождается императив служения индивидуализмов друг другу на общем основании, формируя *социальный индивидуализм – одно из оснований социальной индивидуализации*? Как искать общую для них точку зрения – *адекватную меру совместности, конструируемую обоими*? Можно ли предприятие (завод, ферму) и территорию (село, город, область) в сопоставлении с федеральным центром назвать носителем социального индивидуализма?

2.5.2. Диалог субъектов на различных основаниях («коммуникация – от»). Коммуникация в системе «Я – Другой» тоже коммуницирует (тер-

мин Н. Лумана), но сигнализирует о другом. В Библии читаем: «Разве я сторож брату моему?» (Быт. 4:9). Ж.-П. Сартр писал: «Я ответствен за мое бытие-для-другого, но я не есть его основание» [Сартр 2000, 380]. В формуле Сартра вырисовывается сложная структура основания возможного партнерства, два уровня, две меры: первая – за сотрудничество, другая – в сомнении и, возможно, даже против, она хочет установить жестко индивидуализированные границы партнерства [Давыдов 2021]. Поэтому могут быть поставлены вопросы:

1) Что (какой третий смысл) объединяет партнеров в формуле Сартра, несмотря на их разные self-основания? Общая цель? Доля в общей выгоде? Установившаяся иерархия в отношениях? Мораль? Общественный договор? Что еще?

2) Можно ли утверждать, что оба типа коммуникации, продвигая сотрудничество индивидуализмов Я и Другого, подготавливая их диалог и устанавливая его границы, опираются на методологию «для/от», где «для» и «от», взаимопроникая, формируют методологическое *тождество, которое представляет первичный уровень онтологии проблемы социально ориентированного индивидуализма в сфере «между»*?

3. Индивидуализация социального и коллективизм как предмет социологии

Введение в тему. В книгах «Индивидуализированное общество» и «Текущая современность» З. Бауман формирует образ «текущего», «индивидуализированного» глобального общества, «свободного от заборов, барьеров, укрепленных границ и контрольно-пропускных пунктов. Любая плотная сеть социальных обязательств, и особенно основанная на территориальном принципе, является препятствием, которое необходимо убрать с пути» [Бауман 2008, 21]. Но одновременно он сообщает, что индивидуализация, взятая как крайность, опасна: она может вести к десоциализации, разрушению социальных форм, когда Я личности рассматривает в качестве субъекта только самого себя, а общество и культуру частью враждебного ему мира [Бауман 2005; Бауман 2008]. У. Бек считает, что представление об индивидуализации вносит основной вклад в теоретическое осмысление социокультурной эволюции человека: «Одно решающее отличие от пролетарской или буржуазной культуры состоит в том, что здесь на первом плане уже не классовые категории, а политическая и культурная динамика “моей собственной жизни”, оставляющая след в обществе. Линии конфликта размыты, но от этого они не стали менее глубокими» [Beck, Beck-Gernsheim 2008, 49]. К предпочтительному изучению отдельного человека как носителя индивидуального, его внутреннего мира и внешних связей через индивидуализацию призывает французский социолог Б. Латур в книге «Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию»

[Латур 2014]. На объективный и общекультурный характер индивидуализации обращает внимание М.Ф. Черныш: «Индивидуализация – это центральная тенденция современной жизни... Для большинства обществ истина находится где-то посередине, между признанием новой социологии актуальной, базирующейся на индивидуализации, и ее полным отрицанием. В любом современном обществе сосуществуют между собой социальные группы, живущие в разных исторических эпохах, с разной степенью погружения в современность» [Черныш 2017, 34–35]. Современная индивидуализация как социокультурный процесс, ориентированный на поиск нового социального, и медиация (от лат. *mediāna* – «середина»; от англ. *mediation* – «поиск середины, медиация») – это формирование индивидом на *основе собственного жизненного мира* альтернативы в «сфере между» двумя ценностными доминантами, в частности между авторитарными стереотипами управления и соборной психологией массовой культуры; это социоиндивидуализация и диалогизация поиска социально-культурных оснований альтернативной динамики культуры/общества/индивида, которая разворачивается в «сфере между» исторически сложившимися полюсами в мышлении и управлении: между охраной родового, традиционного, накопленного веками, с одной стороны, и командно-административной ограниченностью происходящих социальных реформ – с другой [Давыдов 2022, 4–5].

3.1. Если субъектом формирования социальной меры индивидуализации являются личность и социальная группа⁷, то возникают следующие вопросы:

⁷ В акте индивидуализации в условиях интеллектуального поворота к человеку «личность приобретает новые качества, возникает феномен человеческого капитала» [Лапин 2006, 224]. В этой связи нельзя не согласиться с выводом А.А. Мерзлякова о том, что наибольшим потенциалом в изучении социального группообразования «обладает антропосоциетальный подход в общей социологии, обоснованный Н.И. Лапиным, который исходит из того, что сегодня на авансцене появляется человек как социальный субъект, деятельность которого сопоставима с действиями социальных институтов. Этот субъект не только интернализует нормы и ценности общества, но и воздействует на их компоненты в соответствии с новыми потребностями и интересами при непрерывном возрастании (за счет научно-технологического прогресса) обеспеченности ресурсами как групповой, так и персональной активности. Однако социальный субъект, в нашем понимании – это не только человек, индивид, но и группа людей, субъектность которой устанавливается в разных условиях и режимах группообразования» [Реформирование... 2021, 69]. «В социологии термин “ субъектность” представляет собой также свойство не отдельного человека, а целых общностей и групп и даже социальных институтов, превращающихся при определенных обстоятельствах в коллективных субъектов» [Мерзляков 2018, 98].

1) Через какие технологии индивид и группа создают новые нормы и ценности, управляющие социальными процессами, в частности индивидуализацией и группообразованием?

2) Какими критериями, показателями, индексами можно описать меру индивидуализации социального, способность социально ориентированного индивида строить собственный жизненный мир?

3.2. Интерсубъективная индивидуализация социального в малых группах. Малые группы в качестве самостоятельных субъектов общественных отношений на уровне первичной социальности (или первичной социальной структуры) представляют индивидуализированную микросреду личности. Эта микросреда складывается через коммуникативную функцию «проводников-сигналов» П.А. Сорокина [Сорокин 2021] и «предметов-посредников» В.А. Лекторского в межличностной системе «Я – Другой» [Лекторский 1980].

«Предметы-посредники» Лекторского – это «орудия труда, язык, социальные институты, знаково-символические системы, культурные артефакты, включая науку, при помощи которых выявляется реальность, существующая независимо от человека, и посредством которых создается новый уровень реальности – человеческая реальность... Эта сфера “предметов-посредников” постоянно меняется, развивается и тем самым определяет изменение как субъекта, так и объекта» (цит. по: [Теория медиации... 2019, 61–62]).

Но за 60 лет до того, как В.А. Лекторский написал знаменитую книгу «Субъект, объект, познание» (1980), в которой раскрыл эпистемологическую суть феномена «предметов-посредников», П.А. Сорокин создал социально-психологическую теорию теории «проводников». Что означают сорокинские «символические проводники», «проводники-знаки», «проводники-сигналы»? Сорокин писал: «Индивид не может непосредственно воспринимать психику Другого, ни познавать ее непосредственно, ни возбуждать в Другом те или иные психические переживания без посредства тех или иных проводников... При отсутствии проводников невозможным становится ни сколько-нибудь длительное, интенсивное и значительное физическое взаимодействие, невозможным становится и психическое взаимодействие» [Сорокин 2021, 149]. Он продолжал: «Психика, прежде чем перейти к Другому... “овеществляется”, символизируется и только в виде внешнего раздражителя дана другим членам общения» [Сорокин 2021, 173]. Поэтому проводники, по словам Сорокина, часто рождаются в виде многообразных знаков, символов, сигналов, архитектуры, фетишей во всех сферах деятельности [Сорокин 2021, 208]. Сорокин утверждал: «Всякая библиотека с этой точки зрения может рассматриваться как огромнейшая, сложнейшая телефонная станция, в которой посредством книг ежедневно сотни людей “соединяются”

с множеством авторов, живых и мертвых, и неслышно ведут между собою беседу» [Сорокин 2021, 162].

Из этого следуют вопросы:

1) В чем сходство и различие между эпистемологическими «предметами-посредниками» Лекторского и психологическими «символическими проводниками» Сорокина? Эти две теории противостоят друг другу или взаимодополняют друг друга в концепции малой творческой группы?

2) Можно ли предположить, что научная коммуникация, как субъект (по Н. Луману) с помощью «проводников» Сорокина передает содержание «предметов-посредников» Лекторского от Я к Другому и обратно, формируя в малой социальной группе «Я – Другой» социоиндивидуализм обоих?

3) И можно ли сделать осторожный вывод о том, что если межсубъектная научная коммуникация в теоретизировании Сорокина, Лумана, Лекторского работает как третья субъектность в дуальной оппозиции «Я – Другой» и если она все более определяет динамику системы в целом, то актуальность и жизнеспособность заново рождающейся системы зависит от меры актуальности и новизны, которую несет такая коммуникация, и спроса общества на эту меру? Или существуют иные зависимости?

4) Приведенный вопрос можно сформулировать несколько иначе. Социоиндивидуализм Сорокина–Лумана–Лекторского, противостоящий и Я-индивидуализации, и Мы-социализации как абсолютам, как бы разрешает спор в науке: Происходит ли сегодня социальное развитие не столько через классовые стереотипы или динамику индивидуального творчества, сколько через *социально-коммуникативное и интеллектуальное содержание индивидуализации межсубъектных отношений в малой социальной группе (индивидуализации социального)*, т.е. как формирование нового субъекта социального развития – социального (социокультурного) индивидуализма?

3.3. *Неравенства как структурная экономическая проблема, решаемая через социоиндивидуализм малого и среднего бизнеса.* Основным средством снижения уровня неравенств в стране А.С. Ахиезер и Р.С. Гринберг считали борьбу против засилья в экономике России монополий через «создание массовой микроструктуры продавцов и покупателей» [Ахиезер 1998, 287]. Мощь давления монополий «сверху» уравнивается в их схемах противопоставлением ей мощи демократического хозяйственного давления на них «снизу». Тем не менее Р.С. Гринберг, оперируя образами, утверждает, что в России нет высокой доли в экономике малых частных предприятий, потому что нет крупных частных предприятий [Гринберг 2019, 75–76].

С учетом этого появляется следующий вопрос. Разве такие государственные российские гиганты, как «Ростех», «ОАК», «Роснефть» и др., производящие готовую продукцию по государственным заказам, не сотрудничают с субъектами малого и среднего предпринимательства (МСП), производящими узлы и детали для них? И разве это сотрудничество, опирающееся на объективное неравенство государственных структур и МСП, не является взаимовыгодным для обеих сторон, разве оно подавляет социоиндивидуализм МСП? Или, может быть, задача состоит лишь в том, чтобы расширить имеющийся позитивный опыт социально ориентированного индивидуализма российского малого бизнеса и увеличить долю МСП в ВВП?

3.4. Индивидуализация как социокультурный процесс. Не стало ли общепринятым после А.С. Ахиезера и В.А. Лекторского рассматривать культуру России как хранилище веками накопленного культурного богатства (исторически сложившихся ценностей), а современное общество как экспериментальную площадку, на которой испытывают и отбирают наиболее эффективные новые нормы, а также старые нормы в новых условиях (новых интересов, не записанных в культуре)? Если да, то не является ли дихотомия «культура – общество» через понятия «индивидуализация социального», «социоиндивидуализм», «социально ориентированный индивид» и «социокультурный диалог» некоторым развитием в понимании внутреннего мира как индивида, так и общества, раздвоенных между старым и новым, статикой и динамикой, традицией и инновацией, между исторически сложившейся культурой и нацеленным на инновационное развитие обществом? Разве общество и культура, нацеленные на социальное развитие социума, не формируют необходимое – предпосылку (основание) диалога между собой, нацеленного на получение социокультурных синтезов (актуальной меры совместности (В.А. Лекторский), социального партнерства (А. Турен))? *И если да, то не является ли диалогичное «социоиндивидуальное» как таковое понятием, через которое приоткрывается одна из методологий поиска меры взаимодействия противоположных векторов – и «социализации индивидуального», и «индивидуализации социального» – в рамках установки изучения социального (социокультурного) развития человека и общества?*

Заключение

Представляется, что конференция способна прийти к следующим выводам:

1. Оценка современной индивидуализации социального рождается из объективно развивающихся процессов – индивидуализации повседневных потребностей индивида, социальных групп и территорий, понимаемых как субъект социального развития, и из удовлетворения этих потребностей обществом и государством.

2. Современная индивидуализация социального формируется одновременно с встречной тенденцией – социализацией индивида/индивидуального, и эти два встречных вектора (индивидуализация и социализация) могут взаимодополнять друг друга только через диалогизацию смыслового пространства социального развития, в котором эти вектора существуют и изменяются.

3. Социально ориентированный индивид как субъект процесса индивидуализации социального на стадии своего становления и зрелости отказывается и от абсолютизации как многих исторически сложившихся культурных стереотипов (М.М. Бахтин, В.А. Лекторский, А.С. Ахиезер), так и некоторых сторон современного социального модерна в пользу социоиндивидуальных интересов и ценностей индивида, развития его собственного жизненного мира, собственного способа понимания социальности и принятия решений.

4. Эти социокультурные типы – социально ориентированный индивид и индивидуально ориентированное социальное (коллективное) – могут служить эффективным критерием создания предпосылок межсубъектного диалога, межсубъектной солидарности, договороспособности и формирования многообразной и изменчивой меры социального единства.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ахиезер 1998 – *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. 2: Теория и методология. Словарь / 2-е изд., переработ. и доп. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.

Ахиезер 2008 – *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта / 3-е изд. – М.: Новый хронограф, 2008.

Батищев 1997 – *Батищев Г.С.* Введение в диалектику творчества / вступ. ст. В.А. Лекторского, послесл. В.Н. Шердакова. – СПб.: РХГИ, 1997.

Бауман 2005 – *Бауман З.* Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005.

Бауман 2008 – *Бауман З.* Текучая современность / пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008.

Бахтин 2000 – *Бахтин М.М.* Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000

Библер 2002 – *Библер В.С.* Замыслы. В 2 кн. Кн. 1 / сост. И.Е. Берлянд. – М.: РГГУ, 2002.

Бодрунов 2022 – *Бодрунов С.Д.* Научно-технический прогресс и трансформация общества: ноономика и ноообщество. Часть 3 // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. 2022. Т. 1. № 3. С. 13–34.

Гринберг 2019 – *Гринберг Р.С.* В поисках равновесия. – М.: Магистр, 2019.

Давыдов 2021 – *Давыдов А.П.* Методологическая «середина-для» в ракурсе неклассики В. Лекторского, медиации А. Ахиезера и принципа комплементарности Р. Гринберга / А. Рубинштейна // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 191–202.

Давыдов 2022 – *Давыдов А.П.* Общество как медиационный субъект социального развития (к методологии межсубъектного диалога) // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 3–13.

Касавин, Порус 1999 – *Касавин И.Т., Порус В.Н.* От редакторов // Разум и экзистенция. Анализ научных и вненаучных форм мышления / под ред. И.Т. Касавина и В.Н. Поруса. – СПб.: РХГИ, 1999. С. 9–20.

Лапин 2006 – *Лапин Н.И.* Общая социология. – М.: Высшая школа, 2006.

Латур 2014 – *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Поклонской. – М.: Изд. Дом НИУ ВШЭ, 2014.

Лекторский 1980 – *Лекторский В.А.* Субъект, объект, познание. – М.: Наука, 1980.

Лекторский 2009 – *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. – М.: URSS, 2009.

Мерзляков 2018 – *Мерзляков А.А.* Проблема субъектности в социологии управления // Социологическая наука и социальная практика. 2018. № 4 (24). С. 95–104.

Российское общество... 2022 – Российское общество и вызовы времени. Кн. 6 / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой – М.: Весь мир, 2022.

Реформирование... 2021 – Реформирование властно-управленческой вертикали в условиях реализации национальных проектов и активизации процессов спонтанного группообразования / отв. ред. А.В. Тихонов, А.А. Мерзляков. – М.: ФНИСЦ РАН, 2021.

Сартр 2000 – *Сартр Ж.-П.* Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000.

Сорокин 2021 – *Сорокин П.А.* Система социологии / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммен. В.В. Сапова. – Сыктывкар: Анбур, 2021.

Сюнь-цзы 1973 – *Сюнь-цзы.* Глава 17. «О небе» // Древнекитайская философия. В 2 т. Т. 2 / сост. Ян Хин Шун. – М.: Мысль, 1973. С. 167–174.

Теория медиации... 2019 – Теория медиации Александра Ахизера. Воспоминания. Библиография. К 90-летию со дня рождения ученого / сост. и отв. ред. А.П. Давыдов. – М.: Новый хронограф, 2019.

Черныш 2017 – *Черныш М.Ф.* Глава I. Социальная мобильность: традиционные и современные подходы // Социальная мобильность в России: поколенческий аспект / отв. ред. В.В. Семенова, М.Ф. Черныш, А.В. Ваньке. – М.: Институт социологии РАН, 2017. С. 34–35.

Черныш 2022 – *Черныш М.Ф.* Об историческом прошлом и идентичности современных россиян // Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / под ред. М.К. Горшкова. – М.: Весь мир, 2022. С. 175–185.

Ядов 1998 – *Ядов В.А.* Индивидуализация // Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. акад. РАН Г.В. Осипова. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998. С. 154.

Beck, Beck-Gernsheim 2008 – *Beck U., Beck-Gernsheim E.* Individualization: Institutionalized Individualism and Its Social and Political Consequences. – London: Sage, 2008.

REFERENCES

Akhiezer A.S. (1998) *Russia: Critique of Historical Experience. Sociocultural Dynamics of Russia. Vol. 2: Theory and Methodology. Dictionary* (2nd ed.). Novosibirsk: Sibirskiy khronograf (in Russian).

Akhiezer A.S. (2008) *Russia: Critique of Historical Experience* (3rd ed.). Moscow: Novyy khronograf (in Russian).

Bakhtin M.M. (2000) *The Author and the Hero: On the Philosophical Foundations of the Humanities*. Saint Petersburg: Azbuka (in Russian).

Batichshev G.S. (1997) *Introduction to the Dialectics of Creativity* (V.A. Lektorsky, Intro.; V.N. Sherdakov, Afterword). Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute (in Russian).

Bauman Z. (2005) *The Individualized Society*. Moscow: Logos (Russian translation).

Bauman Z. (2008) *Liquid Modernity*. Saint Petersburg: Piter (Russian translation).

Beck U. & Beck-Gernsheim E. (2008) *Individualization: Institutionalized Individualism and Its Social and Political Consequences*. London: Sage.

Bibler V.S. (2002) *Plans* (I.E. Berlyand, Ed.; Vol. 1). Moscow: Russian State University for the Humanities (in Russian).

Bodrunov S.D. (2022). Scientific and Technological Progress and Transformation of Society: Noonomy and Noosociety. Part 3. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*. Vol. 1, no. 3, pp. 13–34 (in Russian).

Chernysh M.F. (2017) Chapter I: Social Mobility: Traditional and Modern Approaches. In: Semenova V.V., Chernysh M.F., & Vanke A.V. (Eds.) *Social Mobility in Russia: A Generational Aspect* (pp. 34–35). Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Chernysh M.F. (2022) On the Historical Past and Identity of Modern Russians. In: Gorshkov M.K. (Ed.) *Historical Consciousness of Russians: Assessments of the Past, Memory, Symbols: An Experience of Sociological Assessment* (pp. 175–185). Moscow: Ves' Mir (in Russian).

Davydov A.P. (Ed.) (2019) *The Theory of Mediation by Aleksandr Akhiezer. Memories. Bibliography. On the 90th Anniversary of the Scholar's Birth*. Moscow: Novyy khronograf (in Russian).

Davydov A.P. (2021) Methodological “Middle-for” from the Perspective of V. Lektorsky's Non-Classics, A. Akhiezer's Mediation, and R. Grinberg / A. Rubinstein's Principle of Complementarity. *Voprosy filosofii*. No. 4, pp. 191–202 (in Russian).

Davydov A.P. (2022) Society as a Mediation Subject of Social Development (On the Methodology of Inter-Subject Dialogue). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 9, pp. 3–13 (in Russian).

Gorshkov M.K. & Tikhonova N.E. (Eds.) (2022) *Russian Society and the Challenges of Time* (Vol. 6). Moscow: Ves Mir (in Russian).

Grinberg R.S. (2019) *In Search of Balance*. Moscow: Magistr (in Russian).

Kasavin I.T. & Porus V.N. (1999) From the Editors. In: Kasavin I.T. & Porus V.N. (Eds.) *Mind and Existence: Analysis of Scientific and Non-Scientific Forms of Thinking* (pp. 9–20). Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute (in Russian).

Lapin N.I. (2006) *General Sociology*. Moscow: Vysshaya shkola (in Russian).

Latour B. (2014) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory* (I. Poklonskaya, Trans.). Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics (Russian translation).

Lektorsky V.A. (1980) *Subject, Object, Cognition*. Moscow: Nauka (in Russian).

Lektorsky V.A. (2009) *Classical and Non-Classical Epistemology*. Moscow: URSS (in Russian).

Merzlyakov A.A. (2018) The Problem of Subjectivity in Management Sociology. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsiologicheskaya praktika*. No. 4, pp. 95–104 (in Russian).

Sartre J.-P. (2000) *Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology*. Moscow: Respublika (Russian translation).

Sorokin P.A. (2021) *System of Sociology* (V.V. Sapov, Ed.). Syktyvkar: Anbur (in Russian).

Tikhonov A.V. & Merzlyakov A.A. (Eds.) (2021) *Reforming the Power-Management Vertical in the Context of Implementing National Projects and Activating the Processes of Spontaneous Group Formation*. Moscow: FSNCS RAS (in English).

Xunzi (1973) Chapter 17: On Heaven. In: *Ancient Chinese Philosophy* (Yang Hin Shun, Ed.; Vol. 2, pp. 167–174). Moscow: Mysl' (Russian translation).

Yadov V.A. (1998) Individualization. In: Osipov G.V. (Ed.) *Russian Sociological Encyclopedia* (p. 154). Moscow: Norma-Infra-M (in Russian).

Цели и задачи

«Философские науки» – ежемесячный рецензируемый научный журнал, публикующий статьи на русском и английском языках. Журнал был учрежден в 1958 г. как научное образовательное просветительское издание для системы отечественного образования. Статьи журнала посвящены как традиционным, классическим философским темам, так и актуальным проблемам современности и перспективам социокультурного и цивилизационного развития человечества.

Aims and Scope

Russian Journal of Philosophical Sciences = *Filosofskie nauki* is a peer-reviewed monthly journal published in Russian and English languages. The journal was founded in 1958 as a scientific and educational periodical for the educational system. The papers of the journal are dedicated to classical problems of philosophy as well as to important issues of the modernity and prospects of sociocultural and civilizational development of humankind.

С условиями публикации материалов в журнале
и порядком рецензирования статей можно ознакомиться на сайте:
<https://www.phisci.info/jour/about/submissions#authorGuidelines>

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса Россия» – 45490

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77 – 15513 от 20 мая 2003 г.

Подписано в печать 16.11.2023 г. Формат 60х90/16. Печать цифровая.

Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0. Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в типографии Издательского дома «Гуманитарий».

E-mail: humanist@academyrh.info